

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

ДЫМОНТ Екатерина Евгеньевна

**ФУНКЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМ С ПЕРФЕКТНЫМ
ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
(НА ФОНЕ ТЕКСТА НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ)**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Баженова Е.А.

Пермь – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История и актуальные проблемы изучения перфекта в языкознании	17
1.1. Исследование перфекта в диахроническом аспекте.....	17
1.2. Перфектное значение и способы его выражения в современном русском языке. Понятие перфектной ситуации.....	21
1.3. Сопоставительные исследования русского и итальянского перфекта.....	33
Выводы	54
Глава 2. Текстовые функции русских глагольных форм с перфектным значением	56
2.1. Некоторые аспекты изучения текста в лингвистике.....	56
2.2. Textoобразовательный потенциал перфектной ситуации.....	61
2.3. Словоформы с перфектным значением в функции текстовой когезии.....	64
2.4. Словоформы с перфектным значением в сюжетно-событийной функции.....	83
2.5. Словоформы с перфектным значением в функции переключения субъективно-модальных планов повествования.....	120
Выводы	135
Глава 3. Способы перевода на русский язык итальянских глагольных форм с перфектным значением	137
3.1. Способы перевода на русский язык перфекта со связкой <i>иметь (avere)</i>	138
3.2. Способы перевода на русский язык перфекта со связкой <i>быть (essere)</i>	144
3.3. Способы перевода на русский язык плюсквамперфекта.....	150
Выводы	155

Глава 4. Текстовые функции итальянских глагольных форм с перфектным значением в сопоставлении с русским переводом.....	156
4.1. Функционирование единичных форм с перфектным значением в итальянском тексте и его русском переводе.....	157
4.2. Функционирование неединичных форм с перфектным значением в итальянском тексте и его русском переводе.....	163
Выводы.....	170
Заключение.....	172
Список сокращений.....	177
Библиографический список.....	178
Список цитируемых источников.....	191
Приложение (гlossарий).....	194

Введение

Диссертационная работа посвящена изучению **перфекта** – одного из самых сложных и неоднозначных грамматических понятий в лингвистике. Как перфектные формы, так и семантика перфектности представляют собой чрезвычайно неоднородное явление, по-разному репрезентированное в языках мира.

Настоящее исследование нацелено на решение ряда проблем, связанных с функционированием словоформ с перфектным значением в современном русском языке:

– изучение семантических и функциональных разновидностей перфекта с учетом слабой грамматикализации перфектного значения в русском языке;

– описание функционально-семантического поля перфектности;

– определение способов репрезентации в художественном тексте перфектных ситуаций и выявление текстовых функций словоформ с перфектным значением;

– установление семантического потенциала русских перфектных глаголов при переводе художественного текста с итальянского языка на русский.

По сформировавшейся традиции перфектное значение интерпретируется через призму понятий результативности, связи с настоящим и актуальности. Большинство языковедов перфект определяется как **граммема прошедшего времени – глагол или страдательное причастие, – выражающая действие в прошлом, последствия которого релевантны для более позднего временного плана** (например: *Пруд уже застыл; Я слышал об этом; Задача решена*) [АГ – 80; Виноградов 1972; Потебня 1958; Тимофеев 1941; Трубинский 2001; Шахматов 2001; Michaelis 1998 и др.]. Однако в современной

аспектологии традиционный подход к категории перфектности претерпевает изменения. В частности, В.Б. Кашкин [Кашкин 1991], Ю.С. Маслов [Маслов 2004], В.А. Плунгян [Плунгян 2011, 2016; Plungian 2001], а также другие российские и зарубежные исследователи [Козинцева 1983, 1998; Недялков, Отаина, Холодович 1974; Недялков, Яхонтов 1983; Bybee 1994; Comrie 1981, 1985; Coseriu 1976; McCoard 1978; McCawley 1981; Ritz 2012 и др.] отмечают актуализацию в перфектной семантике не только результативной семы («результатирующее состояние», «extended now», «current relevance»), но и наличие некоторого «перфектного приращения», «чего-то большего, чем результативность», акцентируя внимание на «особых дискурсивных функциях» перфекта [Плунгян 2016: 11; см. также: Fontaine 1983].

С учетом идеи приращения перфектного значения мы предполагаем, что в силу своей семантической и функциональной многоплановости, а также под воздействием дискурсивных факторов словоформы с перфектным значением несут повышенную смысловую нагрузку в художественном тексте. Будучи способными репрезентировать обобщенные значения, эти словоформы играют важную роль в выражении художественной идеи произведения и авторской позиции.

По мнению В.А. Плунгяна, особые дискурсивные функции перфектных словоформ имеют место в языковых системах с сильной грамматикализацией перфекта. См.: «...Особые дискурсивные функции – это, может быть, наиболее явная специфика перфекта во многих глагольных системах с сильной грамматикализацией перфектных форм; данная проблема, к сожалению, является одной из наименее изученных в области семантики перфекта – и наиболее трудной для рассмотрения» [Плунгян 2016: 11–12]. С нашей точки зрения, приведенное положение справедливо и для тех языков, в которых перфектное значение грамматикализовано в значительно меньшей степени, в том числе для

русского языка. Исходя из этого, можно допустить, что специфические дискурсивные функции словоформ с перфектным значением, получающие реализацию в тексте, являются лингвистической фреквенталией¹ в языках индоевропейской семьи (см.: [Вежбицкая 1999]). С целью проверки этого предположения функции глагольных словоформ с перфектным значением в современных художественных текстах на русском языке в диссертации исследуются на фоне итальянского языка.

Изучение перфектности как особого грамматического и семантического феномена требует обращения в первую очередь к функциональной грамматике – направлению современного языкознания, в центре внимания которого находятся функции языковых единиц, реализуемые в пределах высказывания. В рамках научной школы функциональной грамматики А.В. Бондарко под **высказыванием** понимается речевой фрагмент, репрезентированный предложением, сверхфразовым единством и комплексом сверхфразовых единств [Бондарко 1983; Теория функциональной грамматики 1987]. **Функция** языковой единицы интерпретируется как «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи» [Теория функциональной грамматики 1987: 4–5]. В работе мы употребляем данные понятия в соответствии с приведенными определениями.

В настоящее время широкое проблемное поле, сформировавшееся вокруг понятий «перфект» и «перфектность», активно изучается представителями разных лингвистических направлений, что позволяет говорить об **актуальности диссертационного исследования**.

Так, в научных трудах К.Г. Красухина, Ю.С. Маслова, К.А. Тимофеева и др. перфектные формы рассматриваются в аспекте их **исторического развития** [Красухин 2004; Маслов 2004; Петрухин 2004;

¹ Толкование используемых в диссертации терминов содержится в глоссарии (см. Приложение).

Терентьева 2008; Тимофеев 1941; Lasorsa-Siedina 2002]. Не меньший интерес вызывает изучение перфекта в **синхронном** аспекте, в том числе с точки зрения **способов выражения перфектной семантики в современном русском языке**. Связанные с этим вопросы отражены в работах [Бидэм 1988; Бондарко 1971, 1976; Буланин 1978; Гаврилова 1998; Гловинская 1982; Князев 1983, 1991, 2007; Лебедева 1959; Луценко 1988; Маслов 2004; Падучева 1998; Прокопович 1982; Пупынин 1990, 2001; Рассудова 1968; Tommola 2001 и др.]. **Перфект в индоевропейских языках** (в частности, славянских и романских) активно изучается в сопоставительно-типологических исследованиях [Acta linguistica petropolitana 2016; Кашкин 1991; Князев 1983; Кузнецова 2006; Ласорса 1998, 2007; Плунгян 2016; Храковский 1980; Широкова 2006; Эвиденциальность в языках Европы и Азии 2007; Abraham 1999; Anderson Lloyd 1982; Breu, Piccoli 2011; Drinka 2013; Fici Giusti 1995; Giorgi, Pianesi 1997; Harris 1983; Nishiyama, Koenig 2010; Squartini 1998, 1999; Squartini, Bertinetto 2000 и др.]. В ряде публикаций решаются проблемы, связанные с **переводом перфектных словоформ с одного языка на другой** [Белякова 1982; Кашкин 1991; Кашпур, Филь, Шаповал 2013; Ласорса 1998; Плунгян 2016; Сичинава 2008, 2013, 2019; Dahl 2000; Sqartini, Bertinetto 2000 и др.].

Степень разработанности темы характеризуется сочетанием фундаментальной базы исследования с неизученностью поставленной нами проблемы текстовых функций словоформ с перфектным значением. В целом, исследование выполнено **на стыке функциональной грамматики и лингвистики текста**, поскольку функции словоформ с перфектным значением рассматриваются в аспекте их участия в механизмах текстообразования и выражении текстовых категорий.

Методологической базой исследования послужили научные труды по **функциональной грамматике** (А.В. Бондарко, В.Б. Кашкин и др.),

общей и русской аспектологии (А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, А.И. Дунев, А.А. Зализняк, А.В. Исаченко, С.А. Карпухин, Ю.П. Князев, Ю.С. Маслов, В.А. Плунгян, О.П. Рассудова, В.С. Храковский и др.), **лингвистике текста** (Н.С. Болотнова, И.Р. Гальперин, К.А. Долинин, В. Дресслер, М.Я. Дымарский, Н.Д. Зарубина, С.Г. Ильенко, М.Н. Кожина, О.И. Москальская, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик, З.Я. Тураева и др.), **теории перевода** (Л.В. Кушнина, К. Ласорса и др.).

Методы исследования. В настоящей работе помимо общенаучных методов (анализ, синтез, классификация, интерпретация, сопоставление и др.), которые использовались для теоретического обобщения установленных закономерностей на основе методологических положений, были применены лингвистические методы.

Комплексный подход к изучению феномена перфектности получил конкретизацию, во-первых, в сочетании **функционально-семантического, семантико-стилистического** и **сопоставительно-типологического** методов; во-вторых, в рассмотрении языковых единиц, репрезентирующих перфектную ситуацию, на разных уровнях. Посредством **контекстуально-семантического** анализа текстовых фрагментов сделаны выводы относительно функций словоформ с перфектным значением в сложном синтаксическом целом (ССЦ) и тексте. Для описания функционально-семантического поля перфектности использован метод **полевого структурирования**. Метод **компонентного анализа** обеспечил изучение семантической структуры перфекта.

Важным методологическим положением функциональной грамматики, лежащим в основе диссертационного исследования, является **принцип «челночного» анализа от формы к семантике и от семантики к форме**. При этом следует подчеркнуть, что семантическая функция языковой единицы не равна ее языковому значению, поскольку значение статично, а реализация функции неизбежно связана с взаимодействием

языковых единиц в том или ином речевом контексте [Теория функциональной грамматики 1987: 5. См. также: Мельничук 1964; Солнцев 1977].

Объект исследования – глагольные словоформы с перфектным значением, функционирующие в современных художественных текстах на русском языке. **Единицей анализа** является сложное синтаксическое целое – структурно-семантический компонент текста, состоящий из нескольких предложений, раскрывающих одну из его микротем (подтем).

Для установления грамматической, семантико-смысловой и функциональной специфики слабо грамматикализованных русских словоформ с перфектным значением дополнительным (фоновым) объектом исследования служат перфектные словоформы, зафиксированные в оригинальном художественном тексте на итальянском языке и его русском переводе.

В качестве **предмета исследования** рассмотрены функции словоформ с перфектным значением в аспекте их участия в текстообразовании и выражении текстовых категорий.

Цель работы заключается в выявлении и описании функций, которые выполняют глаголы с перфектным значением в современных художественных текстах на русском языке, а также определении семантического потенциала русского перфекта в отношении возможностей адекватного перевода на русский язык итальянских перфектных глаголов.

Данная цель определила следующие **задачи**:

- 1) посредством изучения научной литературы сформировать теоретико-методологические основы исследования;
- 2) выявить структурно-грамматические и семантические признаки русских словоформ с перфектным значением;
- 3) установить грамматическую и семантическую специфику русского перфекта на фоне перфектных форм в итальянском языке;

4) определить содержание понятия перфектной ситуации и описать функционально-семантическое поле перфектности применительно к сфере художественной коммуникации;

5) выявить и описать функции словоформ с перфектным значением в текстообразовании и репрезентации текстовых категорий когезии, модальности, дейксиса и таксиса;

6) рассмотреть функции перфектных словоформ в итальянском тексте в сопоставлении с русским переводом и определить семантический потенциал русских словоформ с перфектным значением, использованных в переводном тексте.

Согласно **гипотезе** настоящего исследования, словоформы с перфектным значением, являясь ядерными компонентами перфектной ситуации, способны участвовать в текстообразовании, оказывая влияние на кодирование и декодирование смысла текста. Данную функцию перфектных словоформ можно считать фреквенталией в индоевропейской семье языков. Поскольку текстовые функции перфекта обусловлены спецификой его семантики, они могут получать реализацию как в языках, имеющих последовательные формальные способы выражения перфектности, так и в языках, не имеющих таких средств.

Материалом исследования послужили художественные произведения современных российских авторов В. Пелевина, Д. Рубиной, О. Славниковой, Т. Толстой, Л. Улицкой и др. В качестве материала для сопоставительного анализа использован роман-монолог современного итальянского писателя Алессандро Барикко (Alessandro Baricco) «Новеченто» («1900-й») (Novecento) [Baricco Alessandro, 1900 (Novecento), Milano, 1998] и перевод этого романа на русский язык, выполненный Н. Орешинной. Общий объем выборки составляет 150 ССЦ, в которых зафиксировано употребление одной или нескольких словоформ с перфектным значением. Валидность выборки определяется тем, что тексты

произведений всех отобранных авторов относятся к одному и тому же периоду. Дополнительной эмпирической базой исследования послужила выборка контекстов, сформированная из Национального корпуса русского языка [НКРЯ: электр. ресурс].

Достоверность и научная обоснованность теоретических и практических результатов исследования обеспечивается применением совокупности методов, соответствующих его цели и задачам; опорой на основополагающие труды российских и зарубежных ученых в области функциональной грамматики, аспектологии, лингвистики текста и сравнительно-типологического языкознания; анализом значительного объема речевого материала и его репрезентативностью.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

1. Впервые в отечественной лингвистике на основе комплексного – функционально-семантического, семантико-стилистического и сопоставительно-типологического – анализа осуществлено изучение словоформ с перфектным значением, функционирующих в художественном тексте.

2. Установлены ранее не описанные механизмы текстообразования с участием перфектных глаголов, и предложена авторская классификация выполняемых ими текстовых функций.

3. Обосновано новое для аспектологии и лингвистики текста положение относительно обусловленности текстовых функций перфектных глаголов синкретичностью перфектной ситуации.

4. Посредством сопоставительного анализа художественных текстов на русском и итальянском языках впервые выявлены структурные и семантико-смысловые корреляции словоформ с перфектным значением в оригинальном и переводном текстах.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что изучение категории перфектности, параметров перфектных ситуаций и

функций перфекта, реализованных в художественном тексте, вносит вклад в развитие функциональной грамматики и аспектологии. Текстцентрическая направленность диссертации определяет ее научную значимость для лингвистики текста, поскольку перфектные глаголы рассматриваются как одно из средств текстообразования и репрезентации текстовых категорий. Решение круга проблем, связанных с изучением способов передачи перфектной семантики при переводе текста с итальянского языка на русский, способствует развитию сравнительно-типологического языкознания и переводоведения.

Практическая ценность исследования связана с возможностью использования содержащихся в нем материалов и полученных результатов в вузовских курсах по современному русскому языку, лингвистике текста, функциональной грамматике, межкультурной коммуникации, теории перевода. Результаты сопоставительного анализа оригинального текста на итальянском языке и его русского перевода будут полезны переводчикам-практикам.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Перфектный глагол при употреблении в художественном тексте проявляет себя как синкретичная единица речевой системы, совмещающая ряд функций, а именно: 1) функцию текстообразования и упорядочивания линейного развертывания и восприятия текста; 2) функцию изменения темпорального и сюжетно-событийного плана текста; 3) функцию выражения связи между субъективно-модальными планами текста.

2. Реализация перфектом текстовых функций обусловлена спецификой перфектной ситуации как функционально-семантического поля, ядром которого является словоформа с перфектным значением, периферию поля образуют разноуровневые языковые средства, актуализирующие перфектность в конкретном контексте. На выполнение перфектом текстовых функций оказывают влияние расположение

словоформы в ССЦ, ее взаимодействие с другими предикатами, количество репрезентаций в рамках ССЦ, а также лексическое значение перфектного глагола.

3. В художественном тексте перфект проявляет себя как одно из самых субъективированных и «антропоцентрических» средств грамматического уровня языка, поскольку словоформы с перфектным значением, будучи тесно связанными с категориями дейксиса и модальности, способны эксплицировать позицию говорящего.

4. В художественном тексте на итальянском языке перфектные словоформы (*passato prossimo*) выполняют функции, аналогичные функциям русского перфекта. Однако вследствие различий в способах грамматической репрезентации перфектной семантики для адекватного перевода итальянских текстов на русский язык необходимо использование дополнительных средств актуализации перфектности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладе на заседании кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета 19 ноября 2020 г., а также в докладах на международных и всероссийских научных конференциях:

– Современная филология: теория и практика: II Международная научно-практическая конференция (НИИЦ «Институт стратегических исследований», Москва, 1–2 ноября 2010 г.);

– Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания: Всероссийская научная конференция (Кубанский государственный университет, Краснодар, 24–26 ноября 2010 г.);

– Дискурс лжи и ложь как дискурс: Международная научная конференция (Новосибирский государственный педагогический университет, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирск, 20–21 октября 2011 г.);

– XLII Международная филологическая конференция (филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 11–17 марта 2013 г.);

– Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: Международная научная конференция (Пермский государственный национальный исследовательский университет, 24 октября 2020 г.).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Дымонт Е. Е. Основные типы текстовых функций перфекта в художественном тексте // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 170–175.

2. Дымонт Е. Е. Способы перевода перфектных словоформ с итальянского языка на русский в театральном монологе А. Барикко «Новеченто» // Казанская наука. 2020. № 4. С. 35–38.

3. Дымонт Е. Е. Глагольные словоформы как средство когезии в русских и итальянских художественных текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. Вып. 1. С. 16–24.

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

4. Дымонт Е. Е. Глагольные формы с перфектным значением как средство реализации текстовой категории когезии // Молодая филология – 2010. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2010. С. 249–261.

5. Дымонт Е. Е. Функционирование глагольных форм с перфектным значением в итальянском тексте и его русском переводе // Современная филология: теория и практика: Материалы II Международной научно-

практической конференции. М: НИИЦ «Институт стратегических исследований», 2010. С. 78–81.

6. Дымонт Е. Е. Функционирование глагольных форм с перфектным значением в итальянском тексте и его русском переводе (на материале театрального монолога А. Барикко «1900-й»): перфектная ситуация как инструмент интерпретационной деятельности говорящего // Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания. Краснодар: Изд-во КГУ, 2011. С. 286–288.

7. Дымонт Е. Е. Текстовые функции видо-временных форм и особенности функционирования перфекта // Молодая филология – 2011. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2010. С. 231–242.

8. Дымонт Е. Е. Функционирование глаголов в перфектном значении в ситуациях нетождественной интерпретации события // Дискурс лжи и ложь как дискурс: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. С. 164–171.

Структура диссертации определена целью и задачами исследования.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, библиографического списка, списка цитируемых источников и приложения. В **первой главе** представлен интерпретационный анализ российских и зарубежных исследований перфекта, а также рассмотрена грамматическая и семантическая специфика словоформ с перфектным значением в системе глагольных форм русского языка (на фоне итальянского). **Вторая глава** посвящена описанию функций глагольных форм с перфектным значением в художественных текстах современных российских авторов. В **третьей главе** предметом анализа являются способы перевода на русский язык итальянских глагольных форм с перфектным значением, зафиксированных в тексте романа-монолога А. Барикко «Новеченто». В **четвертой главе** осуществляется сопоставительный анализ функций перфекта в оригинальном тексте на

итальянском языке и его русском переводе. В **заключении** обобщенно представлены выводы проведенного исследования. **Библиографический список** включает 130 наименований, в том числе 27 на иностранных языках; **список цитируемых источников** – 35 наименований. В **приложении** приводится **гlossарий**, содержащий толкование 54 лингвистических терминов, использованных в диссертации.

Глава 1. История и актуальные проблемы изучения перфекта в языкознании

1.1. Исследование перфекта в диахроническом аспекте

Изучение особенностей перфектных словоформ в грамматической системе русского языка требует обращения к их эволюции начиная с **древнерусского** периода.

Как известно, в древнерусском языке перфект входил в систему глагольного словоизменения наряду с другими формами прошедшего времени – аористом, имперфектом и плюсквамперфектом (см.: [Русский язык. Энциклопедия 1979]). При этом каждой форме соответствовало определенное, закрепленное за ней значение. В рамках проблематики диссертационного исследования важно подчеркнуть, что именно древнерусский перфект является прототипическим образцом перфектной семантики в связи с утратой противопоставленности грамматических форм прошедшего времени. С учетом сказанного мы считаем целесообразным рассматривать грамматическую категорию перфектности, отталкиваясь от ее **ядерной репрезентации – сильно грамматикализованного древнерусского перфекта**. На наш взгляд, формальная экспликация грамматической семантики во многом определяет эпистемические контуры изучения феномена перфектности в современном русском языке.

В древнерусском языке ввиду наличия специальных форм значение перфекта (действие, произошедшее в прошлом, последствия которого актуальны для более позднего временного плана) носило статус общеграмматического. Учет этого обстоятельства дает возможность провести параллели между древнерусским этапом развития перфекта и современным состоянием данной грамматической формы в романских языках на основе типологического сходства систем глагольного

словоизменения. Перфектное, плюсквамперфектное, аористическое, имперфектное значения в русской и романской языковых системах выражаются специализированными формами. В частности, перфектные формы представляют собой причастие с глаголом-связкой. Дифференциация аспектуальных значений глаголов происходит только в формах прошедшего времени.

По свидетельству В.В. Иванова [Иванов 1990], древнерусский перфект представлял собой форму аналитического характера, образуемую сочетанием формы настоящего времени вспомогательного глагола БЫТИ с причастием на *-л-* (действительное причастие прошедшего времени), изменявшимся по родам и числам: *СЕГО РАДН ЕСМЬ ПРИШЕЛЪ*.

Формы перфекта были господствующими в XI–XII вв., но уже тогда они могли употребляться в преобразованном виде, т.е. без связки, в виде одного причастия на *-л-*: *Я НМЕЛ НЫНЕ Н ВЕДЕЛЪ...* Пропуск вспомогательного глагола имел место при наличии подлежащего, выраженного местоимением или существительным. Такое подлежащее делало употребление глагола-связки как средства обозначения лица избыточным, что в конечном счете обусловило постепенную утрату связки. Однако как в древнерусском, так и в современном русском языке есть позиции, где связка – обычно нулевая – может проявиться. В древнерусском языке таким условием является отсутствие подлежащего, в современном русском языке – необходимость выражения прошедшего или будущего времени (например, *задача была / будет решена*) [там же].

Как известно, в современных формах прошедшего времени действительного залога, восходящих к причастию на *-л-*, связка полностью утрачена. На наш взгляд, различие в судьбе вспомогательного глагола в разных залоговых формах обусловлено различием в семантике действительных и страдательных причастий: пассивное залоговое значение не позволило утратиться связке, так как в глагольной конструкции должен

быть субъектный «стержень» – значение носителя / производителя действия. В конструкции с действительным причастием на -л- это значение дублируется: оно содержится и в причастии, и в связке (так как глагол-связка выражает значение категории лица), поэтому связка могла утратиться без ущерба для семантики конструкции.

Позднее, в XIII–XIV вв., употребление форм перфекта становится неоднородным. С одной стороны, эти формы встречаются в текстах в исходном значении результативного действия: *ЯЗЬ АЖЕ ЕСМЬ ТАКО ОУЧНННЛЬ, В ДОМОУ Я ТВОРИЛЬ ЕСМЬ*. Связка сохраняется при наличии формально выраженного подлежащего, что свидетельствует об экспликации семантики результативности в настоящем. С другой стороны, обнаруживаются случаи употребления перфекта, указывающего на «простое» прошедшее действие без отнесенности его результатов к настоящему времени: *СТАРЬ МОУЖЬ УНОШЕЮ БЫЛЬ ЕСТЬ, УНОША ЖЕ НЕ ВЕСТЬ АЩЕ ДОНДЕТЬ СТАРОСТН* (здесь *юность старика* целиком отнесена в прошлое). Приведенные факты свидетельствуют о развитии **полисемии перфектной формы**.

К концу XIV в. форма бывшего перфекта в виде причастия на -л- вытеснила в народно-разговорном языке древние формы аориста и имперфекта и стала единственной формой прошедшего времени глагола в русском языке. На этом этапе развития видо-временной системы глагольных форм те значения, которые выражались отдельными формами, приобрели статус **частнограмматических**, т.е. стали частными разновидностями грамматических значений вида и времени, имеющих специализированные средства выражения. Акцентируем внимание на том, что перфектное значение, ставшее частнограмматическим, тем не менее сохранило все семантические разновидности, сформировавшиеся в процессе развития перфекта. Перестройку системы глагольных форм и постепенную утрату формой прошедшего времени специфической

перфектной семантики отмечал еще А.А. Потебня, подчеркивая сохранение в новом перфекте всех семантических признаков, присущих перфекту морфологическому [Потебня 1958].

В XX в. одной из первых публикаций, посвященных исследованию диахронического развития перфекта в русском языке, является статья К.А. Тимофеева «К истории форм прошедшего времени русского глагола» (1941). В ней ученый предвосхищает применение комплексного подхода к характеристике перфектного значения, отмечая неоднородность перфектной семантики и указывая на необходимость выделения в перфектном значении двух составляющих – временной и видовой. См.: «Значение перфекта находит смысловое соответствие в русском языке только в страдательных формах (типа *книга положена на стол* – следовательно, сейчас лежит на столе). Слагается оно из двух элементов: значение видовое – результативная законченность действия, и временное – отнесенность действия прошедшего, вследствие наличия его результата, к настоящему. Следовательно, специфика временного значения обусловлена видовым» [Тимофеев 1941: 65].

Как видим, в структуре перфекта автор зафиксировал таксисное значение, причем задолго до того, как понятие таксиса появилось в функциональной грамматике. К.А. Тимофееву также принадлежит точная характеристика перфектной семантики: «Перфект указывает на реализацию действия» [там же]. На наш взгляд, в этом лаконичном тезисе содержится глубокая идея о потенциальной многозначности перфекта.

Другой продуктивной идеей ученого является установление факторов, повлиявших на перестройку системы видо-временных форм глагола в русском языке. Так, причину утраты форм аориста и имперфекта и, как следствие, десемантизации перфекта К.А. Тимофеев видит в особенностях проявления в русском языке категории аспектуальности. По его мнению, развитие вида с многочисленными оттенками аспектуальной

семантики обусловлено взаимодействием лексических, словообразовательных и грамматических компонентов значения глагола. При наложении этих значений происходило семантическое «размывание» видо-временных форм и развитие их многозначности, что приводило к избыточной синонимии разных форм [там же: 74, 87–95].

В результате описанных процессов перфект в русской грамматической системе с течением времени занял промежуточное положение между общеграмматическими и частнограмматическими значениями. Хотя в ряде случаев для выражения перфектного значения и употребляются специализированные формы, но чаще всего необходима его актуализация на уровне высказывания и сложного синтаксического целого. Таким образом, у грамматических глагольных значений, передававшихся в древнерусском языке временными формами, унаследованными из индоевропейской системы, сформировались новые разноуровневые способы выражения, которые будут рассмотрены далее.

1.2. Перфектное значение и способы его выражения в современном русском языке. Понятие перфектной ситуации

Несмотря на отсутствие в современном русском языке специализированных средств выражения перфектного значения, оно тем не менее проявляется у ряда глагольных форм. Обратимся к лингвистической характеристике данного явления.

Первым в русистике перфектное значение определил А.А. Потебня, отметивший, что перфект выражает действие как «факт совершившийся и пребывающий донныне в своем результате» (цит. по: [Бондарко 1971: 195]). Как видим, А.А. Потебня указал на важнейшие семантические признаки перфекта – **результативность** и **временную двуплановость**, которые по настоящее время учитываются всеми лингвистами, изучающими перфект.

Впоследствии проблема отличительных семантических признаков перфекта и компонентов его значения разрабатывалась многими лингвистами. Так, основоположник функционально-грамматического направления в русистике А.В. Бондарко выделяет в составе перфектного значения три семы: **отнесенность действия к прошлому, локализованность и результативность** [там же: 195–205]. Хотя состав сем в нашем исследовании будет уточнен, подчеркнем сам факт применения А.В. Бондарко компонентного анализа к изучению перфектного значения как сложной семантической структуры.

Важным этапом в понимании специфики перфектного значения стало обоснование его неоднородности и выделение ряда семантических разновидностей. Наиболее очевидной классификацией типов перфектного значения является бинарное членение на **статальный** и **акциональный** (качественный и результативный) с учетом характера ситуации, передаваемой глагольной словоформой. Например: *Окно открыто*; *Туча повисла в небе* – статальный перфект; *Он все узнал*; *Он вернулся домой* – акциональный перфект [Теория функциональной грамматики 1987: 196; Прокопович 1982; Матханова 2001 и др.].

Следует подчеркнуть, что названные типы перфектного значения выделяют не только русисты (по крайней мере обосновывающие данное положение материалом только современного русского языка [Бондарко 1971; Прокопович 1982; Гловинская 1982; Лебедева 1959 и др.]), но и специалисты, изучающие перфект в сопоставительно-типологическом аспекте, в частности Ю.С. Маслов и В.Б. Кашкин [Маслов 2004: 58–61; Кашкин 1991 и др.]. С учетом сказанного можно говорить об универсальности выделенных разновидностей перфектного значения и, как следствие, возможности оперировать данными понятиями при сопоставлении функций перфектных форм в русском и итальянском текстах.

Дифференциация перфекта по статальности / акциональности важна еще и потому, что она соотносится с традиционным для функциональной грамматики понятием **категориальной ситуации** (см.: [Бондарко 1983; Теория функциональной грамматики 1987]) и производным от него понятием **перфектной ситуации**. Введенное в аспектологию В.Б. Кашкиным [Кашкин 1985, 1991], это понятие играет ключевую роль для решения поставленных в диссертации задач, поскольку позволяет объяснить текстовые функции словоформ с перфектным значением через призму полевых структур языка и их речевых репрезентантов.

В работах по аспектологии [Бондарко 1983; Кашкин 1985; Теория функциональной грамматики 1987; Ландер 2002; Маслов 2004 и др.] установлено, что перфектность, являясь сложной семантической категорией, соотносится с целостной ситуацией, включающей следующие основные компоненты: 1) исходное («доперфектное») состояние; 2) действие; 3) новое («послеперфектное») состояние как результат действия. Например, в предложении *Собака **воротилась** и сидит у него *взаперти*¹ доперфектное состояние – отсутствие субъекта действия (собаки) в некотором пространстве, о котором идет речь; в результате перфектного действия *воротилась* наступает послеперфектное состояние – нахождение собаки в данном пространстве – *сидит*.*

Развивая идеи функциональной грамматики, можно предположить, что перфектная ситуация репрезентируется **функционально-семантическим полем перфектности**, ядерными компонентами которого являются **словоформы с перфектным значением**, периферийными компонентами – **контекстные актуализаторы перфектного значения**. При этом глагольные и обстоятельственные актуализаторы формируют ближнюю периферию поля, а все прочие – дальнюю периферию.

¹ Здесь и далее в примерах полужирным шрифтом выделены словоформы в перфектном значении, подчеркнуты контекстные актуализаторы перфектного значения.

Подчеркнем, что терминированное понятие «перфектная ситуация» позволяет, во-первых, рассматривать перфектную семантику не только на уровне словоформы, но и на уровнях высказывания, ССЦ и целого текста; во-вторых, выявлять взаимосвязь между словоформами с перфектным значением и комплексами их актуализаторов. С учетом сказанного понятие перфектной ситуации целесообразно использовать для характеристики текстовых функций перфекта (см. гл. 2).

В современном русском языке перфектное значение получает выражение на разных уровнях организации речевого произведения: 1) уровне словоформы, 2) уровне высказывания, 3) уровнях ССЦ и целого текста.

На уровне **словоформы** можно выделить следующие основные (ядерные) способы выражения перфектного значения:

1) форму прошедшего времени глагола совершенного вида (далее ПСВ): *остался, придумал* и др.;

2) конструкцию, состоящую из страдательного причастия прошедшего времени в сочетании с глаголом-связкой *быть*. При этом нулевая связка употребляется для выражения перфекта, а связка в форме прошедшего времени для выражения плюсквамперфекта (*включен, открыт, был приготовлен*);

3) в особых случаях – форму прошедшего времени глагола несовершенного вида (далее ПНСВ): *видел, знал* и др.;

4) конструкцию, состоящую из глагола *стать* в прошедшем времени (выполняющего функцию связки) в сочетании с именем прилагательным (*стал сильнее*).

Конструкция со страдательным причастием в русском языке всегда выражает перфектное значение, поэтому ее можно условно назвать **грамматическим перфектом**. Вместе с тем мы осознаем, что грамматического перфекта в точном значении этого термина в

современном русском языке нет, так как, во-первых, далеко не все разновидности перфектного значения могут быть выражены этой формой (в большей части случаев перфект как частнограмматическое значение выражается другими средствами); во-вторых, употребление данной конструкции имеет большие ограничения, например по отношению к грамматической категории залога.

В соответствии со сложившейся в русской аспектологии традицией [Поспелов 1966; Маслов 2004; Терентьева 2008 и др.] все словоформы, выражающие перфектное значение, независимо от контекста дифференцируются на следующие **группы**:

- 1) грамматический перфект, который мы только что описали;
- 2) лексический перфект;
- 3) лексико-грамматический перфект;
- 4) лексико-словообразовательный перфект.

Значение **лексического перфекта** сохраняется во всех грамматических формах, поскольку перфектность является свойством глагольной лексемы, а не словоформы. К этой группе можно отнести глаголы ментальной деятельности и восприятия типа *видеть*, *слышать*, *знать*, *понимать* и др., которые так или иначе связаны с переработкой информации, следовательно, их значение соотносится с перфектным процессом смены состояния. Подобные глаголы способны управлять изъяснительным придаточным предложением, благодаря которому перфектное значение акцентируется еще больше. В дальнейшем мы будем говорить о лексическом перфекте в тех случаях, когда грамматическая форма лексемы не соответствует типичному способу выражения перфектного значения, например в случае употребления глаголов НСВ *знал*, *видел*, *слышал* и др.

Словоформы типа *узнал*, *осознал*, *понял*, *сообразил*, *остался* мы относим к **лексико-грамматическому перфекту** на том основании, что в

них лексический признак перфектности совмещается с морфологическим (СВ, прошедшее время).

Репрезентантами **лексико-словообразовательного перфекта** целесообразно, на наш взгляд, считать глаголы, образованные по словообразовательным моделям, специализированным на выражении перфектного значения. Яркими примерами этой группы являются глаголы, обозначающие переход в новое состояние, например: *побелеть*, *постареть* и под.; *облететь*, *обвиснуть*, *обтрепаться* и под. Приставка *об-*, кроме выражения значения СВ, вносит оттенок 'полностью' и сама по себе придает глаголу перфектное значение в отличие, например, от видовой приставки *с-*, выражающей перфектное значение только в комплексе с другими факторами – лексическим значением глагольного корня и морфологическими характеристиками глагола (о связи перфектности со способами глагольного действия см.: [Терентьева 2008]).

Поскольку формы глаголов ПСВ наряду с перфектным значением могут выражать аористическое и общефактическое значения, для их различения в конкретном контексте необходимо учитывать разноуровневые средства, «окружающие» глагол в перфектном значении, т.е. актуализаторы перфектного значения.

Контекстуально-семантический анализ нашего материала показал, что в качестве **глагольных** актуализаторов могут использоваться:

- формы настоящего времени глаголов НСВ;
- формы прошедшего времени глаголов НСВ в имперфектном значении;
- формы, имеющие футуральную направленность (формы будущего времени, повелительного и сослагательного наклонения, конструкции со значением цели «чтобы» + инфинитив).

К **обстоятельным** актуализаторам мы относим: временные и аспектуальные наречия (*уже*, *теперь*, *сейчас*, *пока не* и др.); составные

обстоятельства, выраженные, к примеру, существительным с предлогом (*На сегодняшний день он **подготовлен** к соревнованиям*).

Кроме того, актуализировать перфектную семантику могут некоторые **синтаксические** единицы, употребленные в одном с перфектным глаголом ССЦ, такие как: именная часть сказуемого (*Он вырос. Он уже большой!*); придаточные части сложных предложений (*Он не пришел, потому что в отъезде*); односоставное номинативное предложение (*Зима. Улицы **засыпало** снегом*).

Вслед за А.В. Бондарко важно отметить необходимость различения **единичных форм** глаголов в перфектном значении и «**пучка перфектов**» [Бондарко 1971]), поскольку каждая из этих разновидностей перфекта выполняет определенные текстовые функции. В частности, проведенный анализ показал, что единичные словоформы специализируются на разграничении текстовых фрагментов и маркировании проспекции / ретроспекции изложения, в то время как неединичные словоформы обычно выполняют синкретичные функции (см. гл. 2).

В ходе исследования также установлено, что глаголы в перфектном значении способны актуализировать друг друга. Кроме того, как единичные, так и неединичные словоформы могут сопрягаться с наречно-именными и глагольными внутрифразовыми актуализаторами. В связи с этим одна из идей диссертационной работы заключается в том, что **словоформы с перфектным значением участвуют в текстообразовании не изолированно, а в качестве ядра перфектной ситуации**. Поэтому возникает необходимость охарактеризовать контекстные средства, взаимодействующие с глагольной словоформой и актуализирующие определенные компоненты ее значения.

Так, сопрягаясь с любыми глагольными формами, **наречные актуализаторы** подчеркивают временную семантику, различные отрезки временной оси, движение во времени. Формы глаголов **настоящего**

времени акцентируют внимание на актуальности результата действия для момента речи, а также указывают на продолжительность «послеперфектного» состояния. Если глагольные и наречные актуализаторы в целом подчеркивают движение по временной оси, то **именные актуализаторы** высвечивают другие аспекты перфектного значения – качественность и статичность, когда акцентируется не время возникновения нового состояния, а его качество.

В табл. 1 обобщенно представлены актуализаторы перфектного значения, выявленные в ходе анализа материала исследования.

Таблица 1

Разновидности контекстных актуализаторов перфектного значения

Разновидности актуализаторов		Компоненты перфектного значения и смысловый эффект актуализатора	Примеры
Глагольные	1. Сопряженность с формами настоящего времени НСВ / будущего времени / повелительного наклонения 2. Сопряженность с другим глаголом в перфектном значении	Актуальность результата действия для последующего времени (настоящего или будущего). Длительность «послеперфектного» состояния.	<i>Под дверь в соседнюю комнату просунули коврик света – <u>там пьют чай, загорелся</u> оранжевый абажур, и кто-нибудь из старших <u>уже плетет</u> <u>недозволенные</u> косички... (Т. Толстая)</i>
Обстоятельственные	1. Темпорально-аспектуальные обстоятельства: <i>теперь, уже, сейчас, с тех пор, пока не, еще</i> и др.	Актуальность результата действия в определенное время. Актуализируются различные отрезки временной оси: положение дел на момент речи, на момент изменения состояния (<i>пока не...</i>) и др.	<i>Но ее украл красный дракон, полетал с ней по белу свету и завез сюда, в дачный поселок. И <u>теперь</u> она живет в самом дальнем доме. (Т. Толстая)</i>

	2. Обстоятельства цели, в том числе предикативные единицы с обстоятельственной семантикой (придаточные обстоятельственные)	Актуальность результата действия для будущего (более позднего временного плана). Акцентируется послеперфектное состояние.	<i>Котенка купили просто так, <u>для забавы</u>.</i>
Именные	1. Сопряженность с формами, входящими в составное именованное сказуемое (прилагательными, причастиями, существительными, словами категории состояния) 2. Номинативные предложения	Состояние, качество («качественность» действия, статичность)	1. <i>Абажур <u>молодой, пугливый</u>, он ко мне еще не привык... Свершилось... <i>Мы <u>умерли и воскресли</u>, – так, что ли? И даже не заметили. Жизнь <u>жива</u>, мир <u>молод</u>, феникс <u>вечен</u>!</i> 2. <i>На столе <u>развал</u>. Скатерть смята, и свечи погасли.</i> (Т. Толстая)</i>
Придаточные части	1. Придаточные части с обстоятельственной семантикой 2. Придаточные части с изъяснительной семантикой 3. Придаточные части с определительной семантикой	Ввод дополнительной мотивировки действия, раскрытие содержания ментального процесса, акцентирование внимания на статьсяно-качественном компоненте сигнификативной ситуации	1. <i>Он пришел, <u>так как захотел увидеться с ней</u>.</i> 2. <i>Он понял, <u>что все было не напрасно</u>.</i> 3. <i>Он вошел в комнату, <u>где провел все детство</u>.</i>

Из таблицы видно, что различные типы языковых средств, актуализирующих перфектное значение глагола, приносят в конкретную перфектную ситуацию разные смысловые оттенки. Неединичные глагольные формы с перфектным значением обозначают «пучок» одновременных действий (в отличие от глаголов в аористическом значении, которые отражают цепочку последовательных действий). Неединичные перфектные глаголы могут употребляться с теми же актуализаторами, что и единичные формы, но чаще с глагольными актуализаторами, чем с именными, так как употребляются в качественно-

динамических, качественно-результативных и результативных контекстах (но не в качественно-статических). Например:

*Где-то там стареет, заваливается набок наша дача, тяжестью февральских снегов **продавило** крышу, зимние ураганы **повалили** двурогую трубу...* (Т. Толстая. Самая любимая).

В этом предложении две формы глаголов ПСВ с перфектным значением, с одной стороны, поддерживают друг друга, с другой – поддерживаются словоформами настоящего времени НСВ, выражающими связь действия в прошлом с более поздним временным планом.

Несколько словоформ с перфектным значением могут употребляться в одном контексте с именной актуализатором. Например:

*Легкая карельская ночь. Нет ни тьмы, ни алой зари – вечный белый вечер...; Светает. На столе развал. Скатерть **смята**, и свечи **погасли**...* (Т. Толстая. Ночь Феникса).

Иногда именной актуализатор, употребленный в одном контексте с группой перфектных глаголов СВ, служит единственным средством, определяющим восприятие этих глаголов как перфектных. Например, в предложении *Опять **загудел** бред, **закричал** жар, **завертелись** огненные колеса – групп!* именной актуализатор *групп* служит единственным средством выражения цельности ситуации, одновременности названных действий (вне контекста глаголы начинательного способа действия воспринимались бы как аористические).

Особый интерес вызывают **дистантные актуализаторы перфектности**, которые определяют грамматическое значение словоформы в высказывании и ситуацию в целом, находясь за рамками данного высказывания. Таким актуализатором может быть целое предложение, содержащее несколько языковых средств, «работающих» на выражение перфектного значения.

Например:

*Ее **украл** красный дракон, полетал с ней по белу свету и **завез** сюда, в дачный поселок. И теперь она живет в самом дальнем доме... (Т. Толстая. Свидание с птицей).*

Последнее предложение, содержащее два перфектных актуализатора (наречие *теперь* и глагол НСВ в форме настоящего времени *живет*), «обращает в перфект» весь предыдущий фрагмент текста.

Следует отметить, что в случае дистантной актуализации перфектность может и не поддерживаться на более «низких» уровнях текста. Так, в приведенном примере:

– на уровне **словоформы** (*украл, завез*) перфектность выражается, причем реализации перфектного значения способствуют словообразовательные и морфологические характеристики глагола, а также его лексическое значение;

– на уровне **высказывания** перфектность не поддерживается: глагол *полетал* в аористическом значении дезактуализирует перфектное значение глаголов *украл* и *завез*, так как выстраивает действия в определенную последовательность. В результате происходит одновременное восприятие перфектности словоформ и аористической семантики последовательности действий, которые как бы уравнивают друг друга;

– наконец, на уровне **ССЦ** дистантный актуализатор – предикативная единица с наречием *теперь* и формой настоящего времени *живет* – возвращает глагольным формам перфектную семантику, так как подчеркивает актуальность действия на момент речи.

Обобщая вышесказанное, отметим важный для нас вывод о **реализации перфектного значения сразу на нескольких уровнях организации текста**. Этот вывод следует из частнограмматического статуса перфектного значения и его сложной внутренней организации, отражающей целую ситуацию.

В целях изучения функций перфектных форм в контекстах разных типов необходимо рассмотреть **связь перфекта** как частного грамматического значения с **различными категориальными ситуациями**.

В основе классификации контекстов, в которых участвуют глагольные словоформы с перфектным значением, лежит признак акциональности / статальности. Иными словами, речь идет о качественных / результативных контекстах и переходных разновидностях.

Приведем примеры **статальных (качественных) ситуаций (1)**:

*Тем временем елка **украшена-переукрашена, наряжена-перенаряжена**...* (Т. Толстая. Ночь Феникса).

*Звон в ушах, темнота, звон, небытие. Игнатьев <...> медленно **всплыл** со дна, раздвигая головой мягкие, темные тряпки, – это было матерчатое озеро. Он лежал в кресле, ремни **отстегнуты**, во рту сухо, кружилась голова. В груди – приятное спокойное тепло. Хорошо!...* (Т. Толстая. Чистый лист).

*Легкая карельская ночь. Нет ни тьмы, ни алой зари – вечный белый вечер. **Утихли** все краски, в светлой вышине облачным мазком **намечен** крупинчатый месяц, по земле ползут переливы серого сада.* (Т. Толстая. Ночь Феникса).

Ниже представлены **акциональные (результативные) ситуации (2)**:

*Глянув сбоку в ее голубое от холода лицо, в ее прозрачные виноградные глаза, он **решил**: пусть она и будет той, кто выведет его из тесного пенала, именуемого мирозданием.* (Т. Толстая. Круг).

*А папа-то все **проиляпил, проворонил**, ничего, кроме абазура, оттуда не унес.* (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

Подойдет ли для счастья зеленое бабушкино мулине? Конечно! Тем более что бабушка отродясь им не пользовалась, и вообще никогда не

вышивала, да и не умеет, а купила его просто так – чтоб было, чтоб валялось, чтоб попало под руку... (Т. Толстая. Ночь Феникса).

Очевидно, что в контекстах первой группы говорящий акцентирует внимание на положении дел в момент речи как статичной картине. Во второй группе примеров акцентируется само перфектное действие, последствия которого также представлены как активные действия.

Таким образом, в современном русском языке функционально-семантическое поле перфектности имеет сложную структуру, реализуется на разных уровнях организации текста и пересекается с другими семантическими полями – аспектуальности, темпоральности, таксиса и в определенной степени с полем персональности (в силу интерпретационного характера перфекта). Синкретичность и многоплановость перфектного значения делает его многофункциональным инструментом текстообразования, что будет показано в следующей главе диссертации.

1.3. Сопоставительные исследования русского и итальянского перфекта

Многие лингвисты, изучающие видо-временные формы глагола, называют эволюцию содержания перфектных форм фреквенталией, т.е. стабильным явлением, встречающимся в большом количестве языков. Такого мнения придерживаются, в частности, В.Б. Кашкин, К.Г. Красухин, К. Ласорса, Ю.С. Маслов и др. [Кашкин 1991; Красухин 2004; Ласорса 1998; Маслов 2004]. Согласно этой оценке, перфект в конечной стадии своего развития выражает значение, весьма отличающееся от изначального, а иногда даже противоположное ему, если рассматривать крайние точки: с одной стороны, обозначение состояния, с другой – неперфектный претерит [Красухин 2004; Ласорса 1998; Маслов 2004].

Так, К. Ласорса, исследуя названную фреквенталию применительно к романским языкам, отмечает, что развитие перфекта, начальная точка которого для романских языков связана с описательными оборотами классической латыни типа *librum scriptum habeo*, проходит следующие этапы:

1) состояние в момент речи в настоящем, возникающее в результате законченного прошедшего действия (*librum scriptum habeo* – «книгу имею написанной»);

2) действие, предшествующее моменту речи, с возникающим от него результатом (*habeo scriptum librum* – «я написал книгу, и вот она, я имею ее написанной»);

3) действие, предшествующее моменту речи (итал. *passato prossimo: ho scritto il libro* в значении «я только что, недавно, написал книгу»);

4) действие в прошлом (*ho scritto il libro* в значении «я написал книгу», а также «я писал книгу») [Ласорса 1998: 58].

Как видим, К. Ласорса рассматривает линию эволюции перфекта не с самого начального звена – обозначения состояния, а с момента, актуального для развития перфекта в романской группе языков, т.е. статального перфекта. Ю.С. Маслов реконструирует эту линию в более обобщенном виде, см.: «Историческое развитие, как правило, идет от статального к акциональному перфекту, причем статальный перфект, в свою очередь, может возникать из образований, обозначающих “чистое” состояние (не соотнесенное с предшествующим, “породившим” его действием), а акциональный перфект в дальнейшем часто в той или иной мере утрачивает перфектную специфику и может превращаться в неперфектное прошедшее время. Таким образом, вырисовывается линия развития: обозначение состояния – статальный перфект – акциональный перфект – неперфектный претерит. Линия эта может рассматриваться как своего рода фреквенталия, на что, в сущности, уже было указано

Е. Куриловичем, выделившим, впрочем, несколько иные этапы в развитии интересующего нас типа (“глагол состояния” – “перфект” – “неопределенное прошедшее” – “повествовательное время”))» [Маслов 2004: 427–443].

К.Г. Красухин доказывает наличие начальной ступени эволюции перфекта («чистое» состояние) на материале древнегреческих глаголов. Определяя перфект как видо-временную форму с довольно сложным статусом, исследователь считает, что «древние перфектные формы могли обозначать как действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящем, так и состояние в настоящем, возникшее в результате прошлого действия, а наиболее архаичные перфекты обозначают состояние субъекта как таковое (например, *тетона* – *думает, стремится, желает*). Все это (вкуче с непереходными перфектами в древнеиндийском) свидетельствует о том, что индоевропейский перфект изначально выражал состояние. Открытие этого обстоятельства сформировало новый взгляд на индоевропейский глагол, согласно которому формы аориста и перфекта были противопоставлены, так как происходили из разных основ: аорист из основы, обозначающей активное, контролируемое действие (с ударением на второй от конца слог), а перфект – из конечноударной основы, обозначающей состояние» [Красухин 2004: 253–279].

Названные исследователи единодушны в том, что статальный перфект появился раньше акционального. Но если одни лингвисты представляют развитие перфекта как последовательную смену стадий, считая своей задачей показать основную тенденцию и не учитывая частностей и исключений, то другие (например, К.Г. Красухин) отмечают многозначность перфектных форм, наблюдавшуюся уже в архаичном языковом состоянии, и считают, что ее причиной является наличие разных лексических групп глаголов. Иначе говоря, взаимодействие лексического и

грамматического значений глагола происходило уже тогда, когда перфект как граммема прошедшего времени еще только формировался.

Из признания статального перфекта более древним по сравнению с акциональным следует вывод, что конкуренция между перфектными и аористическими формами, а также трудности в определении перфектного или аористического значения глагольной словоформы – явления более поздние по отношению к исходной индоевропейской и даже древнерусской системе. Эти явления характеризуют ту стадию развития языка, на которой видо-временные формы уже подвергаются некоторым динамическим процессам (нейтрализации и конвергенции граммем), т.е. перестраивается система видо-временных форм.

Если К.Г. Красухин основное внимание уделяет самому архаичному этапу развития перфекта, то Ю.С. Маслов подробно рассматривает ступень акционального перфекта, на которой в перфектном значении появляется важнейший с его точки зрения компонент – **таксисный**.

Исследователь отмечает, что таксисное значение перфекта развивается на базе видового как значение хронологического предшествования действия первоначально состоянию, а затем вообще какому-либо моменту, лежащему вне отрезка времени, занятого данным действием [Маслов 2004]. Затем такой перфект начинает обозначать и предшествующее не-действие (состояние / отношение / местоположение и т.д.), актуальное по своим последствиям для более позднего положения дел (*Я спал хорошо* – англ. *I have slept well*). На следующей ступени развития, когда форма перестает быть исключительно перфектной, появляются разновидности перфектного значения, соответствующие эволюционным разновидностям перфекта.

По мысли автора, с течением времени переосмысливаются критерии перфектности и понятие результативности. Перфектное значение глагола определяется не столько его аспектуальными и семантико-

синтаксическими характеристиками, сколько осмыслением говорящим ситуации в целом. Исследуя материал современного русского языка, Ю.С. Маслов обращает внимание на такие употребления глаголов ПСВ, которые могут быть контекстуально заменены формами настоящего времени (*Туча повисла над морем* = *Туча висит над морем*). Подобные случаи автор считает переходными между стательным-перфектным и стательным-презентным значениями [там же: 429–436], поскольку мотивация состояния неким действием наблюдается только на уровне внутренней формы слова. Приведенная ученым аргументация убеждает в правомерности выделения самой архаичной ступени эволюции перфекта (обозначении состояния), сохранившейся в современном русском языке в виде частнограмматического значения.

Близкого мнения относительно эволюции перфекта придерживается В.Б. Кашкин [Кашкин 1991], акцентирующий снятие лексических ограничений на образование форм перфекта и называющий это явление «расширением лексической базы перфекта» [там же: 79–95]. По мнению автора, релевантными лексико-грамматическими разрядами в данном случае являются глаголы: предельные / неопредельные (например: *догорать*, *подходить* – предельные; *смеяться*, *беседовать* – неопредельные), а также переходные / непереходные (например: *любить*, *видеть* – переходные; *болеть*, *бежать* – непереходные). Стательный перфект сначала образуется только от предельных глаголов с переходной семантикой (так называемый посессивный тип результата) и от предельных непереходных глаголов (экзистенциальный тип результата). В дальнейшем, с развитием акционального перфекта, как считает исследователь, в перфекте начинают употребляться и неопредельные глаголы.

В.Б. Кашкин также отмечает ослабление противопоставления 1) стательного и акционального перфекта, 2) посессивного и

экзистенционального перфекта по причине десемантизации посессивных и экзистенциональных форм, их трансформации в грамматические форманты к моменту распространения перфектных форм на все лексические классы глаголов.

В качестве обобщения подчеркнем, что специалистами, изучающими перфект в диахроническом аспекте, обоснованы ключевые понятия и сформулированы основные положения теории перфекта, на базе которой проводится его анализ в синхронно-функциональном аспекте. Представим важнейшие достижения рассмотренных концепций:

- сформулировано онтологическое содержание перфектного значения и определена его специфика;

- на основании четких критериев выделены разновидности перфекта: акциональный и статальный – по типу семантики глагола; посессивный и экзистенциальный – по типу связки;

- перфектное значение обосновано как сложная семантическая структура, включающая аспектуальную, темпоральную и таксисную составляющие;

- установлена ведущая тенденция исторического развития перфектных форм в их хронологической последовательности применительно к индоевропейским языкам.

Далее обратимся к рассмотрению ряда ключевых идей российских и зарубежных лингвистов, изучающих перфектные формы глагола в синхронном аспекте.

Прежде всего отметим, что частнограмматические значения прошедшего времени глагола стали рассматриваться как элементы универсального семантического поля, имеющегося во многих языках. Осознание общности плана содержания грамматических явлений привело к сведению грамматических систем разных языков к «общему знаменателю», т.е. установлению соответствий между способами

выражения одного и того же значения в разных языках. Перфект в этом плане не является исключением.

Принцип выделения разновидностей перфектного значения заключается в следующем: противопоставление частных значений внутри общего значения осуществляется по признакам, на основе которых словоформы в разных подзначениях по-разному переводятся на другой язык. В итальянском языке таким признаком является целостность / нецелостность действия. В связи с тем что в итальянском языке маркирующим признаком вступает нецелостность, передающаяся всегда формами имперфекта, а в русском языке формы СВ являются маркированными по признаку целостности, такая разновидность перфектного значения, как результативно-фактическое, переводится на русский язык формами НСВ. Разное распределение смысловой нагрузки по выражению перфектного значения в языковых системах с несовпадающей маркированностью элементов приводит к тому, что обнаруживаются зоны нейтрализации частных значений в пределах одного языкового уровня (к примеру, словоформы). В этом случае у говорящего может появиться потребность в репрезентации данного значения средствами других языковых уровней. В результате мы приходим к необходимости сопоставительного анализа актуализаторов перфектного значения и способов выражения перфектной ситуации.

В. Брой рассматривает проблему выражения перфектного значения в русском языке в рамках более широкой проблемы соотношения грамматической категории вида в славянских и романских языках [Brey, Riccoli 2011]. Ученый сравнивает способы выражения частных значений прошедшего времени в принципиально разных системах, различающихся выражением грамматического значения целостности / нецелостности действия. По мнению автора, в **славянских языках** эти значения выражаются различными глагольными основами, с помощью деривации и,

как следствие, осложняются добавочными компонентами значения. В **романских же языках** грамматическая категория вида выражается «флексивными окончаниями», при этом противопоставление по признаку целостности / нецелостности действия актуально только в прошедшем времени [там же].

В. Брой считает, что «итальянский и другие романские языки, в противоположность русскому, обладают также самостоятельным перфектом (*passato prossimo*), который образуется аналитически (итал. *ho dato* – я дал или *ho preso* – я взял)» [там же: 87]. Исследователь устанавливает соответствие русских и итальянских форм с учетом их многозначности. Так, итальянский перфект (*passato prossimo*) с акциональным значением передается, согласно В. Брою, формами прошедшего времени глаголов СВ; перфект с экспериенциальным значением – формами прошедшего времени глаголов НСВ; итальянский аорист (*passato remoto*) с общефактическим значением – формами прошедшего времени глаголов НСВ; итальянский аорист с «целостным» значением – прошедшим временем глаголов СВ.

Как видим, В. Брой реализует подход к анализу грамматических значений глаголов через частные оппозиции, выделенные по разным признакам. Ученый отмечает, что в романских языках в прошедшем времени имеется оппозиция по целостности / нецелостности действия, выражающаяся формами имперфекта / аориста (*prendeva* – он брал: *prese* – он взял), из которых маркированным является имперфект (форма имперфекта всегда выражает нецелостность действия, в то время как форма аориста чаще выражает целостность, но не исключает нецелостности действия). Перфект рассматривается как форма, не выражающая данного признака. По мнению автора, «это значит, что во всех остальных случаях оппозиция целостности нейтрализована (перфект типа *ho preso* – я взял / брал)» [там же: 92].

Аргументация В. Броя относительно выражения формами перфекта грамматического значения целостности представляется нам недостаточно четкой и логичной, так как сразу после указания на нейтрализацию оппозиции в случае употребления перфекта он заявляет о сходстве в этой функции перфекта и аориста. См.: «В некоторых романских языках, например, во французском и итальянском, наблюдается постепенная утрата (замена) аориста, по крайней мере в разговорной речи. В качестве заменяющей формы всегда употребляется аналитически образованный перфект, а не имперфект, что указывает на видовое родство аористных и перфектных функций. Таким образом, в упомянутых языках перфект стоит в оппозиции “целостность – нецелостность” к имперфекту так же, как и аорист. Из-за этого первоначальные функции перфекта могут быть выражены только перфектом, и даже в высоком стиле французского и итальянского языков он не может быть заменен аористом...» [там же: 92–93].

На основе анализа концепции В. Броя сделаем выводы относительно значений итальянских глагольных форм:

1) перфект и аорист – формы, не обозначающие нецелостности действия и противостоящие по этому признаку имперфекту, обозначающему нецелостность;

2) аорист является формой, более специализированной на выражении целостности, чем перфект, у которого эта функция часто нейтрализована;

3) так как аорист и перфект не противопоставлены по видовому признаку, их различие заключается в другом признаке – таксисном: перфект выражает действие, актуальное для более позднего временного плана.

С нашей точки зрения, предложенный В. Броем подход позволяет с большой точностью определить видовой дифференциальный признак перфекта. Этот признак заключается в том, что перфектному значению

противостоит только акцентированная нецелостность (на ее выражении специализируются формы имперфекта), в то время как все остальные оттенки видовых значений на градационной шкале «целостное действие – нецелостное действие» охвачены перфектом.

Важно подчеркнуть, что В. Брой отмечает различную маркированность членов видового противопоставления в русском и итальянском языках. В **славянских языках**, в том числе русском, **маркирован СВ**, так как он выражает лишь видовой признак целостности действия. Формы НСВ, напротив, должны выражать наряду с противоположным признаком нецелостности и все другие значения, в том числе общефактическое значение, не связанное с выражением какого-либо изменения в ситуации.

В **романских же языках маркирован имперфект**, который реализует лишь видовой признак нецелостности действия. Аорист, напротив, выражает наряду с признаком целостности также общефактическое значение и любое временное ограничение. Поэтому аорист *seppi* от *sapere* может обозначать не только *узнал*, но и *знал*; аорист *lavorai* от *lavorare* – не только *поработал*, но и общефактическое *работал*.

В заключение своих рассуждений В. Брой делает важное уточнение: в случае общефактического употребления глагол НСВ в русском языке не исключает выражения целостности действия, так же как аорист и перфект в системе итальянского языка не исключают нецелостности действия. Поэтому перфектное значение итальянских глаголов может переводиться на русский язык глаголами как СВ, так и НСВ. При этом важно учитывать, что спектр видовых значений итальянского перфекта шире, чем семантический спектр русского СВ. В итальянском языке перфект может иметь экспериенциальное (результативно-фактическое, обобщенно-фактическое) значение, которое не выражает признака целостности / нецелостности. В ряде случаев эта разновидность итальянского перфекта

тяготеет к полюсу нецелостности и поэтому переводится на русский язык формами глаголов НСВ (подробнее см.: [Теория функциональной грамматики 1987: 205–207]).

Проблема разграничения оттенков перфектного значения и зон их взаимодействия с неперфектными значениями важна для нас в связи с анализом текстовых функций перфекта, так как между способом выражения перфектной ситуации и особенностями текста устанавливается определенная взаимосвязь. Например, разграничение общефактического и результативно-фактического значений реализуется только в контексте, на уровне ССЦ. В связи с этим словоформы с пограничными значениями, требующими актуализации, могут выполнять больше текстовых функций и стимулируют развитие текстовых категорий, так как вовлекают в выражение категориальной ситуации больше языковых средств, а значит, могут выражать различные нюансы ситуации, связанные с ее субъективной оценкой говорящим.

Далее остановимся на вопросе **взаимосвязи видо-временных форм глаголов и функциональных типов речи** как частном аспекте текстообразования.

Ж. Фонтэн, опираясь на идею противопоставления «повествования» и «комментирования», предлагает следующее определение перфекта: «Это форма прошедшего времени глагола, которая не рассказывает об обозначаемом событии, а комментирует его: говорящий изображает событие как прошедшее, но вместе с тем и как составную часть настоящего, часть мира своего высказывания...» [Fontaine 1983: 156]. Прошедшее время глагола СВ, считает Ж. Фонтэн, «существенно определяемое своей аористичностью, не может взять на себя выражение этой перфектности, тогда как, напротив, прошедшее НСВ очень хорошо отвечает данному определению» [там же: 303]. Более того, автор

утверждает, что каждая форма ПНСВ в его неактуальной интерпретации может быть названа перфектом [там же].

Дискутируя с Ж. Фонтэн, согласимся с Ю.С. Масловым, который считает, что в представленной концепции излишне расширяются перфектные функции форм НСВ [Маслов 2004: 439]. В то же время идея французского исследователя привлекает нас тем, что в ней, во-первых, учитываются разные текстовые функции перфекта и аориста; во-вторых, эти функции распределяются по разным сферам употребления и разным типам текста (аорист функционирует в «повествовании», перфект – в «комментировании»). На наш взгляд, продуктивность данного подхода к определению критериев перфектности обусловлена возможностью экстраполировать семантическую двойственность перфекта с уровня высказывания на уровень текста.

Другая важная для нас идея связана с изучением **субъективности** перфекта (в другой терминологии – **интерпретационности** или **отнесенности к личной сфере говорящего**) [Кашкин 1991; Маслов 1983, Fontaine 1983 и др.]. Это свойство перфекта детерминировано ретроспективной направленностью мысли говорящего и особой организацией контекста, в котором глагольная словоформа употребляется со специфическими дейктическими актуализаторами перфектного значения, играющими важную роль как в итальянском, так и в русском тексте.

Ю.С. Маслов, корректируя расширенное понимание перфектного значения глаголов НСВ некоторыми исследователями, считающими любое не конкретно-процессное употребление НСВ перфектом, оспаривает его наличие у таких глаголов «обратимого действия», как *выходил, приезжал, открывал*. Ученый полагает, что в таких случаях нельзя автоматически усматривать перфектность, что необходим контекстуальный подход к их интерпретации и учет всей коммуникативной ситуации и намерения

говорящего. Иначе говоря, словоформу необходимо рассматривать не в пределах одного высказывания, а в широком контексте. У форм НСВ, как отмечает Ю.С. Маслов, часто проявляется значение косвенных, логических последствий действия, хотя в какой-то мере «само действие и сохраняет свое значение для последующего момента» [Маслов 2004: 438].

Из приведенных рассуждений можно сделать вывод, что одним из свойств перфектности является **соотнесенность действия с дейктическим центром**, т.е. **личной сферой говорящего**. Например, высказывание *Вы брали эту книгу в библиотеке* может быть интерпретировано двумя способами:

1) при акцентировании глагола *брали* говорящего интересует факт прошлого сам по себе. Этот случай лежит на пересечении перфектного и аористического значений;

2) при акцентировании предложно-падежной формы *в библиотеке* говорящего, очевидно, интересует, где именно находится (сейчас или вообще) эта книга. В этом случае можно увереннее судить о релевантности прошлого факта для выяснения положения дел в момент речи.

Рассматривая факторы, трансформирующие нейтральное общефактическое значение в перфектное результативно-фактическое, Ю.С. Маслов приводит высказывания, насыщенные дейктическими показателями, связанными со сферой говорящего (*Эту картину писал Репин?*; *Вы брали эту книгу в библиотеке?*; *К нам приезжал отец* и т.д.) [там же: 439–442]. Тем самым автор акцентирует внимание на том, что дейктически ориентированные компоненты высказывания выполняют функцию связи с более поздним временным планом, задают характерную для перфекта двуплановость (см.: «...при главном ударении на *в библиотеке* говорящего, очевидно, интересует, где имеется эта книга...» [там же: 442]). Таким образом, посредством дейктических компонентов высказывания, сопряженных в одном контексте с перфектной

словоформой, фиксируется направление хода мысли говорящего от конкретного объекта, находящегося здесь и сейчас в поле зрения говорящего, к действию над этим объектом, имевшему место в прошлом.

Теоретические положения и комментарий примеров, содержащиеся в работах Ю.С. Маслова, дают импульс к дальнейшему развитию идеи о реализации перфектного значения на разных уровнях языка – от словоформы и высказывания к ССЦ и целому тексту. По мнению ученого, перфектное значение полнее всего выражается на уровне высказывания, где ведущую роль играют контекстные актуализаторы. Однако, на наш взгляд, возможны и другие случаи. Так, «лексически перфектные» глаголы НСВ, имплицитно содержащие сему результативности (например, глаголы восприятия типа *видел, слышал*), в силу этой лексико-семантической особенности выступают в акционально-перфектном значении в любом контексте.

Логическое ударение, о котором пишет Ю.С. Маслов, актуализирует перфектное значение на уровне высказывания, подчеркивая связь с презенсным временным планом. Это позволяет расценивать значение формы глагола НСВ как перфектное уже в пределах одного высказывания. Если же логическое ударение падает на другой компонент высказывания, то в его пределах значение словоформы остается нейтральным общефактическим. На наш взгляд, в более широком контексте это значение может восприниматься как перфектное, если в окружении глагола использованы показатели плана настоящего (например, временные наречия типа *сейчас, теперь*). Потенциальными актуализаторами перфектного значения могут служить дейктические элементы. Актуализатор на уровне ССЦ позволяет интерпретировать как перфектное значение глагола, функционирующего в высказывании без потенциального актуализатора, но в случае его наличия перфектное значение проявляется ярче.

В заключение обзора синхронно-сопоставительных исследований перфекта рассмотрим его **функциональные типы**, выделенные В.Б. Кашкиным [Кашкин 1991: 49–55].

Эта концепция представляется нам наиболее значимой для решения поставленных в настоящем исследовании проблем, поскольку в ней синтезируются основные достижения синхронного изучения перфекта. Синтез заключается, во-первых, в разностороннем рассмотрении перфектных форм и их значений; во-вторых, в создании параллельных классификаций перфекта по разным параметрам; наконец, в привлечении большого языкового материала сопоставительного характера.

В.Б. Кашкин – автор первой классификации перфектных ситуаций, разработанной на основе комплекса признаков и оцениваемой нами как важная веха в изучении перфекта. Ученый отмечает, что классификация перфектных функций во многих исследованиях опирается на признание перфекта либо видовой, либо временной формой, «при этом в любом из случаев перфект рассматривается как семантически однородное явление» [там же: 12–13]. Более целесообразным исследователю представляется специальный анализ каждого семантического компонента перфекта и отдельная классификация темпоральных, таксисных и аспектуальных функций при учете их сочетаемости.

В.Б. Кашкин выделяет следующие функциональные типы перфекта: 1) **одноактный**, 2) **итоговый**, 3) **обобщенно-фактический** и 4) **континуативный**. Рассмотрим их более подробно.

В случае **одноактного** перфекта действие моделируется как точка независимо от возможного внутреннего (логического, экстралингвистического) членения этого действия: *И ведь знает, чем ее прельстит, – табакерку ей подарил...* – ит. *Na regalato*. Такой грамматико-контекстуальный комплекс не включает обычно адвербиальных детерминантов, так как они практически всегда

связывались бы с точечной локализацией этого действия на временной оси и способствовали бы, по мнению автора, семантическому сдвигу плана содержания перфектной формы в сторону точной временной локализации и дистантного периода, т.е. в сторону неперфектных, аористических смыслов.

В случае **итогового** перфекта действие моделируется либо как отрезок, либо как серия отрезков или точек, завершающихся пределом, к которому стремится это действие (*Да, вы достигли всех ваших целей – ит. Avete raggiunto*). В этой функции употребляются преимущественно предельные глаголы с определенным типом лексического значения; для двойственных и неопредельных глаголов данная функция возможна при наличии адвербиальных детерминантов, указывающих на итог: *Я все сказала*.

В случае **обобщенно-фактического** перфекта действие моделируется как серия отрезков или точек, не стремящихся к пределу, а представляющих собой отдельные проявления этого действия. Кратность «порции» действия может быть неопределенной (*Я видел ее всего один раз. Я ведь часто с женщинами **сходился** по-дружески...*). Для говорящего важен сам факт наличия действия в предшествующее время. В минимальном контексте в этой функции употребляются преимущественно неопредельные и двойственные глаголы. Для предельных глаголов необходимы наречные детерминанты обобщенного факта и кратности типа *когда-нибудь, никогда, всегда, часто*.

В случае **континуативного** перфекта выражается действие, состояние или отношение, занимающие отрезок времени. См.: «Пределом действия является сам момент высказывания, не связанный с достижением какого-либо итога. Контекстуальная возможность подведения итога является привносимой, не связанной с самим характером действия (*He*

родственник я вам и никогда им не был – ит. *E non lo sono mai stato*)» [там же: 51].

Итак, по обоснованному мнению В.Б. Кашкина, нельзя выделить одно общее аспектуальное значение перфекта, поскольку его разновидности существенно различаются между собой.

Анализируя перфектное значение в контексте, превышающем одно высказывание, В.Б. Кашкин использует понятие **мотивации** употребления перфектной формы. Посредством этого понятия подчеркивается важность контекстных средств выражения перфектного значения и его актуализации даже в тех языковых системах, в которых данное грамматическое значение всегда выражается на уровне словоформы. Тем самым ставится проблема выявления дополнительных функций языковых средств, дублирующих в контексте перфектное значение, уже выраженное на уровне словоформы.

С учетом сказанного становится очевидной возможность сопоставительного исследования форм глаголов, выражающих перфектное значение, во взаимодействии с показателями контекста. На наш взгляд, для русского и итальянского языков контекстуальная обусловленность перфекта является семантической фреквенталией, в то время как способы выражения и функции перфекта в этих языках различны.

Действительно, приведенный В.Б. Кашкиным материал показывает разное распределение функций между словоформой и контекстом, разную степень экспликации мотивировок в двух языках. Стремясь не исказить точку зрения автора, приведем развернутую цитату:

«Mi dispiace, vi siete disturbate per nulla... (букв. Вы тогда напрасно обеспокоились – я теперь сожалею об этом). В русском переводе: Обеспокоить себя напрасно изволили, ср. англ. You`ve put yourself out.

Из приведенных примеров видно, что в итальянском добавлено дополнительное языковое средство, “привязывающее” изменение положения дел к сфере говорящего. Такой материал (показывающий, что

иногда актуализатор употребления перфекта может эксплицироваться не в зафиксированной в оригинале, а в добавленной переводчиком фразе), позволяет нам преодолеть стереотипное представление о том, что только в языках без грамматического перфекта (как русский язык) требуется актуализатор перфектного значения, а в языках, где соответствующая форма есть, она выражает значение независимо от контекста, и это значение семантически однородно. Наоборот, как показал языковой материал, в итальянском языке потребность в актуализации перфектной формы так же существенна, как для русского языка потребность в актуализации перфектного значения.

Языковые факты свидетельствуют о неоднородности перфектного значения в итальянском языке, о том, что семантика результативности может проявляться в большей или меньшей степени, акцент может быть сделан и на самом действии, и на последующем состоянии – иными словами, в итальянском языке форма перфекта многозначна, существуют разновидности, оттенки перфектного значения» [там же: 45].

Предложенная В.Б. Кашкиным классификация мотивировок употребления перфектных форм по существу является классификацией перфектных ситуаций, поскольку глагольная форма рассматривается вместе с актуализационным комплексом. На наш взгляд, именно с контекстуальным подходом связаны как достоинства, так и недостатки этой классификации. В частности, к ее несомненным достоинствам можно отнести учет одновременно несколько важных факторов, а именно:

1) морфологических характеристик слов-актуализаторов (например, формы настоящего или будущего времени);

2) семантических особенностей высказывания с перфектной формой как сложной синтаксической единицы, включающей определенную логическую пропозицию (например, отношения обусловленности, сопоставления, цели);

- 3) наличия таксисного значения;
- 4) принадлежности действия сфере говорящего.

К достоинствам классификации также отнесем комплексный подход к анализу мотивировок употребления перфекта с учетом ряда признаков. В то же время трудно согласиться с нечеткой дифференциацией этих признаков, поскольку автор не указывает, в чем состоит сходство и различие выделенных мотивировок. Последнее свидетельствует о целесообразности продолжить изучение перфектных ситуаций.

Зависимость перфектного значения от воли говорящего отмечается и в работах К. Ласорсы, которая проанализировала тексты переводов на итальянский язык произведений русской классики (в частности, два перевода драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»), содержащих глаголы в прошедшем времени. Приведем небольшой фрагмент этого исследования:

... Вечор он угощал (ha convitato – перфект, ha offerto – перфект) / Своих друзей ... а разошлись (si sciolsero – аорист, si sono separate – перфект) уж поздно. Только Пушкин / Наедине с хозяином остался (resto` – аорист, e` rimasto – перфект) / И долго с ним беседовал еще...

Кровь русская, о Курбский, помечет! / Вы за царя подъяли (alzaste, avete sguainato) меч, вы чисты. / Я ж вас веду на братьев, я Лумбу / Позвал (chamai, ho chiamato) на Русь... [Ласорса 1998: 442].

Как видим, перфектные глаголы СВ переводятся на итальянский язык то перфектом, то аористом. Значит, переводчики по-разному интерпретируют значение глагольной формы, подчеркивая «повествовательность» глагола, его значимость для продвижения сюжетной линии или, наоборот, фиксацию некоторого результата, важного для говорящего. Характерно, что «спорные» случаи касаются только русских глаголов СВ. Глагол НСВ обоими переводчиками был передан одинаково – перфектом, так как форма НСВ не может быть употреблена в повествовательном аористическом значении.

Материал, рассмотренный итальянской исследовательницей, демонстрирует еще одну сложность. Комментируя приведенные примеры, К. Ласорса упоминает о диахроническом процессе утраты аориста в разговорной речи и развивающейся многозначности форм перфекта. Одной из причин вариативности перевода русского СВ К. Ласорса склонна считать сформировавшиеся стилистические различия между аористом и перфектом (аорист – архаическая, книжная форма, перфект – разговорная форма). См.: «Выбранная Т. Ландольфи для поэтического перевода синтетическая форма, близкая к латинизированному слогу (*passato remoto* вместо *passato prossimo*) в стилистической системе итальянского языка соответствует архаическим лексико-грамматическим средствам, характерным для пушкинской трагедии. Прозаический перевод Е. Ло Гатто, напротив, приближается к литературно-разговорному стилю. Это означает, что в случае конкуренции временных форм предпочтение отдается более разговорным, аналитическим формам (главным образом, *passato prossimo* вместо *passato remoto*)» [там же: 444–445].

Уточнение «в случае конкуренции форм» означает, на наш взгляд, что использование для перевода одной и той же словоформы русского глагола разных итальянских форм не объясняется только стилистической причиной.

В заключение подчеркнем, что связь перфекта с дейксисом как сферой говорящего акцентируют именно те исследователи, которые анализируют материал на итальянском языке. Приведем показательное в этом плане суждение К. Ласорсы: «Сущность развития перфекта – отношение к моменту речи через три координаты: я, здесь, сейчас. Начальная точка этого развития – описательные обороты классического латинского языка типа *librum scriptum habeo*» [там же: 442].

Завершая главу, отметим главные, с нашей точки зрения, достижения российской и зарубежной лингвистики в исследовании перфекта:

1) осознание его семантической разнородности; 2) установление связи частного грамматического значения глагольной формы с ее функциями в тексте; 3) описание специфики функционирования перфектного значения на разных языковых уровнях – уровне словоформы, уровне высказывания и уровне текста.

Сформулированные выше теоретические положения получают развитие и конкретизацию в дальнейшем изложении на основе анализа речевого материала.

Выводы

1. Перфектное значение глагола является лингвистической фреквенталией (универсалией), свойственной многим языкам мира, в том числе русскому языку. В результате перестройки системы видо-временных форм глагола и утраты специфических перфектных форм общеграмматическое значение перфекта в русском языке приобрело статус частнограмматического значения, сохранив при этом все семантические особенности. Разновидности перфекта, сформировавшиеся в ходе эволюции, сохраняются в синхронии русского языка в виде оттенков перфектного значения, выражаемых разными способами.

2. Научно значимым результатом изучения перфектной семантики глагольных словоформ в современном русском языке является установление специфики контекстных актуализаторов перфектного значения. Поскольку значение словоформы может частично выражаться средствами контекста, становится актуальной задача изучения перфектных словоформ в функциональном аспекте.

3. Взаимодействие глагольных форм в перфектном значении с окружающим контекстом проявляется в следующих закономерностях:

– общая категориальная ситуация перфектности подчиняет себе значение конкретной словоформы, так как контекст «сильнее» словоформы. Эта закономерность относится прежде всего к **качественному контексту**, в то время как **результативный контекст** в большей степени определяется значениями входящих в него глагольных словоформ;

– в разных контекстах употребляются разные типы перфекта: статальный перфект наиболее активен в качественном контексте с оттенком результативности; собственно качественный контекст репрезентирует любые разновидности перфектного значения; для

результативного контекста характерно употребление акционального, в том числе результативно-фактического, перфекта;

– в формировании контекстов различного типа принимают участие разные актуализаторы перфектного значения: для качественного контекста характерно употребление именных актуализаторов, для результативного – обстоятельственных и глагольных актуализаторов.

4. Речевая репрезентация той или иной разновидности перфектного значения обусловлена перфектной ситуацией, выраженной функционально-семантическим полем перфектности. Конкретная характеристика перфектной ситуации соотносится, во-первых, с морфологическими, лексическими и синтаксическими параметрами ее ядра – глагольной словоформы в перфектном значении; во-вторых, со структурно-семантическими характеристиками контекстных актуализаторов перфектного значения, образующих периферию поля перфектности.

5. Функционально-семантическое поле перфектности структурируется вокруг грамматических категорий вида и времени и взаимодействует с другими функционально-семантическими полями – полем аспектуальности, полем темпоральности, полем таксиса, полем дейксиса и полем модальности. Среди смежных компонентов перфектного значения ведущую роль играет таксисный компонент.

Глава 2. Текстовые функции русских глагольных форм с перфектным значением

2.1. Некоторые аспекты изучения текста в лингвистике

В настоящее время одной из актуальных проблем на стыке функциональной грамматики и лингвистики текста можно считать изучение перфекта на текстовом уровне. Трансформация перфектного значения в контексте, роль перфектных словоформ в текстообразовании и репрезентации текстовых категорий, функции перфекта в композиционно-смысловой организации сверхфразовых единств и целого произведения – эти и другие вопросы до сих пор остаются малоизученными.

В отечественном и зарубежном языкознании сформировалось несколько направлений, предметом которых является текст. Так, И.Р. Гальперин [Гальперин 1981: 5–11] и С.Г. Ильенко [Ильенко 1981] условно выделяют «лингвистику текста», «грамматику текста» и «стилистику текста». В работах представителей названных направлений, как правило, используются одни и те же или близкие понятия (хотя и различающиеся терминологически): структура текста, единицы текста, категории текста, смысл текста, свойства текста и др. В то же время интерпретация феномена текста в каждом конкретном направлении имеет свои особенности. Поскольку в наши задачи не входит детальный анализ имеющихся подходов к изучению текста, остановимся лишь на тех идеях, которые имеют отношение к проблематике диссертационного исследования.

Сходство основополагающих теоретических постулатов позволяет объединить **лингвистику текста** и **грамматику текста**. В рамках этих направлений текст рассматривается преимущественно как единица языковой системы, передающая информацию, которая зафиксирована в

виде последовательности высказываний, объединенных разными типами связей: формальных, логических, смысловых, имплицативных, контактных и дистантных, анафорических и катафорических и др. С учетом этого внимание исследователей фокусируется на изучении структуры текста, включающей дотекстовые единицы, прежде всего сверхпредложенческое единство – сложное синтаксическое целое (ССЦ).

С нашей точки зрения, лингвистика текста и грамматика текста являются комплементарными направлениями, объект изучения которых – взаимоотношение целого и части, содержания и способов его выражения, текста и составляющих его единиц. Кроме того, названные подходы сближает исследование текстовых категорий (когезии, целостности, интеграции, композиции и др.), а также введение уровня языковой организации, объединяющего отдельные предложения в целое [см., напр.: Вайнрих 1978; Воейкова 2000; Горшкова 1979; Дресслер 1978; Золотова 1995; Москальская 1981, 1984; Слюсарева 1981; Хэллидей 1978; Daneš 1974 и др.].

В **стилистике текста** [Баженова 2001; Болотнова 1992, 2009; Кожина 1987; Одинцов 1980; Солганик 1997; СЭС 2003 и др.] рассматриваются «закономерности организации текста (речевого произведения) как содержательно-смыслового, композиционно-структурного и жанрового единства в зависимости от целей и задач общения, идейного содержания и функционально-стилевой принадлежности со всем комплексом его экстралингвистических факторов» [СЭС 2003: 429]. М.Н. Кожина подчеркивает принципиальные различия стилистики текста и грамматики текста [Кожина 1987: 3]. По мнению ученого, стилистика изучает текст как экспликацию языка в действии, законы функционирования языка в реальном общении, «приращение смысла» у языковых единиц в речевой цепи и целом произведении, «неизбежно выходя... за рамки исследования отдельных

языковых единиц и поуровневой системы языка, т.е. за рамки таксономии языка» [там же].

В стилистике описан ряд новых свойств текста. В частности, для нашего исследования значимым является обоснование композиционных типов речи, способов представленности времени и форм организации временной оси, типов реализации темпорально-функциональной перспективы повествования. Отметим, в частности, описание композиционно-смысловых типов речи: демонстрационного, информационного и сентенционного [Ильенко 1988]. Закономерно, что Г.А. Золотова – представитель грамматики текста – называет другими терминами сходные типы речи, выделяя репродуктивный, информативный и генеритивный речевые регистры [Золотова 1971]. Первый регистр связан с воспроизведением действительности (в этом типе речи время повествователя синхронно времени событий); второй регистр – с обобщением за определенный промежуток времени как итог осмысления ситуации (между временем повествователя и временем событий есть некоторая дистанция, и взгляд на события «привязан» к определенной точке отсчета); третий речевой регистр соотносится с вневременным обобщением. Очевидно, что дифференциация речевых регистров в этой концепции определяется динамикой временных планов повествования, в экспликации которых большое значение имеют глагольные словоформы с перфектным значением.

Подчеркнем, что именно в стилистике текста разрабатывается важная для нас проблема точки отсчета при выражении темпоральных отношений между описываемыми событиями. Значимость этой проблемы обусловлена тем, что исследуемые в диссертации формы глаголов с перфектным значением функционируют во всех типах речи, получая при этом разные оттенки значения. Ниже будет показано, что частнограмматические значения перфекта нередко являются

интерпретационными, т.е. зависящими от намерений говорящего, поскольку они связаны с авторским способом представления ситуации.

Высоко оценивая достижения стилистики текста, нельзя не отметить обоснование Г.Я. Солгаником весьма продуктивной идеи о текстообразующей функции синтаксической структуры и «стимулировании развития тех или иных текстовых категорий грамматической формой» [Солганик 1991: 3–12]. Это положение имеет непосредственное отношение к проблеме нашего исследования, поскольку мы рассматриваем функционирование перфектных словоформ именно в аспекте реализации их текстовых функций, так что концепция Г.Я. Солганика получает в диссертации дальнейшее развитие.

В целом, несмотря на различие отдельных положений, лингвистические концепции текста сближаются в отношении интерпретации его ключевых свойств. Поэтому с учетом поставленных в настоящей работе задач считаем целесообразным рассматривать текст с позиции, синтезирующей основные аспекты его изучения.

Далее кратко представим основные **категории текста**.

Как известно, их состав до сих пор однозначно не определен. Общепринятыми считаются категории, введенные в российскую лингвистику И.Р. Гальпериным: когезия, целостность, членимость, модальность, автосемантия, подтекст и др. [Гальперин 1981: 74–75]. Одни исследователи основное внимание уделяют категориям, обеспечивающим целостность текста (Н.Д. Зарубина, М.Я. Дымарский и др.), другие – содержательным категориям. Так, Л.А. Ноздрина к «грамматическим категориям текста» причисляет темпоральность, локальность, персональность, референтность, модальность [Ноздрина 2004: 44–46]. По мнению автора, в тексте эти категории могут объединяться, формируя более сложные («глубинные») категории хронотопа (объединение темпоральной и локальной сетки), координат (в единстве темпоральности,

локальности и персональности), дейксиса (в единстве темпоральности, локальности, персональности и референтности), а также категорию точки зрения, объединяющую все пять названных категорий-компонентов [там же: 44].

Развивая идею «полимерности» текстовых категорий применительно к художественному тексту, считаем возможным использовать понятие **блока категорий**, в состав которого входят **когезия** (развертывание линейности повествования наряду с делимитацией текста), **референция** (связь текста с внеязыковой действительностью) и **дейксис** (связь содержания с говорящим и речевой ситуацией). Семантическое ядро каждой категории репрезентируется, на наш взгляд, определенными функционально-семантическими категориями (ФСК). Например, когезия соотносится с ФСК темпоральности и локальности; дейксис – с ФСК темпоральности, локальности и персональности.

В плане содержания текстовые категории также неоднородны. Так, когезия конкретизируется в ретроспекции (связи с предыдущими событиями), проспекции (связи с последующими событиями) и континууме (сохранении логической последовательности в выражении мысли). Подчеркнем, что в категории когезии ярко проявляется двуплановость текста (целостность / динамика) и его соотнесенность со временем повествования. Перемещение повествователя по временной оси подразумевает, во-первых, наличие самой оси (что обуславливает линейное развертывание текста), во-вторых, способность авторского сознания управлять движением по этой оси, оказываясь в любой момент времени в любой ее точке (что обеспечивает целостность восприятия текста).

2.2. Textoобразовательный потенциал перфектной ситуации

С учетом идей категориальной лингвистики текста мы полагаем, что **словоформы с перфектным значением принимают активное участие в текстообразовании и выражении текстовых категорий.** Анализ функционирования перфектных глаголов в современных художественных произведениях разных авторов позволил выявить следующие основные функции перфекта:

- 1) функцию **когезии**, обеспечивающую линейное разворачивание текста;
- 2) **сюжетно-событийную** функцию, связанную с участием перфектных глаголов в развитии сюжета (хронологического событийного ряда повествования и фона, на котором осуществляется это поступательное движение);
- 3) функцию **переключения субъективно-модальных планов повествования**, которая соотносится с репрезентацией перфектными глаголами отношения автора / повествователя / персонажа к тем или иным событиям.

Следует подчеркнуть, что все эти функции обусловлены комплексной природой перфектного значения и синкретизмом перфектной ситуации. Результаты наших наблюдений подтверждают мнение В.Б. Кашкина, считающего, что перфектное значение содержит в себе таксисный, темпоральный и аспектуальный компоненты; кроме того, являясь «субъективным значением», перфект выражает модальность [Кашкин 1991: 44].

Рассмотрим названные функции более подробно.

Функция **когезии** реализуется перфектными словоформами благодаря тому, что в комплексном значении перфекта совмещаются семы

акциональности и статальности, а значит, одна и та же словоформа способна эксплицировать и завершение ситуации, и ее результат.

Сюжетно-событийная функция реализуется благодаря временной двуплановости перфекта (в терминологии Ю.С. Маслова), или таксисному компоненту (в терминологии В.Б. Кашкина). По нашему мнению, особое место перфекта в нарративной структуре текста обусловлено тем, что он связывает разные компоненты повествования, в то время как другие видо-временные формы выражают эти компоненты изолированно.

Функция переключения субъективно-модальных планов повествования вытекает из интерпретационности перфектного значения, т.е. его соотнесенности со сферой говорящего. В подтверждение сказанного процитируем В.Б. Кашкина, который, солидаризируясь с мнением З.Я. Тураевой, отмечает: «Практически любое действие в прошлом приводит к изменению положения вещей в настоящем. Объективные критерии выбора “перфект / претерит” вряд ли можно установить» [там же: 45].

С нашей точки зрения, для осуществления названных текстовых функций весьма значима категория **дейксиса**, получающая конкретизацию в координатах текста относительно определенной точки отсчета, связанной с говорящим. Неслучайно многие исследователи к важным признакам перфектного значения относят его дейктичность. Связь видо-временных глагольных форм с дейксисом рассмотрена, в частности, Е.В. Падучевой, установившей соотношение грамматических единиц с первичным и вторичным дейксисом [Падучева 2004], см. также: [Пупынин 2001; Мисайлова 2005]. В рамках решения этой проблемы Е.В. Падучева уделяет особое внимание русским словоформам с перфектным значением, считая их «вторичными эгоцентриками» – эгоцентрическими элементами, употребляющимися не только в диалогической речи, но и в повествовании. В плане развития этой идеи можно предположить, что перфект способен

осуществлять связь между текстовыми фрагментами, относящимися к разным речевым регистрам и типам речи. Это возможно потому, что перфект, с одной стороны, тесно связан с субъектом речи, с другой – является семантически синкретичным языковым явлением.

Представим наше понимание **механизма текстообразования**, в котором принимают участие словоформы с перфектным значением.

Синкретизм перфекта, в семантике которого «свернута» целая ситуация (доперфектное состояние – действие – послеперфектное состояние), проецируется в текст. Во взаимодействии перфектной словоформы с контекстными средствами получает актуализацию тот или иной компонент перфектной ситуации, субъективно значимый для говорящего. Вместе с тем перфектная ситуация всегда мыслится как целостная, поэтому в тексте актуализируются также взаимосвязи этих компонентов. Осмелимся предположить, что перфектная ситуация в определенной степени изоморфна смысловой структуре целого текста в отношении его одновременной связности и членимости, целостности и линейности, статичности и динамичности. При этом важно подчеркнуть, что перфектная словоформа выполняет функцию связности не сама по себе, а именно как ядро перфектной ситуации, т.е. во взаимодействии с периферийными единицами поля перфектности.

Обратим внимание на то, что если ядерная словоформа выражает перфектную ситуацию целостно, в свернутом виде, то разноуровневые актуализаторы перфектного значения осуществляют динамическое развертывание этой ситуации, связывая ее компоненты. С учетом этого можно утверждать, что перфектная ситуация обладает значительным текстообразовательным потенциалом как в плане линейного развертывания текста (когезии), так и в плане его модальности и интерпретируемости.

Далее на конкретном материале рассмотрим участие глагола с перфектным значением в вышеописанном механизме текстообразования и реализации текстовых категорий.

2.3. Словоформы с перфектным значением в функции текстовой когезии

Под функцией текстовой **когезии** в настоящем исследовании понимается участие словоформ с перфектным значением в линейном развертывании текста посредством осуществления **проспективной, ретроспективной и проспективно-ретроспективной связи** текстовых фрагментов (табл. 2).

Таблица 2

Репрезентация словоформами с перфектным значением функции когезии (линейного развертывания текста)

Подфункция	Функциональная разновидность перфекта	Расположение словоформы в ССЦ	Количество словоформ с перфектным значением
Проспективная	Триггерный	В начале ССЦ	Одна
Ретроспективная	Обобщающий	В конце ССЦ	Одна
Проспективно-ретроспективная	Концентрический	Внутри ССЦ	1. Одна (внутри ССЦ) 2. Две и более в составе «рамки», «пучка» и «сетки»

Особая роль перфектных форм в реализации когезии обусловлена тем, что они, в силу синкретичной природы перфектного значения, могут

обеспечивать связь между действием-причиной и состоянием-следствием. Новое состояние, наступившее после совершения действия, требует конкретизации, и перфектный глагол «стимулирует» эту конкретизацию, одновременно выражая ситуацию целостно. Иначе говоря, словоформа в перфектном значении, расположенная в начале ССЦ, может предвосхищать появление **последующих** элементов текста (следующей предикативной части / следующих высказываний), т.е. предопределять его дальнейшее развертывание. В этом случае перфектный глагол выполняет подфункцию **проспекции** изложения. **Ретроспективная** подфункция, связанная с актуализацией левого (предшествующего) контекста, свойственна словоформам с перфектным значением, расположенным в конце ССЦ. Наконец, внутри ССЦ перфектный глагол может выполнять двойственную – **проспективно-ретроспективную** – подфункцию.

Из научной литературы известно, что категория когезии соотносится с двумя аспектами текста – его целостностью и делимитацией, поскольку разграничение текстовых фрагментов предполагает целостность каждого из них. В то же время если какой-либо фрагмент воспринимается целостно, значит, он отделен от соседних. Будучи способными одновременно выражать состояние и действие, причину и следствие, а также связывать более поздний временной план с более ранним, глаголы в перфектном значении и могут выполнять функцию когезии, осуществляя содержательно-смысловую связь между текстовыми фрагментами.

В ходе исследования было установлено, что в рамках анализа функции когезии перфектные словоформы целесообразно дифференцировать по их расположению в ССЦ (в начале ССЦ, в конце ССЦ, внутри ССЦ), а также по количеству репрезентаций (единичные – неединичные). Судя по нашему материалу, именно эти параметры определяют конкретную функциональную разновидность перфекта

(триггерный, обобщающий, концентрический), его текстообразовательный потенциал и регулярность выполнения связующих функций.

Рассмотрим этот вопрос более подробно.

1. Единичные словоформы с перфектным значением, находящиеся на границе ССЦ (триггерный перфект, обобщающий перфект).

С учетом анализа выборки текстовых фрагментов можно утверждать, что словоформы с перфектным значением, находящиеся на границе ССЦ, более активно участвуют в когезии по сравнению с другими композиционными разновидностями перфекта. Приведем несколько характерных примеров:

(1) *Ирина очень отчетливо вдруг **увидела**, как молодая Симка с синей чашкой в руках сидит перед жесткой белизной их семейного стола... А она, Ирочка, сидит под золоченым круглым столиком в углу комнаты и смотрит на странную гостью...* (Л. Улицкая. Бронька).

(2) *Бог знает из какой глубины **выплыл** вдруг образ Маргаритиною одноклассника Миши, жестоко в нее влюбленного с первого класса и обивавшего ее порог еще в десятом, когда Маргарита была уже невестой Серго. Этому женоподобному тонкорукому скрипачу Серго не придавал тогда никакого значения...* (Л. Улицкая. Чужие дети).

В этих фрагментах глаголы в перфектном значении (*увидела*, *выплыл*), с одной стороны, в свернутом виде фиксируют некую субъективно важную для персонажа трансформацию его сознания (восприятие или актуализацию субъективно важной для него информации), но при этом стимулируют последующее развертывание текста в целях конкретизации данного изменения. С содержательной (сюжетной) точки зрения перфект в этом случае маркирует резкую границу между двумя временными планами – текущим и более ранним.

Вставку в ССЦ, отличающуюся от основного плана повествования по темпоральным и / или модальным характеристикам, можно считать **субтекстом** (о понятии субтекста применительно к научной коммуникации см.: [Баженова 2001, 2005]). Здесь субтекст репрезентирует события, художественное время которых предшествует времени событий основного повествования, однако возможны и другие варианты, важным представляется сама способность перфекта вводить субтекст. Исходя из этого, данную функциональную разновидность мы называем **триггерным¹ перфектом**.

Стимулируя развертывание текста, словоформа с перфектным значением вместе с тем продолжает выполнять две связующие функции, характеризующиеся разным радиусом действия. В ближайшем радиусе перфект связывает «соседние» временные планы и выражает результирующее действие / состояние. Одновременно радиус действия перфектного глагола распространяется на весь текст, поскольку словоформа с перфектным значением служит сигналом нарушения линейности повествования (как правило, в субтексте содержатся воспоминания персонажа или его рефлексия по поводу произошедших событий). Как видим, триггерный перфект действительно выполняет текстообразовательную функцию.

В приведенных примерах обращает на себя внимание функциональная двойственность перфекта. В собственно **текстообразовательном** отношении словоформа с перфектным значением выполняет проспективную функцию, так как предопределяет следующий текстовый фрагмент (предвосхищает его в сознании адресата, задает перспективу ожиданий читателя). В **содержательном** плане эту функцию

¹ Триггер (с англ. trigger – «спусковой крючок»); в психологии – событие, вызывающее у человека сильное переживание. В диссертации – словоформа в перфектном значении, стимулирующая текстообразование.

можно назвать регрессивной¹, так как перфектный глагол связывает более ранний временной план повествования с более поздним. Например, после глаголов *рассказал, увидел, понял* сообщается, что именно говорящий рассказал или увидел, т.е. называется объект восприятия / речевого или ментального действия. Как известно, способность подобных глаголов вводить изъяснительное придаточное предложение, аналогичное прямому дополнению, является особенностью их синтаксической валентности.

Если у перфекта, находящегося в начале ССЦ и «запускающего» регрессивный фрагмент, зачастую наблюдается расподобление содержательно-регрессивной и текстообразующе-перспективной функций, то у перфекта, находящегося в конце ССЦ, данные функции обычно совпадают по своей направленности: текстовая ретроспективность совмещается с регрессивностью на уровне содержания. Однако это не единственно возможный вариант соотношения собственно текстовой и содержательной функций. Материал показывает, что субтекст, стимулируемый триггерной словоформой, не всегда содержит отсылку к более раннему временному плану, но может также выражать общую закономерность, повторяющуюся ситуацию, предположения (например, после глаголов *представил, сообразил, вообразил* и т.д.), будущие события (например, после глагола *предвидел*) и т.д. Однако субтекст всегда отличается от плана основного повествования либо темпорально-аспектуальными характеристиками (к примеру, конкретный единичный факт на фоне постоянных / повторяющихся процессов в их неограниченной кратности), либо модальными характеристиками, либо теми и другими одновременно.

¹ Термины **ретроспекция, ретроспективность, проспекция, перспективность** используются для обозначения подфункций когезии, связанных с планом выражения, т.е. линейным развертыванием текста. Термины **регресс, регрессивность, прогресс, прогрессивность** используются для обозначения подфункций перфекта, связанных с планом содержания (см. раздел 2.4.).

Особый интерес представляют случаи, когда триггерная функция словоформы в перфектном значении реализуется без участия таких явных механизмов ввода дополнительного модально-временного плана, как придаточное изъяснительное предложение. См. примеры:

(3) *Катя расслабленно **расплылась** на парте рядом с всегда прямосидящей Ларой. Литература – безопасная ерунда, одно чтение и почитание авторов* (Е. Некрасова. Калечина-Малечина).

В данном случае переключение в другой план – план сознания персонажа – происходит имплицитно (расплылась, так как понимала, что...). Как видим, глагол в перфектном значении *расплылась* «вовлекает» в сферу своего действия следующее высказывание, как бы заполняя семантическую валентность объяснением причины изменения состояния.

(4) *В канун ноябрьских мама **забрала** Лису из садика пораньше. В синих сумерках так весело было хрустеть снегом, давить валенками алмазный блеск под фонарями. У Лисы валенки, а вот у мамы, ах, у мамы – оленьи унты настоящие...* (Е. Посвятовская. Жила Лиса в избушке).

Здесь также наблюдается имплицитное выражение логической пропозиции: состояние героини, представленное во втором высказывании, воспринимается как следствие события, выраженного в первом высказывании. Так же, как и в предыдущем примере, наблюдается смена точки зрения с «повествовательской» на «персонажную» (погружение во внутренний мир персонажа), что достигается конкретизацией и объяснением послеперфектного состояния.

Подчеркнем, что триггерный перфект является **актуализатором логических связей**, а не только стимулятором линейного развертывания текста за счет заполнения синтаксической валентности глагола. Таким образом, он связан с категорией **континуума** как одним из аспектов когезии.

Рассмотрим механизм реализации перфектным глаголом проспективной подфункции в рамках выражения текстовой когезии.

Перфект фиксирует некое действие (приводящее к каким-либо последствиям, изменению положения дел, которые оцениваются говорящим как субъективно значимые) как уже произошедшее. В последующем фрагменте (субтексте) приводится информация, раскрывающая и конкретизирующая содержание зафиксированного изменения. Выполнение перфектными глаголами текстообразовательной функции обусловлено особенностями их семантики (в одной словоформе «свернута» целая ситуация, состоящая из разных стадий), а также способностью фиксировать результат, как бы создавая эффект остановленного кадра. К сказанному добавим, что в лексическом значении глаголов, для которых характерно такое употребление, обычно весьма ярко представлен компонент изменения состояния.

Обобщенно представим **признаки триггерного перфекта** с учетом его контекстного окружения.

1. Специфическая позиция словоформы в перфектном значении в ССЦ на внешней границе ретроспективного субтекста. При этом глагол в перфектном значении относится к основному повествовательному плану, последующие предикативные части – к субтексту, который может отличаться от основного плана модальными и / или темпоральными характеристиками.

2. «Лексическая перфектность» глаголов определенных лексико-семантических групп: восприятия (*увидел, услышал*), речи (*рассказал, сообщил, поведал*), ментальных процессов и обработки информации (*понял, подумал, осознал*). Даже если глагол не входит ни в одну из этих тематических групп, в его значении обязательно имеется сема изменения состояния, т.е. лексическая перфектность. Иными словами, в глагольной словоформе в свернутом виде должна быть заложена перфектная ситуация.

Поэтому данную функцию могут выполнять и некоторые бытийно-локативные глаголы типа *оказался, остался*.

3. Употребление перфектного глагола в сложноподчиненном предложении. Однако это условие не является обязательным, поскольку, как показано выше, логические пропозиции могут быть выражены имплицитно.

Для конкретизации сказанного еще раз обратимся к анализу вышеприведенных примеров.

В примере (1) зависимая предикативная часть – придаточное изъяснительное предложение с оттенком обстоятельства образа действия – переводит повествование в другой временной план и создает зрительный образ посредством репрезентации статичной картины. Этот фрагмент заметно отличается от основного повествования временем действия и другими признаками.

Синтаксическая структура примера (2) еще сложнее: отношения временной последовательности репрезентируются здесь не только посредством придаточного обстоятельственного предложения, но и оборотом с причастием прошедшего времени, актуализирующим значение предшествования. Временная последовательность действий также акцентируется обстоятельствами времени, указывающими на сопоставление временных планов (*когда... тогда...; уже, еще*). Контекстная актуализация разных компонентов перфектной ситуации – как бы движение по временной оси – выражает контрастность и противопоставленность событий более позднего и более раннего времени. Наречие *вдруг*, нередко сопровождающее триггерный перфект, указывает на резкость перехода к субтексту, что подчеркивается и лексически (*Бог знает из какой глубины выплыл вдруг образ...* – контраст прошлого и настоящего). *Не придавал тогда никакого значения...* – противопоставление прошлого и настоящего репрезентируется как

осознание и осмысление ситуации говорящим. Глагол ментальной деятельности НСВ *придавал* (*значение*) в имперфектном значении, относящийся к плану прошлого, противопоставлен глаголу СВ *выплыл* в перфектном значении, относящемуся к плану настоящего.

В анализируемом фрагменте сопоставлены не только более поздние и более ранние события, но и разные субъекты – три персонажа, действия которых выстраиваются в определенную временную последовательность. Такая многосубъектность ситуации усложняет как смысловую, так и синтаксическую структуру фрагмента.

Словоформу с перфектным значением, которая находится в завершающей части ССЦ, мы называем **обобщающим перфектом**, так как она маркирует итог какой-либо ситуации. Например:

(1) *Действительно, мир, который они покинули, медленно двигался вместе с этой лентой относительно других неподвижных космических объектов, природы которых Шестипалый не понимал, а светила были неподвижными – стоило сойти с черной ленты, и все стало ясно...*

(2) – *Ух, – вздохнул Затворник. – Одноглазка. А я уж думал, что мы правда влипли...* (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).

В этих примерах словоформы с перфектным значением *стало ясно* и *влипли* обобщают произошедшие события. В первом фрагменте аналитическая конструкция *стало ясно* соотносится с информацией, которая раньше не находила отражения в сознании персонажа (*мир, который они покинули, медленно двигался...*), и фиксирует освоение им этого знания. Во втором фрагменте глагол *влипли*, отсылая к предшествующей ситуации (случайное столкновение с неизвестным существом, представлявшим потенциальную опасность, и последующее узнавание в этом существе давней знакомой героя), выражает обобщенную оценку персонажем всего произошедшего. Следует подчеркнуть, что в данной позиции словоформы с перфектным значением обычно совмещают

функцию когезии с субъективно-модальными функциями – сопоставлением позиций разных субъектов или выражением динамики позиции одного субъекта, что хорошо видно в обоих примерах.

2. Словоформы с перфектным значением, находящиеся внутри ССЦ (концентрический перфект).

Как показывает анализ материала, единичные глагольные формы в перфектном значении, находящиеся внутри ССЦ, могут выполнять функцию когезии, но могут и не выполнять ее. Иными словами, расположение словоформы внутри ССЦ само по себе не детерминирует ее текстовых функций. Тем не менее достаточно часто словоформы с перфектным значением в данной позиции выполняют особую подфункцию комбинированной **ретроспективно-перспективной связи** текстовых фрагментов. В этом случае перфект отсылает к левому (предшествующему) контексту, обобщая содержащуюся в нем информацию, и в то же время стимулирует появление правого (последующего) контекста, предвосхищая его содержание. Как видим, словоформа с перфектным значением становится композиционным центром ССЦ, что и послужило основанием для использования термина «концентрический перфект».

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих сказанное:

(1) Затворник принялся сгребать кучи разного валяющегося под ногами хлама, опилок и кусков торфа. Постепенно у него **получилась** огораживающая небольшое пустое пространство стена, довольно высокая, в его рост. Затворник отошел от законченного сооружения, с любовью поглядел на него...

(2) Я, слава Богу, все стихи знаю. Ну, то есть не наизусть, конечно, но все двадцать пять **слышал**. Такого нет, точно. (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).

(3) *Катя вжала шею в плечи и догадалась, что сейчас произойдет что-то совершенно ужасное. Оно и **произошло**: диктатор схватил своими щупальцами Катин дневник и был таков...* (Е.Некрасова. Калечина-Малечина).

Во всех приведенных фрагментах словоформы с перфектным значением связывают левый и правый контексты, однако эти связи наполняются разными (эксплицитными и имплицитными) семантическими отношениями.

В примере (1) глагол *получилась*, с одной стороны, выражает итог предшествующих действий персонажа как определенную ступень обобщения, с другой стороны, обладая весьма обобщенной семантикой, предвосхищает последующий контекст, конкретизирующий полученный результат. В примере (2) глагол с экспериенциально-перфектным значением *слышал* вводит обоснование реакции персонажа на слова собеседника. В примере (3) глагол *произошло* выступает сильным связующим звеном между внутренней сферой персонажа (предположением героини) и внешним событийным рядом, подтвердившим ее догадки. Как видим, во всех случаях концентрический перфект служит «мостиком», соединяющим разноплановые элементы целостного текстового фрагмента.

Для более яркой демонстрации проспективно-ретроспективной подфункции концентрического перфекта приведем пример ССЦ, в котором эта функция у перфекта отсутствует:

*Веселая и здоровая девочка Алена плакала, отчаявшись дождаться своих вероломных гостей. **Был накрыт** стол на восемь персон, под каждой тарелкой лежала бумажная салфетка с Микки-Маусом..., а на тарелках лежали подарки...* (Л. Улицкая. Ветряная оспа).

Как видим, здесь используется словоформа с перфектным значением, находящаяся внутри ССЦ и представляющая собой качественную

(статальную) разновидность перфекта. Перед нами качественно-результативный контекст, для которого время совершения действия неважно, важно лишь текущее состояние. Именно поэтому в окружении перфектной словоформы отсутствуют обстоятельственные актуализаторы, указывающие на точное время совершения действия. К сказанному можно добавить, что в большинстве подобных случаев – когда функция когезии не проявляется – употребляется именно статальный перфект, обычно выраженный причастием со связкой или (реже) глаголом ПСВ (*повисло, лёг, застыл* и т.д.). Как отмечалось ранее, перфект, выраженный причастием со связкой, структурно более близок к исходному грамматическому перфекту и лучше приспособлен для встраивания в семантически однородный качественный контекст.

В приведенном примере ведущим в содержательном отношении является более поздний временной план, т.е. «текущее» состояние, а действие, совершенное в прошлом, играет второстепенную роль. По нашим наблюдениям, любым словоформам с перфектным значением внутренне присуще свойство регрессивности – отсылки к прошлому, необходимой для того, чтобы понять настоящее. Поясним, что в нашей терминосистеме **регрессивность** (ретроспективная направленность фокуса внимания автора и адресата в плане содержания) отличается от **ретроспекции** как одной из подфункций когезии тем, что регрессивность реализуется на уровне содержания текста, но не стимулирует его линейное развертывание.

Итак, единичные формы с перфектным значением в «неперфектном» окружении могут служить композиционным центром целостного текстового фрагмента. Эта функция характерна для акционального и экспериенциального перфекта, в меньшей степени – для акционально-статального перфекта и нехарактерна для статального перфекта.

3. Неединичные словоформы с перфектным значением (концентрический перфект в составе «рамки», «пучка» и «сетки»).

Один из наиболее часто встречающихся вариантов расположения перфектных словоформ в ССЦ – это «рамка», когда две глагольные формы со сходными, однородными или сопоставимыми лексическими значениями обрамляют фрагмент текста. Перфектная «рамка» состоит из триггерного и обобщающего перфекта: первый вводит текстовый фрагмент, второй его завершает и обобщает, возвращая повествование в основное время. Как правило, перфектная «рамка» является внешней по отношению к фрагменту, т.е. те предикативные части, которые содержат глаголы в перфектном значении, еще не относятся к дополнительному повествовательному плану, отличающемуся от основного модальными и / или темпоральными характеристиками, а все находящиеся между ними предикативные единицы (ПЕ) к нему относятся. Следует подчеркнуть, что глаголы, формирующие «рамку», являются лексически перфектными. Опишем наиболее употребительные комбинации «рамочных» глаголов, относящихся к разным лексико-семантическим группам (ЛСТ):

1) два глагола ментальной деятельности: *сообразил – осознал; пришло в голову – понял* и др. Оба «рамочных» глагола (и триггерный, и обобщающий) обозначают некий процесс обработки информации, при этом оттенки значения у них все же различные (триггерный глагол обозначает более стихийный ментальный процесс, обобщающий глагол – более контролируемый);

2) первый – глагол восприятия, второй – глагол ментального действия: *увидел – понял; заметил – узнал* и др. Эти глаголы репрезентируют отношение между получением информации и ее осмыслением и переработкой;

3) первый глагол обозначает эмоциональную реакцию, второй – речевую деятельность: *возникла (тень недовольства) – сменила (тему)*.

Эти глаголы соотносятся как эмоциональный стимул и реакция на него посредством изменения речевого поведения персонажа.

Кроме глаголов названных ЛСГ, используются и другие глаголы с семантикой изменения положения дел, например: *попался (на жизненном пути) – (оттуда и) пошло*.

Как видим, кроме общих черт (общая сема изменения состояния), у триггерных и обобщающих глаголов, образующих «рамку», можно отметить и незначительные различия: триггерные глаголы могут обозначать действия непроизвольные, спонтанные, происходящие неожиданно для говорящего, без его воли (*пришло в голову, попался, возникло на жизненном пути* и др.), обобщающие глаголы – осознанные ментальные процессы, связанные с обработкой информации.

Проиллюстрируем сказанное одним из наиболее показательных текстовых фрагментов:

(1) *Тут запыхавшийся К. **сообразил**, оглядевшись вокруг, что разбитые тарелки склеят и на этих фаянсовых блинах кому-то подадут заветренный десерт; что шляпы расправят и, подшибленные, будут носить, отвалившуюся сушеную розу подошьют ниточкой и эта ниточка пронзит насквозь чью-то неопытную душу; что этажерку поднимут и поставят, еще в нескольких местах перематав изолентой; что бордовую картину повесят на тот же покривившийся гвоздь и оставшиеся на ней царяпины станут главным содержанием фамильного полотна.*

*И как только он **осознал**, для чего потрудился, Елизавета Николаевна, блистая мокрым лицом, поднялась из кресла... (О. Славникова. Басилевс).*

Данный эпизод является ярким примером «рамки», в которой два глагола с ярко выраженным перфектным значением (*сообразил* и *осознал*), близкие между собой по лексическому значению (семантика мыслительной деятельности), обрамляют проспективную «вставку».

Первый глагол *сообразил* проспективен и в текстовом, и в содержательном аспекте (выполняет двойную проспективную функцию). Его текстовая проспективность заключается в том, что он называет действие (ментальный процесс) как уже завершённое, целостное, результативное; в дальнейшем изложении последовательно и детально раскрывается содержание этого ментального процесса через перечисление объектов действия, выраженных однородными предикативными частями. При этом в семантической структуре самого глагола потенциально заложено содержание последующих частей (и это содержание реализуется в дальнейшем тексте), так как глагол задает актантную структуру высказывания (позицию объекта).

Важно подчеркнуть, что при триггерных глаголах (особенно глаголах ментальной деятельности) объект действия тесно связан с результатом, т.е. по существу и является результатом действия (мыслительного процесса или восприятия информации). Как видим, здесь наблюдается совмещение двух семантических структур одного глагола: актантной структуры (субъект – действие – объект) и перфектной ситуации (доперфектное состояние – завершённое действие в прошлом – послеперфектное состояние). Из сказанного ясно, почему типичный триггерный глагол является лексически перфектным и имеет семантику мыслительного процесса.

В синтаксическом плане высказывания с «рамочными» перфектными глаголами представляют собой сложноподчиненные предложения (СПП), в которых подчиненная ПЕ зависит именно от перфектного глагола. Сама синтаксическая структура СПП ориентирована на актуализацию проспекции / ретроспекции, так как СПП репрезентирует относительное время глаголов, обозначающих определенную последовательность действий. В случае ретроспекции глагол в придаточном предложении обозначает действие, предшествующее по времени перфектному глаголу, а

в случае проспекции (как в нашем примере) – последующее (послеперфектное) действие.

Очевидно, что относительное время связано с планом содержания, так как благодаря ему в смысловой структуре текста выстраивается последовательность событий. В приведенном примере формы глаголов будущего времени (*склеят, подадут, расправят, будут носить* и др.) указывают на то, что эти действия произойдут позже того момента, в который произошло главное действие – *сообразил*. Однако цепочка глаголов будущего времени отнюдь не является простым перечислением однородных действий. Перфектный глагол, кроме обеспечения взаимосвязи между разными временными планами повествования, участвует также в текстообразовании. Последнее обусловлено тем, что у глагола *сообразил* и следующих за ним глаголов в будущем времени есть точка пересечения – позиция объекта: все действия в зависимых ПЕ раскрывают семантико-синтаксическую валентность глагола в перфектном значении.

Материал показывает, что перфектные глаголы, образующие «рамку», усиливают и поддерживают друг друга. Весьма близкие по лексическому значению, они различаются собственно текстовой функцией. Триггерный глагол выполняет проспективную функцию в текстообразовательном плане и прогрессивную функцию в содержательном плане. Последняя связана с тем, что персонаж представил в своем воображении некоторые события, которые еще не произошли, а только могут произойти. Поэтому повествование перемещается в футурально-ирреальный план. В текстообразовательном отношении словоформа *сообразил* называет перфектную ситуацию, раскрываемую в последующих предикативных частях и усиленную вторым глаголом с перфектным значением *осознал*, репрезентирующим новый виток осмысления ситуации.

Далее обратимся к анализу словоформ с перфектным значением, представленных в ССЦ «пучками» и «сетками».

Прежде всего следует отметить, что «пучки» и «сетки» словоформ в перфектном значении представляют собой весьма сложный для функционально-семантического анализа материал, поскольку их функции распределяются внутри каждой группы неравномерно. Как правило, первый перфект берет на себя бóльшую часть «нагрузки» по выражению текстовой когезии, а последующие словоформы конкретизируют логические связи между разными стадиями развития перфектной ситуации и выражают изменения в сюжетно-событийном плане.

Приведем пример «пучка» перфектов, под которым мы понимаем группу словоформ с перфектным значением, расположенных компактно (в пределах одной предикативной единицы или в соседних предикативных единицах, когда между ними нет других предикатов):

*...Елизавета Николаевна никакая не старуха, но дивная и удивительная женщина без возраста. Возраст она **утратила**, когда после выпускного **состригла** золотые проволочные косички и **вышла замуж** за пожилого чиновника Внешторга... (О. Славникова. Басилевс).*

«Пучок» перфектных глаголов (*утратила – состригла – вышла*) находится в позиции внутренней границы субтекста: именно с предложения, содержащего эти формы, начинается содержательная отсылка к более раннему временному плану. Первый глагол *утратила* выполняет проспективно-ретроспективную функцию: с одной стороны, он вместе с повтором слова *возраст* отсылает к левому контексту, выражая причину сложившейся ситуации; с другой стороны, этот глагол предопределяет появление следующего высказывания, в котором конкретизируется содержание зафиксированных перфектом изменений.

Лексический повтор слова *возраст* подчеркивает причинно-следственную связь между характеристикой героини и событиями в

прошлом: в первый раз это существительное употреблено в составе конструкции, выражающей пропозицию характеристики, с составным именным сказуемым с нулевой связкой: *Елизавета Николаевна – женщина без возраста*. Во второй раз – в функции прямого дополнения при глаголе с перфектным значением *утратила*, который объясняет состояние «из прошлого». Два последующих глагола с перфектным значением (*состригла, вышла*) текстообразовательных функций здесь не выполняют.

«Сеткой» мы называем такое расположение перфектных глаголов, когда первый и последний глаголы образуют «рамку», внутри которой имеются другие перфектные глаголы. Как и в предыдущем случае, взаимодействуя друг с другом, словоформы в перфектном значении вводят дополнительную ступень «погружения» в более ранний временной план (о функции регресса повествования см. раздел 2.3), усиливают логические связи между событиями и акцентируют кульминационные моменты внутри субтекста.

Приведем пример «сетки» перфектов:

*И вдруг в душе ее **возникла** необъяснимая тень недовольства своей жизнью, неловкости за свое полное и заслуженное благополучие. «Да нет, глупости, – промелькнуло в мыслях, – чего же плохого в том, что родители **дали** мне хорошее образование и **обеспечили** всем необходимым для жизни...» И она, вернувшись глазами к фотографиям, **сменила** тему... (Л. Улицкая. Бронька).*

В этом фрагменте две словоформы с перфектным значением *возникла* (*тень недовольства*) – *сменила* (*тему*) образуют «рамку» вокруг регрессивного по содержанию субтекста, эксплицирующего воспоминания героини. В свою очередь внутри этой вставки мы видим еще два глагола в перфектном значении: *дали* (*образование*) и *обеспечили* (*всем необходимым*), представляющие собой перфект «внутреннего» типа. Такое употребление глагольных форм с перфектным значением актуализирует

логические (причинно-следственные) связи: глаголы *дали (образование)* и *обеспечили (всем необходимым)* раскрывают состояние, осмысленное как *полное и заслуженное благополучие*. Погружение в иной повествовательный план осуществляется здесь ступенчато: сначала триггерный глагол акцентирует внимание на определенном состоянии, затем «внутренний» перфект объясняет это состояние через предшествующее действие. Как видим, при взаимодействии разных типов перфекта, во-первых, происходит распределение функциональной нагрузки между ними; во-вторых, за счет введения субтекста усложняется смысловая структура фрагмента.

Обобщим результаты анализа функции текстовой когезии, выполняемой различными композиционными типами словоформ с перфектным значением.

Обычно перфектные глаголы выполняют функцию когезии, находясь **на границе ССЦ (триггерный перфект и обобщающий перфект)**. **Внутри ССЦ** зафиксировано два варианта словоформ с перфектным значением. Одни из них обеспечивают ретроспективно-перспективную связь компонентов перфектной ситуации (**концентрический перфект**), другие текстообразовательного ресурса лишены.

Характерными признаками **триггерного** перфекта как наиболее яркой функциональной разновидности словоформ с перфектным значением являются лексическая перфектность и включенность в особые синтаксические структуры. Материал показывает, что фактор позиции и синтаксической структуры играет более существенную роль, чем лексическое значение глагола, поскольку под воздействием первого одни и те же глаголы могут в одних контекстах функцию когезии выполнять, а в других нет.

Пограничный (триггерный и обобщающий) **перфект** выполняет в тексте двойную функцию: 1) связывает фрагменты повествования и

2) обеспечивает смысловую связь между временными планами (подробнее см. следующий раздел). Функции первого типа соотносятся с планом выражения, функции второго типа – с планом содержания. Приведем зафиксированные в нашем материале комбинационные варианты функциональных разновидностей перфекта с учетом одновременного выполнения им функций когезии и содержательного развертывания текста:

1) триггерный перфект в начале ССЦ, вводящий регрессивный субтекст, содержание которого относится к более раннему временному плану (наиболее частотная разновидность);

2) обобщающий перфект в конце регрессивного субтекста (подводящий его итог);

3) триггерный перфект в начале прогрессивного субтекста;

4) обобщающий перфект в конце прогрессивного субтекста.

При употреблении в одном ССЦ нескольких словоформ с перфектным значением наблюдается их взаимодействие, распределение функциональной нагрузки и усложнение смысловой структуры текста.

2.4. Словоформы с перфектным значением в сюжетно-событийной функции

Роль грамматических форм в организации сюжета художественного произведения неоднократно отмечалась в научной литературе. Например, К.А. Долинин, развивая идею В.Г. Адмони о структуре целостного повествовательного текста, подобной структуре высказывания (предложения), пишет о вариантах универсальной схемы коммуникации событий. Параллелизм между строением всего текста и строением предложения автор рассматривает в двух аспектах. Во-первых, это параллелизм между фабульной структурой и структурной схемой предложения (и в той, и в другой структуре есть субъект, объекты,

предикат, обстоятельства, признаки). Во-вторых, это соотнесенность фабулы с коммуникативной перспективой предложения (завязка – тема, развязка – рема, состояние неопределенности – имплицитный вопрос) [Долинин 2010].

Мы предполагаем, что словоформы с перфектным значением играют определенную роль в установлении связи между компонентами этих структур. Так как в перфекте объединяются действие и состояние, он с большой долей вероятности будет использоваться на тех участках текста, которые репрезентируют переход от состояния неопределенности к событию, разрешающему эту неопределенность (или, наоборот, от события к новому состоянию). Поэтому словоформы с перфектным значением приобретают значимость в разрешении напряжения, которое, по мнению К.А. Долинина, присуще любому тексту.

С нашей точки зрения, синкретичная природа перфектных словоформ обеспечивает им особое место в нарративной структуре повествования – экспликацию связи между различными фабульными элементами. Поскольку фабульная структура текста подобна структуре предложения, можно предположить, что такое связующее средство, как перфектная ситуация, также может иметь радиус действия больший, чем высказывание и даже ССЦ. Ю.С. Маслов охарактеризовал повествовательные функции аориста и имперфекта (аористом продвигается повествование, имперфектом останавливается), но не назвал перфект синкретичной связующей формой [Маслов 2004: 217–248].

Как уже отмечалось, словоформы с перфектным значением выполняют текстовые функции не изолированно, а в комплексе с лексическими и синтаксическими актуализаторами контекста, поэтому мы будем рассматривать нарративные функции целых перфектных ситуаций, а не отдельных словоформ. На наш взгляд, именно такой подход детерминирован природой перфектного значения.

Обобщенно представим способы репрезентации сюжетно-событийной функции, выявленные в ходе анализа материала (табл. 3).

Таблица 3

**Репрезентация словоформами с перфектным значением
сюжетно-событийной функции**

Подфункция	Семантическая разновидность перфекта	Средства выражения перфектности	Контекстные актуализаторы перфектного значения
Регресс повествования (отсылка к прошлому)	1. Плюсquam-перфект 2. Акциональный 3. Экспериментальный	1. Глаголы СВ 2. Глаголы НСВ с результативно-фактическим значением 3. Краткие страдательные причастия со связкой в прошедшем времени 4. Деепричастия СВ 5. Конструкция <i>успел</i> + инфинитив	Выражающие: – временные и таксисные отношения; – причинно-следственные отношения (логические пропозиции); – делиберативные отношения
Прогресс с остановкой (изменение ситуации во внешней среде с фиксацией последующего состояния)	Статально-акциональный	1. Глаголы СВ со значением: – перемещения в пространстве; – перехода в состояние; 2. Фазовые глаголы СВ 3. Слова категории состояния со связкой <i>стало</i>	1. Временные и аспектуальные обстоятельства 2. Сопряженность в одном контексте разноплановых единиц: – глаголов СВ с аористическим значением; – деепричастий СВ с аористическим значением; – глаголов СВ и НСВ со статальным значением 3. Дейктические средства
Прогресс с остановкой / квазипрогресс (изменение ситуации во внутреннем мире персонажа с фиксацией последующего состояния)		1. Глаголы ментальной деятельности 2. Слова категории состояния (с семантикой восприятия) со связкой <i>стало</i>	

Остановка повествования (фиксация текущей ситуации)	Статальный	1. Краткие страдательные причастия 2. Глаголы СВ	1. Временные и аспектуальные обстоятельства 2. Глаголы в настоящем времени 3. Именная часть сказуемого 4. Номинативные предложения
---	------------	---	---

Развивая идеи А.В. Бондарко, мы выделяем следующие **сюжетно-событийные подфункции** перфектных ситуаций: **регресса повествования, остановки повествования, прогресса повествования с остановкой, квазипрогресса повествования.**

Представление этих функций начнем с функции регресса повествования как наиболее характерной для словоформ с перфектным значением.

1. Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования.

Под **регрессом повествования** мы вслед за Ю.С. Масловым понимаем возврат фокуса повествования к более раннему этапу сюжетной линии [там же: 222–223]. Соответственно, для того чтобы в повествовательном тексте можно было говорить о функции регресса, нужна дополнительная точка отсчета – ситуация, по отношению к которой выражено таксисное значение предшествования в прошлом или настоящем.

Функция регресса выражается словоформами с плюсквамперфектным значением, если повествование ведется в прошедшем времени, и словоформами с акционально-перфектным либо экспериенциально-перфектным значениями в повествовании, ведущемся в настоящем времени.

В связи с тем что повествование чаще ведется в плане прошедшего, отметим, что главным компонентом в составе семантического комплекса, реализующего функцию регресса, обычно являются словоформы с плюсквамперфектным значением. Как показал наш материал, эту функцию выполняют следующие грамматические единицы: 1) страдательные причастия со связкой (*была приобретена*); 2) глагол ПСВ (*надоело, забыл*); 3) глагол восприятия ПНСВ (*видел, слышал*); 4) деепричастие СВ (*не выполнив*); 5) конструкция «успел + инфинитив» (*успела забыться*).

Так как значение плюсквамперфекта не может быть выражено только на внутрисловном уровне, еще одним условием реализации функции регресса повествования является использование различных показателей таксисного отношения предшествования (синтаксических конструкций и отдельных словоформ). Вспомогательные компоненты семантического комплекса, реализующего ситуацию регресса, можно разделить на три группы:

1) выражающие временные отношения (различные синтаксические конструкции с временными / таксисными отношениями и лексические показатели);

2) выражающие причинно-следственные отношения (различные конструкции союзного и бессоюзного типа, выражающие причинные и другие логические пропозиции);

3) выражающие делиберативные отношения (подчинительные конструкции изъяснительно-объектного и определительного типа, а также бессоюзные конструкции с делиберативной семантикой).

Как отмечает Ю.С. Маслов, функция регресса может реализоваться внутри текстовых фрагментов разного объема. См.: «Регресс может быть неглубоким (возвращение к непосредственно предшествующему) или, напротив, глубоким (возвращение к более отдаленным событиям); он может содержать сообщение об одном отдельном событии, или о начале

состояния, наличного в момент, до которого продвинулся рассказ, или, наконец, о ряде событий. Иногда регресс может быть настолько обширным, что приходится констатировать переключение действия в другой повествовательный план, лежащий хронологически позади исходного...» [там же: 223]. Мы рассмотрим регресс преимущественно в пределах ССЦ и коротко остановимся на репрезентации регресса в более крупных текстовых фрагментах.

Известно, что во многих языках функция регресса выполняется специальной формой плюсквамперфекта. В русском языке, в котором такие формы отсутствуют, один и тот же глагол в разных контекстах может выполнять функцию либо регресса повествования, либо продвижения повествования, т.е. характеризоваться своим «вектором». Представим характеристику перфектных ситуаций разных типов.

1) Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования в конструкциях с временными / таксисными отношениями.

Словоформы с перфектным значением выражают связь между разными временными планами, и это различие может служить основанием для создания регрессивной ситуации. При этом в контексте, раскрывающем эту ситуацию, глагольная словоформа с плюсквамперфектным значением, как правило, оказывается сопряженной с другими показателями таксисного значения одновременности: полипредикативными конструкциями с таксисной семантикой, обстоятельствами времени и другими видо-временными формами, выполняющими роль точек отсчета.

Типовой конструкцией, выражающей данную функцию, является СПП с придаточным времени, так как именно в ней реализуются таксисные отношения, связанные с предшествованием одной ситуации другой. Предшествование обычно выражается в СПП со скрепами *после*

того как, до того как, когда и др. Союз *когда* является (в отличие от прочих средств) неспециализированным средством выражения предшествования, так как он указывает лишь на существующее соотношение двух ситуаций во времени, не конкретизируя его. Для реализации функции регресса в этом случае необходимы дополнительные конкретизаторы таксиса: временные и аспектуальные обстоятельства и / или лексическое значение глагола. Обычно глагол в плюсквамперфектном значении находится в придаточной части, а словоформа, обозначающая точку отсчета, – в главной. Например:

Будильник был куплен в седьмом классе гимназии, когда выяснилось, что времени не хватает. Единственным запасом, откуда его можно было брать, стал сон. Раз и навсегда он поставил будильник на семь и стал ложиться все позже и позже... (Д. Гранин. Зубр).

В этом примере функция регресса повествования реализуется при взаимодействии следующих факторов: перфектный глагол СВ *выяснилось* находится во временном придаточном со значением предшествования (*когда выяснилось, что времени не хватает...*). Этот глагол выступает в плюсквамперфектном значении, отражая событие более раннего временного плана по отношению к ситуации *будильник был куплен*.

Как видим, здесь употреблена неспециализированная скрепа – союз *когда*, который указывает на таксисные отношения как таковые, но не указывает именно на предшествование одной ситуации другой. Таксисное значение предшествования конкретизируется лексической семантикой глагола *выяснилось* и его видо-временными характеристиками.

Обычно в качестве конкретизаторов таксисного значения используются временные и аспектуальные обстоятельства, употребленные в СПП с союзом *когда*, например: *уже (принесли, когда уже ушла), по прошествии некоторого времени (когда уже выяснились)*. См.:

Похоронку принесли утром, когда Елена уже ушла на завод. Василиса выплакалась за день – Антона она не любила и теперь себя особенно корила за эту нелюбовь (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

*Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже **выяснились** и Сонины незаменимость на кухне в предпраздничной суете, и швейные достоинства <...> кристалл Сониной глупости засверкал иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости... (Т. Толстая. Соня).*

В последнем примере таксисные отношения выражены и придаточным времени, и аспектуальным обстоятельством *уже*. Придаточное времени с союзом *когда* подразумевает одновременность либо предшествование, а наречие *уже* конкретизирует эти отношения, выражая предшествование ситуации, обозначенной глаголом в плюсквамперфекте *выяснилась*, всем остальным событиям. Кроме простого хронологического предшествования, словосочетание *уже выяснились* выражает субъективную важность этой динамики для рассказчика – именно поэтому автор вводит придаточную часть, не ограничиваясь темпоральным обстоятельством *по прошествии некоторого времени*.

Как показывает анализ материала, регресс в СПП с временным придаточным, присоединенным союзом *когда*, может актуализироваться и особыми «перфектными» конструкциями, выражающими именно регрессивную направленность изложения, например «*успел* + инфинитив». Вот как это выглядит в тексте:

*Все трое засмеялись и смеялись очень долго, даже тогда, когда причина смеха **успела забыться** (В. Пелевин. Generation P).*

Помимо временных придаточных, присоединенных союзом *когда*, глагол в плюсквамперфектном значении может употребляться в СПП с другими (более специализированными) скрепами: *после того как*, *до того*

как и др. Конструкции с *после того как* более частотны, поскольку событие предшествующего временного плана выражено в придаточной части, что для таких конструкций типично. См., например, в приведенных ниже примерах глаголы СВ с плюсквамперфектным значением *сгорели* и *поступила* выражают регресс по отношению к статальным ситуациям в главной части, обозначенным глаголами НСВ (*боялась* и *приходилось слышать*):

*Он убеждался, что дачный покой и восторг не были постоянными и абсолютными, но время от времени омрачались, и всюду его подстерегали опасности. Они были очевидными, как грозы, которых боялась даже бабушка, после того как в округе **сгорели** два дома.* (А. Варламов. Купавна).

*Это был <...> ее троюродный или четверюродный дядя. В доме о нем почти не говорили, но после того, как она **поступила** в институт, его имя там ей приходилось слышать почти каждый день.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В первом примере таксисные отношения дополняются причинно-следственными, потому что в главной части употреблен глагол эмоционального состояния *боялась*. Намного реже встречаются конструкции, в которых ситуация более раннего временного плана выражена в главной части, а не в придаточной (и тем самым выдвигается на первый план) – СПП со скрепой *до того как*:

*Но за миг до того, как лицо стало видимым, камера так **приблизила** статую, что на экране осталось только золотое мерцание...* (В. Пелевин. Generation P).

Перестановка главной и придаточной частей, когда ситуация более раннего временного плана выражена в главной части, возможна и при участии союза *когда*, например:

Когда Зоя и Зина опомнились, то Шмеля и след уже простыл.
(В. Кологрив. Медовый луг).

Как видим, здесь более ранняя ситуация эксплицируется фразеологическим сочетанием с перфектным значением *след простыл*, употребленным в главной части СПП, и это предшествование актуализируется наречием *уже*. Такое возможно благодаря семантической недифференцированности союза *когда*: он обозначает лишь таксис как таковой, некое соотношение двух ситуаций по времени, на конкретную же последовательность этих ситуаций указывают аспектуальные и темпоральные обстоятельства, а также лексико-грамматические характеристики самих глагольных форм.

В простом осложненном предложении средством выражения функции регресса служат **деепричастия СВ**. Как известно, в русском языке эта форма глагола является одним из грамматических способов выражения одновременности. Например:

*Бывают дни, когда воедино стекается все хорошее. А бывает – наоборот: удары судьбы подкрадываются, как волки, с разных сторон и нападают одновременно. Ирина уходила, как обычно, **отработав** свои пять часов, на террасе ее остановила Света.* (В. Токарева. Своя правда).

Регресс, основанный на временных отношениях, может проявляться и без грамматических показателей таксиса, т.е. в простом неосложненном предложении. В таком случае значение одновременности выражено как самим лексическим значением глагола, обозначающего более раннюю ситуацию, так и различными лексическими показателями в ближайшем окружающем контексте. Типичным вспомогательным компонентом, поддерживающим глагол в перфектном значении в выполнении функции регресса, являются обстоятельства времени. Например, наречие *никогда*, употребляемое при глаголах восприятия НСВ с отрицанием (*не видел, не слышал*), может актуализировать особую «ментальную» разновидность

регресса, при которой возврат в план прошедшего представлен в виде фиксации опыта восприятия за весь период, предшествующий ситуации – точке отсчета. Проиллюстрируем сказанное:

*Цари тоже были смешны: про них даже не было толком известно, люди они или ошибка переписчика глиняных табличек, и след от них остался только на этих самых табличках. Татарский, во всяком случае, никогда про них **не слышал** (В. Пелевин. Generation P).*

Как видим, в этом примере регресс реализуется в простом предложении с предикатом, выраженным глаголом НСВ в перфектном значении (*не слышал*). Связь с более поздней ситуацией, описанной в предшествующем предложении, имплицитруется, но на эту связь указывают дейктические единицы – местоимение (*про*) *них* и вводно-модальная конструкция *во всяком случае*. Подчеркнем, что роль дейксиса в подобных случаях возрастает.

Нередко таксисные отношения проявляются в определительных конструкциях, где взаимосвязь временных планов осуществляется через предмет. Например:

Серенькие маленькие твари были причиной уже его, Институтова, мучений. Он понимал, о чем они пищат. Различал чуть не каждую в лицо, точно зная, что юркнула под шкаф именно та мышь, которую на прошлой неделе он видел в процедурной или еще где-то (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

В данном случае таксисные отношения реализуются семантически (возвращение к событиям, происходившим неделей раньше определенного момента), на что указывает обстоятельство времени *на прошлой неделе*. При этом грамматически предложение оформлено как СПП с придаточным определительным; связь между временными планами реализуется через объект восприятия, который оказывается в фокусе внимания персонажа (*именно та мышь*). Поэтому в подобной «определительно-дейктической»

разновидности регресса с таксисными отношениями часто выступают глаголы восприятия в перфектном значении типа *видел, слышал, знал*. Экспериенциальный перфект реализует связь между объектом восприятия и отражающим этот объект сознанием субъекта.

Итак, основной конструкцией, выражающей регрессивную направленность повествования, являются СПП с придаточным времени, в которых употреблен глагол СВ в плюсквамперфектном значении, а глагольная словоформа в главной части, от которой зависит придаточное, содержит в своем значении стательный компонент. В этой функции могут использоваться: глагол СВ в перфектном значении, глагол НСВ в имперфектном значении, а также причастие со связкой.

2) Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования в конструкциях, выражающих причинно-следственные отношения.

Ранее отмечалось, что в природе перфектного значения заложена связь не только между более поздним и более ранним временными планами, но и между действием-причиной и состоянием-следствием, поэтому перфектные ситуации могут осуществлять функцию регресса повествования, реализуясь в конструкциях с причинно-следственной семантикой. Типичным примером такой конструкции являются СПП, в которых глагол в плюсквамперфектном значении находится в придаточной части со значением причины и выражает регресс по отношению к ситуации, выраженной в главной части, например:

Я и сам у метро торговал. А в рекламный бизнес ушел, потому что надоело... (В. Пелевин. Generation P).

Здесь регресс повествования выражен СПП, в главной части которого названа ситуация-следствие, происходящая в более позднее время и эксплицированная глаголом СВ с перфектным значением (*ушел*), а в придаточной части – ситуация-причина, произошедшая в более раннее

время и выраженная глаголом СВ с плюсквамперфектным значением (*надоело*). Причинно-следственные отношения репрезентированы союзом *потому что*, таксисные отношения предшествования подразумеваются в составе причинно-следственной связи.

Глаголы в плюсквамперфектном значении, выполняющие функцию указания на регресс повествования, могут употребляться и в бессоюзных сложных предложениях (БСП) с причинно-следственными отношениями между частями, прежде всего в таких, где вторая часть указывает на причину первой. Например:

*Больше он не писал стихов: с гибелью советской власти они **потеряли** смысл и ценность* (В. Пелевин. Generation P).

*Азадовский пожал ему руку не глядя – он явно был не в духе. Татарский знал, в чем дело, – Морковин **объяснил** еще вчера* (В. Пелевин. Generation P).

*Подхватил и Алёша, вместе со всеми. Мог бы, конечно, не знать тех слов и мелодию: **слышал** много раз в детстве, а после, казалось, **не слышал** и давно **позабыл*** (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

В этих примерах семантический комплекс, реализующий функцию регресса, включает следующие основные элементы: глагол состояния в имперфектном значении в первой части БСП (*не писал, знал, мог бы не знать*) и глагол в плюсквамперфектном значении во второй части (*Морковин объяснил; они потеряли смысл и ценность; слышал – давно не слышал – позабыл*). Как видим, для обоснования состояния повествователь возвращается в более ранний временной план, т.е. к событиям, послужившим причиной данного состояния. При этом причинные отношения дополняются временными, выраженными темпоральными обстоятельствами (*еще вчера, давно*), так как

синкретичное по своей природе перфектное значение репрезентирует одновременно и временные, и логические связи.

Отметим также, что словоформой в главной части, передающей ситуацию-следствие и означающей состояние (чаще всего ментальное), является либо глагол СВ с перфектным значением, либо глагол НСВ. Словоформа, отсылающая к ситуации-причине, обычно выражена перфектным глаголом СВ, иногда глаголом восприятия НСВ в перфектном значении. В последнем случае реализуется особая разновидность перфектного значения – экспериенциальное / результативно-фактическое, т.е. факт восприятия субъектом заданного объекта независимо от времени и кратности этого восприятия осознается как значимый результат.

В редких случаях значение причины выражается в деепричастном обороте, например:

*Прабабка отличалась исключительной независимостью, жила одна – полуслепая, отказываясь от помощи даже после того, как осушила бутылку чернил, **приняв** их за вино...* (Э. Лимонов. У нас была великая эпоха).

Здесь деепричастие *приняв* с перфектным значением указывает на регресс по отношению к ситуации, названной глаголом *осушила*, и этот регресс основан не столько на временных отношениях (приняла за вино, а потом осушила), сколько на причинно-следственных (приняла за вино и поэтому осушила). См. аналогичный пример:

*В конце концов он очутился на самом верху угловой башни, на которую недавно еще смотрел с лужайки. Два рослых латника уже подбирались к шесту с синим флагом. Сквозь дым, тянувшийся от замка, он взглянул на лугавину и удивился, как хорошо было видно отсюда все войско <...> Теперь все они там оживились, наверно, **увидев** своих на башне* (В. Быков. Главный кригсман).

В этом случае каузация регресса, маркированного деепричастием *увидев*, подчеркивается вводно-модальным словом *наверно*, актуализирующим рефлексии персонажей.

Иногда (достаточно редко) регресс выражен в конструкциях с семантикой следствия, а не причины. В таком случае словоформа, обозначающая более раннюю ситуацию-причину, употребляется в первой части БСП, см.:

*Всё тому не нравится – то груз на плечах слишком тяжелый, то идут слишком быстро. Отстающих на войне Гусаков **видел** немало – в общем, их хитрости были ему известны* (В. Быков. Болото).

Как видим, глагол восприятия НСВ с перфектным значением (экспериментальный перфект) *видел* отсылает читателя к опыту персонажа как основанию его ментального состояния *были ему известны*.

Кроме того, регресс на основе причинно-следственных отношений может передаваться синтаксическими конструкциями с семантикой уступки. Например: *Костя любил читать о море, хотя никогда **не видел** его. Болото он ненавидел, ягод не собирал...* (В. Быков. Болото). В таких конструкциях обычно используется глагол восприятия НСВ в экспериментально-перфектном значении (чаще всего с отрицанием), позволяющий зафиксировать отношение субъекта к ситуации, отсылающей к его предшествующему опыту. Конструкции с придаточными сравнения также можно отнести к этой группе, поскольку они выражают логическую пропозицию сравнения, подразумевающую взаимосвязь между двумя ситуациями, например:

*Очередь Татарского подошла не скоро – он был последним. Полутемный зал, где ждал Азадовский, был огромно-шикарным, но несколько архаичным, словно его **оборудовали** и **обставили** еще в тридцатые или сороковые годы.* (В. Пелевин. Generation P).

Придаточное сравнения *словно его оборудовали и обставили еще в тридцатые или сороковые годы* вводится для обоснования качества объекта *зал...был несколько архаичным*. На предшествование одной из ситуаций дополнительно указывает обстоятельство времени *еще в тридцатые или сороковые годы*, конкретизирующее временную дистанцию между состоянием объекта и предполагаемой причиной этого состояния.

Итак, в регрессивных ситуациях, основанных на причинно-следственных отношениях, чаще всего употребляются глаголы восприятия, в том числе ментального; из синтаксических конструкций преобладают СПП с придаточным причины и БСП, вторая часть которых выражает причину первой. В тех случаях, когда каузальная пропозиция репрезентирована самой конструкцией, обстоятельства и другие лексические показатели регресса повествования эксплицируют таксисные отношения одновременности. Реже встречаются контексты, в которых синтаксическая конструкция формально выражает таксис (деепричастные обороты), наполняясь при этом причинно-следственной семантикой в силу самого лексического значения словоформы.

3) Перфектные ситуации, выражающие регресс повествования в конструкциях с делиберативными отношениями.

Делиберативные отношения (когда один из компонентов выражает содержание речемыслительного действия лица, названного другим компонентом, см.: [Всеволодова 2000]) также могут стать основой для реализации регресса повествования, потому что их семантика подразумевает таксисный компонент: ситуация, которая становится содержанием ментального процесса, как правило, происходит раньше самого этого процесса.

Типичной конструкцией для выражения делиберативной семантики является СПП с придаточным изъяснительным, в главной части которого

употреблен глагол речи (*сказал*), памяти (*вспомнил*) или ментального состояния (*выяснилось*), в придаточной же части может быть любой глагол СВ или НСВ в перфектном значении. Приведем примеры:

Татарский, наконец, вспомнил, где он видел этого старика... (В. Пелевин. GenerationP).

Папа сказал, что он видел еще один фильм с Одри – «Завтрак у Тиффани». Потом посмотрел на меня и добавил, чтобы я не забивал себе голову ерундой... (А. Геласимов. Нежный возраст).

*Когда стали подводить итоги опыта работы со мной, выяснилось, что меня **довели** до уровня кандидата в медалисты* (Ф. Искандер. Начало).

Материал показывает, что функцию указания на регресс повествования обычно выполняет глагол восприятия в перфектном значении (*видел* в первом и втором примерах), находящийся в изъяснительном придаточном, но могут выполнять глаголы и других ЛСГ. Глагол, от которого зависит придаточное предложение, также, как правило, имеет ментальную семантику (*вспомнил*, *выяснилось*) или семантику речи (*сказал*), что обусловлено самим типом синтаксической конструкции. Эта разновидность регресса соотносится именно с теми случаями, когда ситуация более раннего временного плана является объектом некоторого ментального процесса, т.е. лежит в другом субъективно-модальном плане. Ментальный предикат в главной части предложения, от которого зависит придаточное, выражающее регресс, может быть представлен словоформой как с перфектным значением (см. приведенный пример), так и с другими значениями, в частности стательным (*было ясно*). Например:

Осеннее шоссе было пустынным и печальным. Особенно грустно делалось оттого, что деревья по его бокам были еще зелеными и

*выглядели вполне по-летнему, но было ясно, что лето **кончилось**, так и не выполнив ни одного обещания.* (В. Пелевин. Generation P).

Обе ситуации, предшествующие текущему состоянию (*лето кончилось; так и не выполнив обещания*), в этом примере находятся в позиции делиберативного объекта при предикате ментального состояния *было ясно*. Объект репрезентирует вывод персонажа, результат его наблюдений и умозаключений. Данный фрагмент интересен еще и тем, что в нем наблюдается двухступенчатый регресс: ситуация *лето кончилось* завершилась к моменту рефлексии говорящего над ней (*было ясно*) – это первая ступень регресса. Вторую ступень эксплицирует деепричастный оборот *так и не выполнив ни одного обещания*, в котором отглагольное существительное *обещание* и деепричастие с таксисным значением предшествования (*не выполнив*) восстанавливают еще более раннее положение дел: лето что-то обещало и не выполнило до того, как закончилось. Как видим, текущее состояние окружающей среды сопоставляется здесь не только с более ранним состоянием, но и с тем, какое должно было быть. Иначе говоря, сопоставление осуществляется по двум параметрам: 1) более раннее состояние сопоставляется с более поздним; 2) ожидаемое – с действительным.

Регрессивная направленность содержания может реализоваться посредством и других типов сложного предложения с делиберативными отношениями. Например, придаточные присоединительные также отражают связь ментального процесса субъекта с содержанием этого процесса, но направление движения мысли в этом случае обратное – от результата, выраженного глаголом в плюсквамперфекте, к самому ментальному процессу, с помощью которого говорящий приходит к осознанию этого результата. Вот как это выглядит в тексте:

*Один проект **завернули**, что было ясно по лицу выходящего из зала высокого усатого мужчины с ранней сединой...* (В. Пелевин. Generation P).

Здесь глагол в перфектном значении *завернули* выражает ситуацию, предшествующую текущей и являющуюся ее причиной (выражение лица мужчины было именно таким, каким оно было, из-за того, что *проект завернули*). Именно причина акцентируется повествователем как более яркая и важная, чем следствие, выраженное конструкцией с имперфектно-статальным значением *было ясно*.

Судя по нашему материалу, помимо СПП с изъяснительными и присоединительными придаточными, делиберативная семантика выражается синкретичными конструкциями с местоименно-соотносительными отношениями. Например:

*Довольно малоизвестный розовый вариант портрета инфанты. Здесь вы видите нотариальную справку, выданную фирмой «Оппенхайм энд Радлер», о том, что картина действительно **была приобретена** за семнадцать миллионов долларов в частном собрании. (В. Пелевин. Generation P).*

*Да нет, глупости, – промелькнуло в мыслях, – что же плохого в том, что родители **дали** мне хорошее образование и **обеспечили** всем необходимым для жизни... (Л. Улицкая. Бронька).*

В этих примерах регресс повествования выражен семантическим комплексом, включающим словоформы с плюсквамперфектным значением (причастная страдательная конструкция *была приобретена* и глаголы ПСВ *дали, обеспечили*). Данные словоформы употреблены в конструкции местоименно-определяющего СПП с делиберативно-объектной семантикой. В первом случае эксплицируется валентность существительного *справка*, лексическое значение которого подразумевает некое внутреннее содержание, раскрываемое в придаточной части. Во втором высказывании использована конструкция с оценочной семантикой *чего же плохого в том, что...*, где в главной части оценочное прилагательное *плохого* требует выражения оцениваемого объекта в

придаточной части. Следовательно, в обоих случаях можно говорить о делиберативной семантике, несмотря на местоименно-соотносительную форму синтаксической конструкции.

Приведем еще пример:

*Татарского тревожило одно – он был уверен, что никогда **не рассказывал** Пугину историю про свое настоящее имя. Существовала, впрочем, ничтожная вероятность, что он **проболтался** по пьяному делу, а потом про это забыл...* (В. Пелевин. Generation P).

Словоформы *тревожило*, *уверен*, *существовала* (*вероятность*) относятся к одному временному плану, а словоформы *не рассказывал* и *проболтался* выражают по отношению к нему регресс. У этой конструкции наблюдается синкретичная семантика: грамматически в ней реализуются определительные отношения, а семантически – делиберативные.

В целом конструкции с делиберативными отношениями являются периферийными для выражения регресса повествования по причине своей неспециализированности. Делиберативные отношения не предполагают в обязательном порядке таксисного значения последовательности, они предполагают лишь наличие каких-либо таксисных отношений. Именно на этой основе возможна реализация как ситуации регресса, так и ситуации остановки повествования или предвосхищения событий. Поэтому важную роль здесь играют глаголы в перфектном значении. Предпосылки для регресса маркируются, во-первых, глаголами со значением памяти в главной части (они указывают на то, что в придаточной части речь пойдет о событиях прошлого); во-вторых, словоформами, выражающими регресс. Последние чаще всего представлены глаголами СВ и глаголами НСВ с семантикой восприятия, реже – причастиями со связкой в прошедшем времени, т.е. словоформами в акционально-перфектном, а не статально-перфектном значении.

К особым случаям реализации регресса повествования можно отнести крупные эпизоды, в которых воспоминания персонажа представляют собой развернутые повествовательные фрагменты. В подобных контекстах события развиваются «поступательно вперед». Однако при этом сознание повествователя все равно сосредоточено на том, что речь идет о событиях прошлого, и этот взгляд из плана настоящего в план прошедшего находит свое языковое выражение. В результате формируется «смешанный» тип контекста, в котором показатели регресса соседствуют с показателями прогресса и предвосхищения (прогресс внутри регресса). Проиллюстрируем сказанное двумя примерами:

*Записки эти лежали в семейном архиве Тимофеевых, хранящемся у Ляпуновых. Из них следует, что Тимофеевы продолжали помогать заключенным и после того, как Фому **перевели** в Маутхаузен, передавали продукты в тюрьму, пользуясь налаженной связью. **Выдал** Фому человек, который жил у Тимофеевых в доме, и об этом Фому **уведомили тотчас** (Д. Гранин. Зубр).*

*Поколение за поколением, воздействие, проверка, подсчеты. Семь лет **потребовала эта работа**. В 1934 году **удалось** наконец **опубликовать** итоги. Сперва он публиковал большую статью или даже книгу, затем, после того, как проблема прояснялась, устаивалась, печатал краткую статью, которая итожила и оставалась надолго. Он **пришел** к выводу, который многое **определил**: все исходное должно быть просто. (Д. Гранин. Зубр).*

В подобных случаях можно рассматривать функции каждой словоформы в макроконтексте и в микроконтексте. Так, в макроконтексте весь эпизод представляет собой воспоминания повествователя, т.е. все словоформы с перфектным значением внутри эпизода выполняют функцию регресса. В микроконтексте эпизода каждая из этих словоформ может выполнять любую другую функцию.

Итак, анализ материала показал, что ситуация регресса при участии словоформ с перфектным / плюсквамперфектным значением реализуется в синтаксических конструкциях с временными, причинно-следственными или делиберативными отношениями. При этом наблюдается семантический синкретизм, так как в любой из названных конструкций подразумеваются временные (таксисные) отношения, но с разной степенью конкретизации и эксплицитности. Таксисные отношения выражены глаголом в плюсквамперфектном значении, но поскольку отсутствует специальная грамматическая форма, это значение отличается от собственно перфектного лишь показателями контекста. Главными из таких показателей являются синтаксические конструкции, выражающие временные и логические пропозиции.

Самой характерной синтаксической конструкцией, посредством которой репрезентируется регрессивная направленность изложения, является, судя по нашему материалу, СПП с придаточным времени. При этом немалую роль играют актуализаторы регресса, представленные отдельными словоформами, например аспектуальные наречия *уже* и *еще*, которые выражают сопоставление двух ситуаций по времени и поэтому могут конкретизировать таксисные отношения, передаваемые неоднозначной синтаксической конструкцией.

Подчеркнем, что перфектная ситуация по своей природе имеет сложный характер и выражает разные типы взаимосвязей: между временными планами, между событием-причиной и состоянием-следствием, между ментальным действием и его объектом. В результате разные ипостаси «перфектного» значения становятся основой для разных типов регрессивных ситуаций. Важно также отметить, что типы таксисных отношений, сопровождаемых словоформой в плюсквамперфектном значении, часто совмещаются в одном высказывании или ССЦ. Иными словами, в одном контексте, содержащем словоформу в перфектном

значении, могут быть выражены одновременно как логические, так и хронологические связи между событиями.

Указание на регресс повествования является функцией, характерной именно для словоформ с перфектным / плюсквамперфектным значением.

Типичной словоформой с перфектным значением в функции маркирования регресса оказалась форма прошедшего времени глагола СВ. Чаще всего она употребляется в конструкциях с таксисной семантикой разновременности (для регресса разновременность обязательна), реже – в конструкциях с разной степенью выраженности временных / таксисных, причинно-следственных и делиберативных отношений.

Помимо синтаксических конструкций, ограниченных предложением, функция регресса содержания может выражаться и в более крупных единицах – ССЦ, которые репрезентируют воспоминания. Однако этот вопрос требует специального изучения.

2. Перфектные ситуации, выполняющие синкретичную функцию прогресса повествования с его остановкой.

По мнению Ю.С. Маслова и В.Б. Кашкина, перфектное значение включает в себя как стательный, так и акциональный компонент (см.: «Перфект – это всегда двуплановое грамматическое значение» [Маслов 2004: 426–427]), выраженность которых зависит от средств контекста.

В отличие от словоформ с имперфектным и аористическим значениями, специализирующихся на продвижении повествования (имперфект) и его остановке (аорист), словоформы с перфектным значением способны совмещать эти функции. Значит, можно говорить о семантическом комплексе, главную роль в котором играет глагол ПСВ с акционально-перфектным значением. Именно СВ способен продвигать повествование, поскольку, как подчеркивает А.В. Бондарко, совершенный вид обозначает возникновение новой ситуации [Бондарко 1996: 138–167. См. также: Карпухин 2008].

В ближайшем окружении глагола СВ могут находиться как показатели, поддерживающие наступление нового этапа ситуации, так и показатели статальности, фиксации ситуации на новом этапе. Такие показатели обычно находятся в пределах одного ССЦ, в котором употреблена словоформа с перфектным значением, или в соседних ССЦ, если высказывание с перфектом употреблено на их границе. В качестве синтаксических средств, поддерживающих значение продвижения повествования, обычно используются различные средства экспликации последовательности событий: конструкции с однородными сказуемыми, конструкции сочинительного типа, выражающие временные пропозиции, цепочки глаголов в значении аориста, лексические средства выражения одновременности (наречия *сначала, потом* и др., прилагательные *первый, следующий, последний* и др.).

Как показал анализ материала, рассматриваемая функция конкретизируется в двух подфункциях: 1) продвижения повествования с остановкой во внешней сфере; 2) продвижения повествования с остановкой во внутренней (ментальной) сфере, или квазипрогресс. Последовательно представим каждую из этих подфункций.

1) Перфектные ситуации, выполняющие функцию прогресса повествования с остановкой во внешней среде.

В ближайшем окружении словоформы с перфектным значением, выполняющей названную функцию, употребляются, как правило, показатели последовательности действий (наречия *сначала, потом, наконец* и др.) и ряды глагольных форм со значением аориста. Из синтаксических конструкций используются такие, которые выражают таксисное значение последовательности, в частности: предложения с однородными сказуемыми, ССП и БСП, выражающие временную пропозицию последовательности.

Например:

*Телефон завонил опять. Азадовский взял трубку, послушал немного, и его лицо **расцвело** широкой улыбкой: «Вот это я хотел услышать. Хвалю» (В. Пелевин. Generation P).*

В контекстах, фиксирующих продвижение повествования с его остановкой во **внешней среде**, чаще всего употребляются глаголы ПСВ со значением начала / завершения действия (фазовые глаголы): *начался, закончился, исчез, перестал* и др., а также глаголы со значением местоположения / движения: *замер, застыл, ушел* и др. Реже встречаются глаголы перехода в состояние (*побледнел, обрадовался* и др.) и пассивные / безличные конструкции со значением восприятия (*стал заметен, стало видно* и др.).

Рассматриваемая функция обычно реализуется в том случае, если глагол в перфектном значении находится в интерпозиции, т.е. внутри ССЦ или на границе двух ССЦ. В левом контексте при этом употребляется один или несколько глаголов в значении аориста, актуализирующих продвижение повествования, а в правом контексте – словоформы со значением состояния, актуализирующие задержку повествования. Рассмотрим пример:

*<...> Было ясно, что произошло что-то нехорошее. Сэм побледнел и побежал вперёд. Растолкав зрителей, он протиснулся вперёд и **замер**. Со стола свисал, покачиваясь под ветром, узкий жёлтый лист липучки. К нему пристало несколько мелких листьев и бумажек, а в самом его центре, бессильно склонив голову, висела Наташа (В. Пелевин. Жизнь насекомых).*

Здесь глагол в перфектном значении *замер* употреблен в одном ряду с глагольными формами в значении аориста *протиснулся, растолкав*, поэтому он воспринимается как звено одной цепи событий, как новый этап (причем более важный, чем события, названные глаголами в аористе).

Остановка повествования на этом этапе выражена как лексическим значением самого глагола *замер*, так и последующим описанием статальной ситуации, выраженной имперфектом (*висела, свисал*) и статальным перфектом (*пристало*). Воспринимая текст, читатель видит статичный «кадр», раскрывающий причину «замирания» персонажа. В подтексте же «прочитываются» скрытые причинные и делиберативные отношения (ситуация восприятия и реакции на воспринятое): замер, потому что увидел следующее... Таким образом, глагол в перфектном значении, даже будучи поставленным в один ряд с неперфектными повествовательными формами, вводит некий второй – субъектный – план и переносит (хотя бы частично) фокус внимания в ментальную сферу.

В прокомментированной типовой ситуации может варьироваться вторая часть, а именно: часть контекста, «отвечающая» за актуализацию состояния, может быть выражена разными способами, в том числе лексическим значением «перфектного» глагола и прямой речью персонажа, например:

*Телефон завонил опять. Азадовский взял трубку, послушал немного, и его лицо **расцвело** широкой улыбкой: «Вот это я хотел услышать. Хвалю» (В. Пелевин. Generation P).*

В данном случае глагол в перфектном значении *расцвело* (*улыбкой*) выражает возникновение новой ситуации как за счет лексико-словообразовательных характеристик (сема начинательности, способ действия «переход в состояние»), так и за счет синтаксической конструкции, включающей ряд однородных предикатов – глаголов в значении аориста *завонил, взял, послушал*. Предикат *расцвело широкой улыбкой*, с одной стороны, продолжает этот ряд и воспринимается как обозначающий очередное событие в череде последовательных действий; с другой стороны, вводит описательный фрагмент, позволяющий читателю

наглядно представить себе состояние персонажа, в то время как прямая речь репрезентирует причину его эмоционального состояния.

Очевидно, что типовая перфектная ситуация предполагает употребление глагола СВ в перфектном значении, однако в редких случаях на месте глагола может оказаться конструкция с причастием, например:

*Почему-то он решил, что это шумят ивы, и вспомнил, строчку из слышанной по радио песни: «Это сестры печали, живущие в ивах». И сразу же в тихом шелесте деревьев **стали различимы** обрывки женских голосов, которые казались эхом каких-то давным-давно сказанных ему слов, заблудившихся в тупиках памяти (В. Пелевин. Generation P).*

В этом примере важную роль играет аспектуальное наречие *сразу же*, потому что сама по себе форма причастия более специализирована на выполнении функции остановки повествования (в силу своего статального значения). Следовательно, глаголы СВ являются самодостаточной формой для выполнения данной функции. Продвигать же повествование конструкции с причастиями способны только при наличии дополнительных «усилий» контекста.

Иногда после продвижения повествования на новый этап следует регресс и задержка в чуть более раннем временном плане. См.:

*Мальчик попытался так же глубоко погрузить руки в шар, и с третьей попытки это **удалось** — для этого просто надо было сложить пальцы щепоткой (В. Пелевин. Жизнь насекомых).*

Глагол в перфектном значении *удалось* обозначает здесь «суммарный» результат, осмысленный персонажем, что актуализируется обстоятельством *с третьей попытки*.

Словоформа с перфектным значением может находиться в постпозиции к ССЦ. В таком случае остановка повествования актуализируется не употреблением других словоформ с чисто статальным значением, а выражается самим лексическим значением глагола,

продвигающего сюжет, т.е. наблюдается **синкретизм функций одной словоформы**. В подобных контекстах «раскрытие» статального компонента происходит в следующем ССЦ. Так, в приведенном ниже примере фраза *Конец наступил неожиданно* завершает одно ССЦ и начинает следующее:

*Татарский пробовал бороться, делая вид, что ничего на самом деле не происходит. Сначала это получалось. Тесно общаясь с другими людьми, которые тоже делали вид, что ничего не происходит, можно было на некоторое время в это поверить. Конец **наступил** неожиданно* (В. Пелевин. Generation P).

Продвижение повествования в рамках этой сложной функции осуществляется не только при наличии цепочки словоформ с аористическим значением, но и при наличии специальных показателей последовательности событий – словоформ, указывающих на таксисные отношения (наречие *сначала*, прилагательное *следующий* и др.). См.:

*Следующий ролик **начался** в более традиционной манере. Перед большим камином, горевшим в странной зеркальной стене, сидела семья – отец, мать, дочка с киской и бабушка с недовязанным чулком* (В. Пелевин. Generation P).

Обычно употребление таких показателей совмещается с цепочкой аористов, а глагол в перфектном значении реализует статальность только за счет своего лексического значения. Так, глаголы *перестала*, *застыла* выступают в перфектном значении именно в силу лексической семантики, в которой содержится сема результативности, перехода в новое состояние. Таксисные наречия *сначала*, *потом* и сопряженность с глаголом в значении аориста *бросились* актуализируют последовательность ситуаций, сменяющих друг друга, см.: *Девочка улыбалась сначала, потом **перестала**, но мучительная улыбка **застыла** на губах, будто от мороза* (С. Василенко. Шамара).

Двойственная функция выделенных глаголов обусловлена тем, что они, с одной стороны, передают ряд последовательных действий, с другой – благодаря своим лексико-словообразовательным характеристикам – выражают статальность.

2) Перфектные ситуации, выполняющие функцию прогресса повествования с остановкой во внутреннем мире персонажа (квазипрогресс).

Эта группа перфектных ситуаций отличается от предыдущей лексическим значением глаголов. Здесь используются глаголы ментального действия / состояния / восприятия, речи, эмоционального состояния (*понял, догадался, почувствовал, осознал, решил* и др.).

Синтаксические условия реализации данной функции совпадают с условиями, характерными для предыдущей разновидности перфектных ситуаций, поскольку в этом случае также употребляются конструкции с однородными предикатами в значении аориста и обстоятельства, указывающие на последовательность событий. Словоформы со статально-перфектным значением выполняют сложную функцию остановки повествования, совмещающейся с его продвижением, и в интерпозиции, и в постпозиции по отношению к ССЦ. В постпозиции обычно употребляются глаголы эмоционального состояния. Например:

Инфернальная веселость, которой дышал голос, не оставляла сомнений в том, что говоривший и сам был не последним человеком среди этих негодяев. Татарский нервно выключил радио и взялся за ручку сцепления. Его настроение совсем ухудшилось; захотелось живого человеческого тепла (В. Пелевин. Generation P).

Глагол *ухудшилось* выражает переход в новое состояние, а глаголы *захотелось, почувствовал* – начинательность. В то же время лексическое значение этих глаголов, реализующееся в данном контексте, подразумевает пребывание в новом состоянии какое-то время, в связи с

чем можно говорить об остановке повествования. Обратим внимание на то, что глаголы перехода в состояние могут выражать как «чистую» остановку повествования (в таком случае начинательность нейтрализуется), так и продвижение с остановкой при наличии дополнительных актуализаторов продвижения – цепочки аористов (в данном примере *выключил и взялся*).

Материал показывает, что значительно чаще словоформы с перфектным значением выполняют функцию динамики ментальных процессов говорящего, т.е. продвижения повествования с его остановкой во **внутреннем мире персонажа** («квазипрогресс»).

Повествование такого типа характеризуется следующими признаками:

– использованием глаголов ментального состояния / действия, восприятия, эмоционального состояния;

– контекстной сопряженностью ментальных глаголов с показателями динамики «внешней» ситуации, например формами глаголов движения, физического воздействия на объект, бытийно-локативных глаголов и др.;

– наличием в высказывании с «ментальным перфектом» дейктических показателей, связывающих ментальный процесс с его субъектом и объектом.

В одном и том же фрагменте может употребляться несколько ментальных глаголов с перфектным значением, каждый из которых выражает определенный этап ментального процесса одного субъекта. Вот как это выглядит в тексте:

*Татарский мало что **понял** в увиденном, только **подумал**, что коэффициент вовлечения можно было бы сильно увеличить, заменив чисто английский слоган на смешанный: It`s a Сон. Ещё он почему-то **вспомнил**, что была такая вьетнамская деревня Сонгми... (В. Пелевин. Generation P).*

*Стоящий на мосту танк долбанул из пушки, и одновременно Татарскому в голову **пришла** интересная идея – предложить людям из имидж-службы группы «Мост» силуэт танка на мосту как перспективный символ вместо их непонятого орла. За долю секунды – быстрее, чем снаряд долетел до цели – сознание Татарского **взвесило** возможные перспективы <...> и идея **была отброшена**. (В. Пелевин. Generation P).*

Как видим, в приведенных примерах параллельно разворачиваются два процесса: внутренний (ментальный) и внешний (физический). Первый, как уже было сказано, обычно маркируется глаголами в перфекте, второй может быть передан видо-временными формами с разными значениями, выражающими действия других субъектов: перфектом (*окончена, нашёлся*), плюсквамперфектом (*успел постареть*), аористом (*отпустил, схватил, настрочил*), имперфектом (*выглядел, возвращался, покрывали*).

Взаимосвязь между двумя параллельными процессами – физическим и ментальным – выражается в делиберативно-объектных отношениях, раскрывающих валентность ментального глагола. Эти отношения могут быть выражены придаточным изъяснительным с союзом *что* (например: *Отведя взгляд от Татарского, он взял трубку и открыл записную книжку. Татарский **понял**, что аудиенция окончена* – В. Пелевин. Generation P), или имплицитно (например: *Татарскому в голову **пришла** внезапная мысль. Он отпустил планшечку, схватил карандаш, которым протыкал пробку красненького, и еле различимой скорописью настрочил в углу листа: «Клип для очков Ray-Van...»* – В. Пелевин. Generation P).

Кроме того, взаимосвязь физического и ментального планов повествования может быть выражена конструкциями с придаточными определительными предложениями. См. примеры:

В буфете тем временем появился новый посетитель, которого Татарский сразу узнал, – это был известный телеаналитик Фарсук

Сейфуль-Фарсейкин. В жизни он выглядел намного старше, чем на экране. Видимо, он возвращался с эфира: его лицо покрывали капли пота <...> Татарский подумал, что Фарсейкин сразу кинется к буфету за водкой, но тот подошёл к их столу (В. Пелевин. Generation P);

*Дом Гиреева нашелся неожиданно легко – Татарский **узнал** его по саду, над которым поднимался лес неправдоподобно высоких зонтиков, похожих скорее на маленькие деревья, чем на большие сорняки (В. Пелевин. Generation P).*

Взаимосвязь внешней среды и внутренней сферы персонажа проявляется в том числе в употреблении показателей субъективной модальности (см. вводно-модальное слово *видимо* в примере) и обстоятельств, отражающих динамику протекания процесса (см. аспектуальное наречие *сразу* в том же примере). **Связь ментального процесса с его объектом** проявляется в употреблении местоимений и других дейктических средств. Отметим также особую конструкцию глагол + по + существительное в дательном падеже, выражающую объект – опознавательный признак (*вспомнить по чему-то, узнать по чему-то*).

Интерпретация приведенных примеров показывает, что использование глаголов, обозначающих ментальные процессы, предполагает рефлексивность повествователя над сознанием персонажа. В подобных ситуациях события разворачиваются параллельно в двух планах: внутреннем (ментальном) и внешнем (физическом). Первый план, как уже было сказано, маркируется обычно глаголами в перфекте, второй план может быть передан видо-временными формами с разнообразными значениями, выражающими действия других субъектов. Между событиями этих планов возможны разные отношения, но всегда предполагается их сопоставление с точки зрения автора (повествователя).

Анализ материала показал, что рассматриваемая функция перфекта тесно связана с так называемыми субъективными функциями, основными

типами которых можно назвать выражение динамики позиции персонажа (от более раннего к более позднему состоянию), выражение соотношения позиции повествователя с позицией персонажа, выражение реакции персонажа на события, происходящие в окружающей среде, в том числе и действия, произведенные другими персонажами. Эти связующие, сопоставительные функции могут сочетаться с субъективно-модальной оценкой автора, например:

*Одна из бесчисленных мурок, сопровождавших ее повсюду. Она наклонилась, погладила выгнутую спинку. Кошка отзывчиво мурлыкнула. И вдруг всё **изменилось**: оказалось, что воздух вокруг нее населён.* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Помимо описанных выше, возможны **переходные случаи** между перфектными ситуациями, выражающими динамику внешних и внутренних событий.

Так, перфектный глагол может называть какой-либо этап «внутреннего» процесса в сознании персонажа, а глаголы в аористе – «внешние» процессы. Подобные фрагменты можно рассматривать как переходный случай между ситуацией, в которой глагол с перфектным значением выполняет функцию продвижения повествования с его остановкой (в плане внешних событий), и ситуацией, в которой эта словоформа выполняет функцию выражения динамики внутренних, ментальных процессов персонажа. Рассмотрим пример:

*Когда небесные огни дрогнули, а со стороны социума донёлся <...> всенародный вздох ужаса, в его сердце **возникло** одновременно два сильных чувства: обычный страх <...> и незнакомое прежде преклонение перед кем-то... (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).*

Здесь глагол *возникло*, находящийся в интерпозиции, благодаря своему лексическому значению предполагает и переход в новое состояние (от отсутствия к наличию), и некоторое более или менее продолжительное

существование результата впоследствии. Этот результат (только что возникшие чувства) в последующем фрагменте зафиксирован конструкцией с однородными подлежащими *два сильных чувства*: *обычный страх перед неожиданно надвинувшейся тьмой и незнакомое прежде преклонение перед кем-то, знающим о мире больше, чем он.*

В данном фрагменте динамика процессов, происходящих в эмоциональной сфере персонажа, подана как динамика внешних процессов (в его сердце возникли чувства = он почувствовал...): семантика глагола, употребленного в перфектном значении (*возникло*), подразумевает неактивного субъекта, поэтому сознание персонажа представлено в виде пространства, где происходят неконтролируемые процессы. Подчеркнем, что именно глагол с перфектным значением благодаря особенностям своей семантики передает отмеченные смысловые нюансы. Глаголы в значении аориста актуализируют последовательность сменяющих друг друга ситуаций, вследствие чего создается параллелизм между аористическими ситуациями внешней среды и перфектными ситуациями внутреннего пространства. Но эти ситуации находятся не в одном ряду как однородные компоненты (что можно увидеть в прогрессивно-статальной ситуации: *побежал, растолкал и замер*), а соотносятся между собой при помощи временной пропозиции (*когда...*), указывающей на сопоставление разноплановых ситуаций.

Приведем аналогичный пример, в котором ситуация динамики восприятия персонажа представлена в форме ситуации динамики внешних процессов:

Татарский отошёл к стене и стал изучать прищипленные к ней кнопками бумаги и картинки – их было множество. Сначала его внимание привлёк большой плакат с Антонио Бандерасом в голливудском шедевре «Степан Бандера»... (В. Пелевин. GenerationP).

3. Перфектные ситуации, выполняющие функцию остановки повествования.

Под функцией остановки повествования мы понимаем одну из разновидностей прорисовки фона, на котором поступательно развивается сюжет, т.е. фиксацию словоформой состояния персонажей или окружающей среды.

Судя по нашим наблюдениям, эта функция является типичной для словоформ и конструкций с чисто статальным или качественным значением: причастий, составных именных сказуемых, назывных предложений, глаголов НСВ в настоящем и прошедшем времени. Хотя словоформы с перфектным значением и не являются специализированным средством выражения остановки повествования, но эту функцию они выполняют достаточно регулярно. Для того чтобы перфектный глагол выражал остановку без компонента регресса или продвижения повествования, он должен быть употреблен в составе семантического комплекса, формирующего статальную ситуацию. Кроме того, важную роль играет сам тип перфекта. Статально-перфектное значение эксплицируется преимущественно страдательными причастиями, нередко – глаголами состояния СВ в форме прошедшего времени и деепричастиями СВ от глаголов состояния.

В типичном случае остановка повествования репрезентируется семантическим комплексом, главное место в котором занимает конструкция со страдательным причастием прошедшего времени с нулевой связкой, например:

*Татарский заметил, что к его запястьям, локтям, коленям и щиколоткам **прикреплены** небольшие диски из черной пластмассы. Такие же были и на его теле – всего Татарский насчитал четырнадцать* (В. Пелевин. GenerationP).

Остановку повествования также могут выражать конструкции со страдательным причастием и связкой в прошедшем времени, но они выступают в этой роли реже ввиду своей многозначности, см.:

*На ногах у мальчика были синие вьетнамки, и он шаркал левой ногой, потому что одна из резиновых тесемок **была порвана*** (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

Деепричастия СВ также участвуют в выражении остановки повествования, если они употреблены в стательном-перфектном значении и имеют определенное лексическое значение. Обычно такие деепричастия образованы от глаголов состояния и местоположения, как словоформа *свесив* из следующего фрагмента:

*Уходят. А на переднем плане какой-то герой, он прощается с героиней и бежит... за своей ротой, за своим местом в строю. Или не так. Стоит эшелон... вдалеке вагоны открыты, там видно солдат, они сидят в вагонах, **свесив** ноги, кто-то бежит вдоль состава, но мы не видим их лиц... это солдаты А на переднем плане – герой фильма* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно).

В этом примере ярко проявляется функция остановки повествования, так как автор рисует в воображении читателя наглядную картину. Поэтому в ССЦ использованы разные показатели статичности: глаголы НСВ в настоящем времени (*прощается, бежит* и др.), страдательное причастие с нулевой связкой (*открыты*), деепричастие СВ со стательном-перфектным значением (*свесив*).

Кроме самого глагола в перфектном значении, в реализации остановки повествования принимают участие и другие компоненты ССЦ, выражающие стательность. При этом важно отметить отсутствие в подобных контекстах актуализаторов продвижения повествования.

В семантический комплекс, выражающий остановку повествования, могут входить следующие показатели статальной ситуации: формы глаголов НСВ, именные предикаты и номинативные конструкции.

Например:

(1) *Стыло* бульонное озеро. *Лежала* праздная ложка. Достоинство всех английских королев, вместе взятых, **заморозило** Сонины лошадиные черты. – А Вы, Соня, – сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно **утрачено** (Т. Толстая. Соня).

(2) Текст **был отпечатан** на лазерном принтере, а подпись была синим факсимильным отпечатком (В. Пелевин. Generation P).

В примере (1) статальная ситуация выражена прошедшим временем глагола СВ *заморозило* со значением приведения объекта в определенное состояние. «Коллективное» ментальное состояние эксплицировано страдательным причастием с нулевой связкой *утрачено*. Статальная ситуация актуализируется глаголами НСВ в имперфектном значении *стыло*, *лежала*. В примере (2) словоформа с перфектным значением *был отпечатан* сопряжена с глагольной связкой НСВ в составном именном сказуемом *была отпечатком*, репрезентирующим статальную ситуацию.

Анализ материала свидетельствует, что в функции остановки повествования регулярно употребляются глаголы состояния, местоположения и перехода в состояние. Проиллюстрируем сказанное примерами:

*Незнакомые места. Вечереет. Светлый воздух весь **ушел** вверх и **повис** над домами, темный – **встал** в подворотнях, в подъездах, в пределах улиц (Т. Толстая. Любишь – не любишь).*

*Продираемся сквозь толпу назад, папа с абажуром, еще темным, молчаливым, но уже принятым в семью: теперь он наш, он свой, мы его любим. И он **замер**, ждет: куда-то его несут? (Т. Толстая. Любишь – не любишь).*

Столкнулся в том лифте с Лёшкой Мусиным. Не узнал! Хотя колер все тот же – серый, но какой респектабельный оттенок! Костюм темно-серый сидит как влитой... Только вот кроткая улыбка куда-то подевалась и голос стал регистром ниже... (Д. Рубина. На Верхней Масловке).

В последнем примере хорошо видно, как распределяются функции нескольких словоформ в перфектном значении. Здесь глагол с ментальным значением (*не узнал*) выражает реакцию персонажа на наблюдаемые им происходящие изменения, в то время как другие словоформы в перфектном значении выражают сами эти изменения в окружающей среде (*подевалась, стал ниже*).

2.5. Словоформы с перфектным значением в функции переключения субъективно-модальных планов повествования

В силу семантической синкретичности словоформы с перфектным значением принимают участие в выражении субъектной стороны речи. Общая информация о выполнении перфектом функции переключения субъективно-модальных планов повествования представлена в табл. 4.

Последовательно рассмотрим выявленные подфункции.

1. Сопоставление позиций персонажей.

Обычно эта функция реализуется в **диалогической** речи, так как именно в диалоге актуализируется дейктический центр высказывания. На этом основании можно говорить о первичном дейксисе и прямом взаимодействии позиций собеседников. Однако при наличии дополнительных средств контекста данная функция перфекта проявляется и в других формах речи.

**Репрезентация субъективно-модальной функции
словоформ с перфектным значением**

Подфункция	Семантическая разновидность перфекта	Средства выражения перфектности	Контекстные актуализаторы перфектного значения
<p>Сопоставление позиций разных субъектов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – персонажей; – автора / повествователя и персонажа; – персонажа и общепринятой точки зрения 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Экспериментальный (результативно-фактический) 2. Статально-акциональный 3. Акциональный 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Глаголы НСВ с результативно-фактическим значением 2. Глаголы СВ с семантикой восприятия и перехода в состояние 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повтор глагольной лексики в одной или разных формах 2. Перфектные глаголы близких ЛСГ 3. Слова разных частей речи с модальным значением 4. Дейктические средства
<p>Динамика позиции одного субъекта</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Экспериментальный (результативно-фактический) 2. Статально-акциональный 3. Акциональный 4. Плюсквамперфект 	<ol style="list-style-type: none"> 3. Краткие страдательные причастия 4. Слова категории состояния со связкой <i>стало</i> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повтор глагольной лексики в одной или разных формах 2. Перфектные глаголы близких ЛСГ 3. Слова разных частей речи с модальным значением 4. Дейктические средства 5. Аспектуальные и временные обстоятельства 6. Именная часть сказуемого 7. Сложные предложения с таксисной и причинно-следственной семантикой

В диалоге между двумя персонажами соотношение их позиций может быть выражено следующими способами:

- 1) полным повтором глагольной лексемы в одной и той же форме;
- 2) повтором одной лексемы в разных формах (настоящее время – прошедшее время с перфектным значением);
- 3) повтором одной лексемы в разных формах со сменой модальных планов;
- 4) перфектными глаголами близких лексико-семантических групп;
- 5) глаголами разных лексико-семантических групп (с разными грамматическими значениями);
- б) полным повтором словоформы с перфектным значением в репликах обеих персонажей.

В перечисленных случаях перфект выступает как одно из средств выражения **результативности** наряду с другими средствами и, как правило, не играет ведущей роли, т.е. сам по себе не привносит смыслового приращения, а лишь подтверждает некоторый результат, запрашиваемый другим участником ситуации:

– *Видел, сколько у нас этажей?*

– *Видел, – сказал Татарский.*

– *Вот то-то. Пространство для роста не ограничено* (В. Пелевин. Generatoin P).

Однако в последующих репликах за счет средств контекста достигается смысловое приращение. В частности, повторяющаяся словоформа с перфектным значением может стать базой для контраста, выраженного другими средствами. Например, контрастными могут быть объекты или локализация действия, названного глагольной словоформой. Несмотря на то что в таких случаях имеет место несоответствие точек зрения персонажей, перфект играет в этом не главную (хотя и важную)

роль. Так, в следующем примере эффект неожиданности достигается за счет разрушения фразеологизма *на лбу написано*:

– *Интересно. А как духи догадаются, что я сотрудник рекламной сферы? У меня это что, на лбу написано?*

– *Нет, сказала девушка. Это на рекламе написано, что она из вашего лба* (В. Пелевин. Generatoin P).

Благодаря второй реплике, в которой семантически обновляется фразеологизм *на лбу написано*, причастие *написано* получает полноценное перфектное значение, а оценка всей ситуации меняется на противоположную именно за счет контрастных обстоятельств места.

В подобных случаях глагольная словоформа может употребляться и с отрицательной частицей *не*:

– *Ты **не видела** где-нибудь здесь Лисенка?* – спросил Лохмач.

– *Добрый день, – отозвалась Выдра. Нет, **не видела**. Вот учу своих малышей ходить по суше. А вы своих учите плавать!* (Б. Априлов Приключения Лисенка).

Другие комбинации соотносящихся друг с другом словоформ в репликах разных персонажей интереснее для нас с точки зрения роли перфекта, так как словоформа с перфектным значением оказывается противопоставленной другим словоформам по какому-либо признаку. Следовательно, она играет более важную роль, будучи соотнесенной с другими словоформами, чем при абсолютном повторе.

При повторе одной лексемы в разных формах типично сочетание настоящее время + ПСВ в перфектном значении. Вот как это выглядит в тесте:

– *Чего это ты в сапогах ходишь?* – спросил он. *Жарко ведь.*

– *В образ вхожу,* – ответил Максим.

– *В какой?*

– *Гаева. Мы «Вишневый сад» ставим.*

– Ну и как, **вошел**?

– Почти. Только не всё еще с кульминацией ясно. Я ее до конца пока не увидел (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

Как видим, в реплике одного из персонажей глагольная лексема представлена формой настоящего времени и выражает процесс (*вхожу*), а в ответе другого персонажа глагол ПСВ с перфектным значением выражает результат этого процесса (*вошел*). При этом наблюдается контраст действия и состояния, поскольку перфектное значение имеет компонент стательности. В словосочетании *вошел в образ* (= «нахожусь в образе») эксплицируется стательно-перфектное значение, а в словосочетании *вхожу в образ* – сам процесс внутренней трансформации персонажа.

Кроме контраста по темпоральному и аспектуальному признакам, в подобных ситуациях может выражаться смена модальных планов. Например:

– Эй, ты слышал, что сейчас передали?

– Да, – отозвался Никита. – А что?

– И тебя ничего не удивило?

– Нет.

– Ну ты даешь, – засмеялся Максим. – Ты правда, что ли, ничего **не заметил**?

– А что я должен был заметить?

– Про пятилетку. Ведь пятилеток нет больше.

– Пятилеток нет, – сказал Никита. – Но пятилетний план остался.

– А-а! – понял Максим (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

В этом отрывке мы видим повторение одной лексемы со сменой модальных планов. Глагол восприятия с перфектным значением *не заметил* противопоставлен составному предикату с модальным значением долженствования *должен был заметить*. Контраст модальных планов

отражает столкновение разных представлений, разных картин восприятия персонажами ситуации. Для обоих собеседников позиция другого оказывается удивительной, неожиданной (Максим ожидал, что Никита будет удивлен, а Никита не предполагал, что в его поле зрения есть что-то удивительное).

Аналогичная модель реализуется в следующем диалоге:

– *Наташа, я вас **не обидел**? – спросил Сэм.*

– *Чем? – удивилась Наташа.*

– *Этим третьим миром.*

– *Что вы, Сэм. Просто мне в детстве нагадали, чтобы я боялась римской цифры «три». Но я ее нисколько не боюсь. А **обижаться** мне **никакого резона нет** (В. Пелевин. Жизнь насекомых).*

Здесь пара соотносящихся друг с другом словоформ представлена глаголом СВ в перфектном значении с отрицанием *не обидел* и модальной конструкцией с инфинитивом *обижаться резона нет*. В подобных случаях контраст грамматических форм выражает противопоставление результата и фона, на котором должен проявиться этот результат, причем фон носит модальный характер и обосновывает результат, о котором спрашивает один из участников диалога.

Итак, в каждой из подобных ситуаций ожидания одного участника противопоставлены реакции другого, и это несоответствие зафиксировано грамматически.

Другим вариантом взаимодействия словоформ с участием перфекта является употребление глаголов различных лексико-семантических групп, один из которых имеет перфектное значение, а другой не перфектное. Приведем пример:

– *В центре мира находится двухъярусная кормушка-поилка, вокруг которой издавна существует наша цивилизация. Положение члена*

социума относительно кормушки-поилки определяется его общественной значимостью и заслугами...

– Вот этого я раньше не слышал, – перебил Затворник. – Что это такое – заслуги? И общественная значимость? (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).

В данном случае наблюдается не только контраст различных персональных планов, но и противопоставление «результативного» восприятия и состояния. Глаголы в настоящем времени, которые употребляет Шестипалый для определения свойств окружающего мира (*находится, существует, определяется*), выражают его постоянные характеристики (так было издавна и так есть на момент речи), принятые в данном сообществе (они представляют собой точку зрения всего социума, выразителем которой является данный персонаж). А глагол в экспериенциально-перфектном значении *не слышал* выражает, напротив, личный опыт второго персонажа, Затворника, и это соотнесение общепринятого мнения с личным опытом, фиксация отсутствия в предыдущем опыте подобной информации выражается данной глагольной словоформой вместе с дейктиком – указательным местоимением с указательной частицей *вот этого*. В подобных контекстах связь субъективных планов повествования выражается именно актуализацией дейктического центра.

В проанализированном материале зафиксированы также случаи совмещения разных взаимодействующих словоформ – форм одной лексемы и слов близких лексико-семантических групп. Например:

– *Дедушку, между прочим, звали Мануэль, – продолжала она (Мануэла). – Как и меня, и брата. Это родовое имя. В детстве я спрашивала: «А куда же **делся** дон Саккариас»? И дедушка всегда говорил: «Настанет день, он вернется. Он когда-нибудь явится».*

Она улыбнулась, чуть наклонившись к нему:

– *И вот вы **явились**...*

– *Боюсь, ненадолго, – отозвался он, завершая набросок. – Мне уже сегодня пора уезжать...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Этот пример иллюстрирует некоторые из выявленных нами комбинаций: формы разного времени одной глагольной лексемы (*явится – явились*); глаголы с однотипным грамматическим значением (перфект), антонимичные друг другу в данном контексте (*делся – явились*); конструкция с модальным значением долженствования, противопоставленная глаголу в перфектном значении, выражающему наглядный результат (*явились – пора уезжать*).

Далее покажем, как сопоставление позиций персонажей реализуется в **косвенной речи**:

*Виталий звонил последний раз на прошлой неделе, спрашивал о Тане, я сказал, что она в Ленинграде, собирается скоро приехать, но адреса своего она мне **не сообщила*** (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

*Завтра идем играть против пацанов из другого двора. Отец приходил. Сказал, что я сам виноват в том, что **случилось** первого апреля* (А. Геласимов. Нежный возраст).

Рассматриваемая функция перфекта может проявиться также в контексте, **совмещающем диалог с внутренней речью персонажа**. Например:

– *Да что вы!* – огорчился толстяк. – *А вы **пробовали** «Золотой ус»?*
Моя жена очень хвалит.

– *Чего только **не пробовал**, не будем об этом. Вы прямо вчера и приехали?*

– *Конечно! Как только вы сказали, что сегодня улетаете, я немедленно заказал номер, и как тот тенор в опере – «чуть свет у ваших ног»! Где это он такую оперу слышал, интересно. Может, в своем*

Челябинске? Нет, милый, не дай тебе бог лежать у моих ног (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

В последнем примере в репликах героев употреблен один и тот же глагол с экспериенциально-перфектным значением (*пробовали* – *чего только не пробовал*). Очевидно, что спрашивающий интересуется конкретным объектом, а отвечающий встраивает его в ряд подобных объектов (*чего только...*), тем самым смещая акцент с описания эффекта от конкретного снадобья на результат (точнее, его отсутствие). Более того, важность первой темы для говорящего снижена по сравнению с важностью второй темой. После диалога следует речевая рефлексия главного героя над словами собеседника, в репрезентации которой участвует глагол в экспериенциально-перфектном значении *слышал*. Как видим, в случае актуализации экспериенциальной разновидности перфекта дейктические показатели приобретают особую важность.

2. Сопоставление позиций автора / повествователя и персонажа.

В данной функции глагольная словоформа в перфектном значении выступает, как правило, при смене диалога повествованием, содержащим авторский комментарий позиции героя. Например:

– *А что такое ручей?* – *поинтересовался Лисенок.*

– *Ручей – это место, где течет вода.*

– *А что такое вода?*

– *Вода – это то, что течет.*

– *Ага, понял!*

На самом-то деле Лисенок ничего не понял, потому что был еще совсем маленьким... (Б. Априлов. Приключения Лисенка).

Это типичный пример употребления одного и того же перфектного глагола в отрицательной и утвердительной форме, когда отрицание выражает авторскую позицию, противопоставленную позиции героя. В то же время обстоятельство с семантикой достоверности *на самом-то деле*

репрезентирует эту позицию как истинную, причем истинность авторской позиции распространяется и на придаточное причины *потому что был еще совсем маленьким...* В результате создается эффект обманутого ожидания, поскольку в контексте всей ситуации утверждение рассказчика о причине непонимания Лисенка кажется читателю лишь в какой-то мере истинным. Как видим, в обобщающем перфекте сконцентрированы позиции героя, автора и читателя. Позиция читателя подключается за счет того, что высказывание, содержащее глагол *не понял*, возвращает к предыдущему фрагменту, и мы сами устанавливаем причинно-следственные связи и сопоставляем наш вариант интерпретации смысла ситуации с вариантом, предложенным рассказчиком.

В заключение отметим, что авторский комментарий, представляющий собой своеобразную модальную рамку ситуации, может относиться не только к диалогу, но и к описанию действий персонажей. Например:

Дед Чудодей был очень мудрый, и поговаривали, что он понимает язык птиц и зверей и часто в лесу беседует с ними. Правда, никто этого не видел. Но, наверное, не зря его все-таки назвали Чудодеем (В. Нестайко. В стране солнечных зайчиков).

В других случаях автор не комментирует действия персонажей, а обращается к читателям, предвывая их реакцию, например:

*Может быть, вы скажете, что **не видели** их? О, так вы, наверное, забыли, что они (солнечные зайчики – Е.Д.) очень скромные! (В. Нестайко. В стране солнечных зайчиков).*

3. Сопоставление позиции персонажа и общепринятой точки зрения.

Проведенный анализ показывает, что позиция персонажа может сопоставляться не только с позицией автора / повествователя, но и с общепринятой точкой зрения.

Вот как это выглядит в тексте:

Цари тоже были смешны: про них даже не было толком известно, люди они или ошибка переписчика глиняных табличек, и след от них остался только на этих самых табличках. Татарский, во всяком случае, никогда раньше про них не слышал... (В.Пелевин. Generation P).

Как видим, отрицательная форма глагола НСВ *не слышал* с перфектным (результативно-фактическим) значением завершает и обобщает ССЦ. В предшествующем предложении употреблены другие формы и конструкции, между которыми устанавливаются причинно-следственные отношения. *Не было известно* – составное именное сказуемое со значением ментального состояния, входящее в семантическое согласование с перфектом *не слышал*. Перфектный глагол с «накопительным» значением выступает здесь как обоснование состояния неизвестности через отсутствие опыта (о царях не было известно постольку, поскольку Татарский ничего о них не слышал), делая безличную информацию субъективной (при этом оговаривается, что возможны и другие варианты – *во всяком случае*). Перфектный глагол с отрицанием приводит личный опыт говорящего, основанный на восприятии, в соответствие с общепринятым знанием (данным априори как статичное качество *были смешны* или состояние *не было известно*). Другой глагол в перфектном значении (*остался*) фиксирует именно вещественное, фактическое доказательство существования древних царей, которого, однако, для героя оказывается недостаточно, и он, присоединяя к этому ограниченно-положительному опыту (*остался только на этих самых табличках*) свой отрицательный (*не слышал*), делает вывод об их нереальности.

Из анализа приведенного примера ясно, что, кроме установления соответствия между позициями разных субъектов, отрицательный перфект также выполняет функцию связи физической и ментальной сфер: глагол *не*

слышал входит в семантическое согласование с глаголом *остался* по компоненту физической воспринимаемости, а с именным предикатом (глагол-связка в имперфекте + слово категории состояния *было известно*) по семе знания. Таким образом, в конце ССЦ глагол в перфектном значении выполняет обобщающую функцию.

4. Динамика позиции одного субъекта.

В ряде случаев сопоставление разных субъективных планов повествования представлено в виде сопоставления этапов развития позиции одного и того же субъекта (автора или персонажа). Поскольку изменение позиции субъекта всегда происходит во времени, здесь – наряду с персональным планом – важную роль играет выражение разных темпоральных планов. Обычно такое сопоставление эксплицируется глаголами восприятия СВ и НСВ в перфектном значении и поддерживается темпоральными и аспектуальными обстоятельствами, а также дейктическими местоимениями.

Проиллюстрируем сказанное примерами:

И когда три года назад летним днем, напрямиком от больного отца, молодой Корытин приехал на хутор, то у конторы колхозного правления встретил его именно Ваня. Этого рыжего мальчишку Корытин и прежде видел, но мельком. Волосы не стрижены, закрывают лоб; одет в заношенные до блеска спортивные брюки... (Б. Екимов. Пиночет).

Женщина из крайнего от леса подворья ... увидела и словно остолбенела в удивлении, вглядываясь в них, неожиданных пришельцев из леса. Гусаков уже знал эту глупую крестьянскую привычку, от которой всегда ощущал неловкость (В. Быков. Болото).

Помимо сопоставления разных по времени вариантов позиции говорящего, в нашем материале зафиксировано сопоставление реальной ситуации и некоторого воображаемого события, конструируемого в сознании говорящего. В подобных случаях всегда присутствуют

показатели ирреальной модальности типа сравнительных союзов *словно*, *будто*, *точно*. Например:

*Мальчик устал, как в далеком младенческом видении, словно по этой дорожке шел с матерью и отцом, искал лопатку и не мог найти. Точно все это когда-то уже было, и он **видел** раньше просторную радостную местность, гнувшиеся от изредка набегавшего ветерка тяжелые колосья...* (А. Варламов. Купавна).

Иногда используется намеренное искажение воспринимаемой говорящим ситуации, см.:

«А что везете?» – спросил я, притормаживая. Капитан отвернулся, словно не слышал вопроса, и взялся за ручку (А. Волос. Недвижимость).

В описываемой ситуации могут быть представлены два ментальных процесса: более ранний (предположение, гипотеза, идея) и более поздний (установление объективной картины, прояснение положения дел, вывод). В этом случае используются два глагола ментального восприятия в перфектном значении, например *выяснилось* и *вспомнился* в следующем примере:

*Старик скривился да как зашипит, как кулачками затрясет и принялся поносить их... **Выяснилось**, что это тот самый продавец, который Зубру безо всякого повода **вспомнился** перед выездом* (Д. Гранин. Зубр).

Судя по нашему материалу, фиксация этапов формирования позиции говорящего, относящихся к разным темпоральным планам, может сочетаться с изменениями модального плана, выраженными различными средствами передачи ирреальности, недостоверности сообщаемого (прежде всего, вводно-модальными словами). Например:

За последние дни Шестипалый наслушался от него такого, что в душе у него все время что-то поскрипывало и ухало, а былая жизнь в

*социуме казалась забавной фантазией (а, может, пошлым кошмаром – точно он еще **не решил**)* (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).

В приведенном фрагменте представлена ситуация неопределенности, которая репрезентируется глаголом в перфектном значении с отрицанием *не решил*. В раскрывающей части ССЦ употреблен второй глагол с перфектным значением (в утвердительной форме) *наслушался*. Этот глагол относится к накопительному способу действия и выражает причину состояния растерянности из-за избытка новой информации, в котором оказался герой. Кроме того, здесь использованы составные именные сказуемые с имперфектной связкой, которые (в отличие от предыдущего примера) как раз отражают субъективное состояние героя: *былая жизнь казалась забавной фантазией* или *пошлым кошмаром*. Ирреальность, иллюзорность прошлого опыта героя, выраженная глаголом *казалась* и вводно-модальным словом с семантикой неуверенности *может*, усиливается неопределенностью, вносимой глаголом *не решил*. Таким образом, обобщающая функция перфекта в этом случае реализуется как фиксация неопределенности.

В заключение отметим, что динамика позиции говорящего может быть выражена не только в повествовании, но и в диалоге – в репликах одного из собеседников. См.:

– *Такого я действительно никогда не видел. Они, видимо, очень набожны. Во всяком случае, они **видели**, как ты общаешься с богами, и теперь считают тебя мессией, а меня – твоим учеником или чем-то вроде этого.*

– *Ну и что теперь будет? Чего они хотят?*

– *Зовут к себе. Говорят, какая-то стезя **выпрямлена**, что-то **увито** и так далее. И, главное, все как в их книгах. Я ничего **не понял**, но думаю, пойти стоит* (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый).

Обобщая сказанное в данной главе, подчеркнем, что регулярная повторяемость описанных функций перфекта в художественных текстах, относящихся к разным стилевым течениям современной русской литературы, позволяет предположить, что выявленные закономерности – в силу действия закона о семантических константах (универсалиях) [см.: Вежбицкая 1999; Кашкин 1991; Красухин 2004; Маслов 2004 и др.] – должны проявляться в других языках. С учетом идеи функциональной универсальности перфекта мы полагаем, что русские словоформы с перфектным значением могут служить адекватным средством перевода иностранного художественного текста на русский язык. Для проверки этого предположения обратимся к анализу перфектных словоформ, функционирующих в оригинальном тексте на итальянском языке и его русском переводе (см. гл. 4).

Выводы

1. Словоформы с перфектным значением выполняют сложный комплекс текстовых функций. Основными функциями перфекта, зафиксированными в современных художественных текстах на русском языке, являются: 1) функция когезии, обеспечивающая линейное развертывание текста в направлении проспекции и ретроспекции изложения; 2) сюжетно-событийная функция, обеспечивающая прогресс, регресс и остановку изложения; 3) субъективно-модальная функция, обеспечивающая экспликацию позиций автора / повествователя и персонажей.

2. Словоформы с перфектным значением реализуют свои текстовые функции в соответствии с параметрами перфектной ситуации, в состав которой, помимо ядерной граммы с перфектным значением, входят разноуровневые языковые средства, актуализирующие перфектность в конкретном контексте. Способность перфекта выполнять текстовые функции зависит также от расположения словоформы в ССЦ, ее взаимодействия с другими предикатами, количества репрезентаций и принадлежности перфектного глагола к определенной лексико-семантической группе.

3. Особое место среди словоформ с перфектным значением занимают глаголы, относящиеся к лексико-семантическим группам восприятия (как в физической, так и в ментальной сфере). Текстовые функции этих глаголов связаны с вводом и последующей интерпретацией информации, которую необходимо уточнить, подтвердить или опровергнуть.

4. Объемный набор текстовых функций выполняет перфектный глагол с отрицанием, посредством которого, с одной стороны, фиксируется несоответствие точек зрения разных субъектов, с другой – «запускается»

механизм дальнейшего развертывания текста для разрешения этого несоответствия.

5. Текстовые функции конкретной словоформы с перфектным значением также зависят от типа речи, в котором она употреблена. Так, для сопоставления позиций разных субъектов более приспособлена диалогическая речь, а для выражения динамики позиции одного субъекта – повествование.

6. Выражение в художественном тексте различных персональных позиций неотделимо от соотношения темпоральных и модальных планов изложения. Поэтому важными компонентами контекста, влияющими на реализацию перфектной словоформой текстовых функций, являются актуализаторы дейксиса и модальности. В ходе исследования установлены следующие частные закономерности:

– глаголы прошедшего времени НСВ, имеющие результативно-фактическое значение, выражают, как правило, субъективно значимый факт, информацию, отобранную и «отфильтрованную» воспринимающим сознанием, поэтому лично значимую;

– глаголы прошедшего времени СВ репрезентируют результат активного ментального действия, связанного с обработкой информации;

– страдательные причастия фиксируют какое-либо состояние безотносительно к степени осознанности его причин, поэтому в ряде случаев они употребляются для обозначения действий и состояний, не осмысленных говорящим на данный момент.

Глава 3. Способы перевода на русский язык итальянских глагольных форм с перфектным значением

В данной главе представлен сопоставительно-типологический анализ русских и итальянских словоформ с перфектным значением, а также описаны выявленные нами способы перевода на русский язык итальянских перфектных форм. Материалом исследования послужил роман в форме театрального монолога современного итальянского писателя Алессандро Барикко «Новеченто» в переводе на русский язык Наталии Оресиной¹.

В итальянском языке перфектное значение выражается формами аналитического времени *passato prossimo* и *trapassato prossimo*, которые состоят из глагола-связки *иметь* или *быть* в настоящем или прошедшем времени и причастия прошедшего времени [Ласорса 1998]. Мы исходим из предположения, что, несмотря на отсутствие в современном русском языке специальной формы, все оттенки перфекта могут быть адекватно выражены при переводе итальянского текста на русский язык.

Учитывая грамматическую специфику итальянских перфектных форм, представим результаты проведенного анализа в следующей последовательности:

- 1) способы перевода перфекта со связкой *иметь*;
- 2) способы перевода перфекта со связкой *быть*;
- 3) способы перевода плюсквамперфекта:
 - а) со связкой *иметь*;
 - б) со связкой *быть*.

¹ Baricco A. Novecento (1900). Giangiacomo Feltrinelli Editore Milano, 1994. 84 p.; Барикко А. Новеченто (1900-й. Легенда о пианисте). М.: Азбука, 2001. 70 с.

3.1. Способы перевода на русский язык перфекта со связкой *imеть* (*avere*)

Перфектные формы со связкой *avere* (*иметь*) могут быть переведены на русский язык лексико-грамматическим и лексическим перфектом.

1. Лексико-грамматический перфект как способ перевода итальянского перфекта со связкой *imеть* (*avere*).

Основным и самым распространенным способом перевода *passato prossimo* со связкой *avere* на русский язык является форма глагола прошедшего времени совершенного вида (ПСВ) с перфектным значением, которую мы называем лексико-грамматическим перфектом. Например:

(1) Ты **нашел** (*hai trovato*) его во вторник, назови его вторником; Он только что **обнаружил** (*ha appena trovato*), что ребенок, считавшийся погибшим, не только жив, но и даже **научился** (*ha imparato*) на пианино; Мне об этом **рассказал** (*ha imparato*) ...Новеченто; **Отдали на произвол судьбы** (*gli hanno dato il giro al tavolo*).

Пример показывает, что в выражении перфектного значения участвуют различные контекстные средства, роль которых может варьироваться от передачи дополнительных оттенков семантики (при глагольной словоформе, самой по себе выражающей перфектное значение) до актуализации перфектного значения «нейтральной» словоформы ПСВ. Приведем для сравнения еще два фрагмента.

(2) Когда кто-то рассказывает тебе с абсолютной точностью, какой запах на Бертэм Стрит, летом, когда только что **прошел** (*appena e` piovuto*) дождь, ты не можешь думать, что он сумасшедший только из-за глупого рассуждения, что он никогда не был (*non e` mai stato*) на Бертэм Стрит...

В данном случае перфектное значение глагола *прошел* актуализируется следующими контекстными средствами: аспектуальным

наречием *только что*, существительным с перцептивной семантикой *запах*, «встроенностью» глагольной словоформы во временной план настоящего (синтаксическое настоящее время выражено нулевой связкой в предикативной единице *какой запах на Бертэм Стрит*), наличием «именного актуализатора» (предикативная единица с составным именным сказуемым, сопряженная с глагольной формой ПСВ в одном высказывании).

Как видим, контекстные средства актуализируют состояние, наступившее в результате действия. Поскольку весь фрагмент выражает взгляд на действие из последующего состояния и более позднего временного плана, мы воспринимаем глагол *прошел* как перфектный, несмотря на его лексико-словообразовательные характеристики (словообразовательная модель *про-* + глагол движения обычно не выражает перфектного значения, так как обозначает действие, ограниченное с двух сторон, которое можно представить как отрезок на временной оси). Частное значение словоформы ПСВ здесь неопределимо вне контекста, поэтому вся смысловая нагрузка по выражению перфектности ложится на актуализаторы, которые задают статочно-квалитативную категориальную ситуацию. Вследствие этого действие воспринимается как причина состояния.

Приведем для сопоставления другой фрагмент:

(3) «*Ты **нашел** (*hai trovato*) его во вторник, назови его вторником*». Дэнни подумал немного. «Неплохая идея, Сэм. Я **нашел** его (*l'ho trovato*) в первый год этого нового века, не так ли? Я назову его Новеченто!»

В этом примере глагольная словоформа *нашел* содержит в себе как формальные (ПСВ), так и семантические признаки перфектности (сема 'достижение результата' входит в ядро лексического значения глагола). Актуализаторы перфектного значения здесь выполняют иные функции по сравнению с предыдущим фрагментом: 1) функцию противопоставления

двух временных планов с выделением более позднего как более значимого (актуализация «послеперфектной ситуации») и 2) функцию усложнения логических связей в семантической структуре высказывания (поскольку действие *нашел* представлено как причина действия *назови*, устанавливаются новые причинно-следственные связи).

Если в примере (2) выражение причинно-следственных связей необходимо для актуализации значения глагола ПСВ как перфектного, то в примере (3) акцентируется новый смысловой компонент в перфектном значении глагола, выраженном на уровне словоформы. В связи с этим можно говорить о двойственности перфектного значения: во-первых, семантика глагола *нашел* указывает на достижение результата и изменение положения дел (от отсутствия объекта к его наличию); во-вторых, данное действие стимулирует новое действие в будущем, т.е. становится причиной для нового следствия.

Таким образом, действие, названное глаголом ПСВ, имеет два результата: результат-объект и результат-следствие. Первый реализуется на уровне словоформы за счет лексического значения глагола, переходности и использования формы ПСВ; второй – на уровне высказывания за счет контекстных актуализаторов: сопряженности с формами будущего времени (*назову*), формами повелительного наклонения (*назови*), обстоятельствами времени (*в первый год этого нового века, во вторник*).

Проведенный анализ показал, что в тексте А. Барикко намного больше ССЦ с «сильной» словоформой, выражающей перфектное значение на внутрисловном уровне. Это свидетельствует о том, что переводчик, следуя точно за оригиналом, интуитивно или осознанно выбирает для перевода на русский язык словоформу, способную выразить нужное значение. В тех случаях, когда русский глагол не выражает

перфектного значения, экспликацию последнего осуществляют контекстные средства.

2. Лексический перфект как способ перевода итальянского перфекта со связкой *imеть* (*avere*).

К этому способу перевода относятся глагольные формы, выражающие перфектность посредством лексического значения глагола или его лексико-словообразовательных особенностей, т.е. не формой ПСВ. На основе анализа материала можно выделить две разновидности лексического перфекта применительно к этой итальянской форме: 1) форму прошедшего времени глагола НСВ с перфектным значением; 2) форму будущего времени глагола СВ с перфектным значением.

Ранее мы отмечали, что перфектным значением обладает ограниченная группа переходных глаголов НСВ с семантикой восприятия типа *видел, слышал*. Дадим комментарий к примеру из переводного текста:

*В глазах людей видно то, что они увидят, а не то, что они **видели** (*hanno visto*).*

В лексическом значении глагола *видели* есть сема результативности, так как объект восприятия остается в сознании говорящего. В высказывании лексическая перфектность глагола поддерживается, подчеркивается и обыгрывается противопоставлением трех разных форм с одним и тем же корнем: кратким прилагательным *видно*, глаголом СВ в будущем времени *увидят* и глаголом ПНСВ *видели*. Так как актуализатором перфектного значения является краткое прилагательное *видно*, на первый план в семантике высказывания выдвигается наличный результат (качественный признак), в то время как глаголы с перфектным значением (*увидят* и *видели*) раскрывают причину и содержание этого состояния. Во всех трех словоформах ярко проявляется семантика результативности, и за счет сопряжения этих форм актуализируется идея связи разных временных планов: действие в прошлом *видели* и действие в

будущем *увидят* в равной мере связаны с зафиксированным состоянием *видно*. Таким образом, контекстное окружение глагольной словоформы усиливает ее перфектность.

Почему переводчик выбрал глагол НСВ? Чем словоформа *видели* в данном контексте отличается от словоформы *увидели*? Так как высказывание характеризуется нелокализованностью во времени (об этом свидетельствует обобщенный субъект *люди*), перфектное значение глагола выступает здесь в своей особой разновидности – выражения результата действия, не привязанного к конкретному моменту в прошлом (для говорящего важен результат прошедшего действия, а не его характеристика). Данную семантическую разновидность (результативно-фактический, или экспериенциальный, перфект) образуют «лексически перфектные» глаголы НСВ, прежде всего глаголы восприятия. Поскольку результативно-фактический перфект репрезентирует мыслительную операцию обобщения, обычно он употребляется в информативном и генеритивном речевых регистрах [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998].

Несмотря на незначительное количество примеров, зафиксированных в нашем материале, рассматриваемый способ перевода на русский язык итальянского перфекта заслуживает внимания. Благодаря такому переводу в русском тексте выражается специфический оттенок перфектного значения, обусловленный взаимодействием разных факторов: лексического значения результативного глагола, значения нелокализованности во времени НСВ, а также семантики контекстных средств. С учетом сказанного проведенный анализ позволяет выявить не отмеченную ранее закономерность: с одной стороны, итальянская форма *passato prossimo* может передаваться разными русскими формами, причем выбор формы НСВ зависит от лексического значения глагола. С другой стороны, русские глаголы в перфектном значении *увидел* и *видел* при

переводе на итальянский язык не различаются и переводятся одной и той же формой *ha visto*.

Форма будущего времени глагола СВ как еще одна разновидность лексического перфекта зафиксирована в тексте монолога «Новеченто» в единичных случаях. Приведем пример:

*Тебе вопьется в мозг эта фраза: он плохо кончит... (Ti verra in mente quella frase: **ha fatto la fine del topo**... – букв. Он **плохо кончил**).*

Своеобразие выражения перфектного значения здесь связано с тем, что итальянский фразеологизм *ha fatto la fine del topo* («он плохо кончил») представлен аналогичным русским фразеологизмом *плохо кончит*, при этом изменение времени глагола в русском переводе не влияет на сохранение перфектной семантики. В этом случае можно говорить о перфектном значении, абстрагированном от конкретного момента времени (как и в случае употребления форм НСВ), только здесь перфектность выражена фразеологизированной конструкцией, передающей обобщенную ситуацию. Данный способ перевода близок лексическому перфекту, так как семантика результативности сохраняется независимо от временного значения глагола.

Фразеологизм, выражающий и в итальянском, и в русском языке «застывшее» время, передает перфектную ситуацию как генерализованную, вневременную, которая может соотноситься с конкретной речевой ситуацией или перемещаться по оси повествовательного времени. Мы вновь констатируем временную нелокализованность «лексически перфектного» глагола, как и при рассмотрении глагольных форм ПНСВ.

Итак, фразеологизм с перфектным значением – в силу семантической спаянности его компонентов – можно отнести к лексическому перфекту. С учетом этого лексический перфект можно считать специализированным средством передачи перфектного значения, включающего признак

нелокализованности во времени и отражающего генерализованную ситуацию. Это доказывает, что глагольные формы в составе русских и итальянских фразеологизмов обнаруживают значительное функциональное сходство.

3.2. Способы перевода на русский язык перфекта со связкой *быть* (*essere*)

Поскольку перфект со связкой *быть* в тексте итальянского писателя представлен единичными случаями (обычно с этой связкой используется плюсквамперфект), установить закономерности перевода этой формы на русский язык вряд ли возможно. В предварительном плане сформулируем основные тенденции, которые далее будут проверены анализом способов перевода плюсквамперфекта с тем же вспомогательным глаголом.

В итальянском языке формы перфекта со связкой *essere* образуют непереходные глаголы со значением средневозвратного залога и переходные глаголы страдательного залога. На русский язык эти формы переводятся следующими способами: лексическим перфектом, глаголом *быть* в прошедшем времени с дейктическими показателями, лексико-грамматическим перфектом, словоформами с неперфектным значением. Рассмотрим названные способы подробнее.

1. Лексический перфект как способ перевода итальянского перфекта со связкой *быть* (*essere*).

Данный способ перевода на русский язык итальянского перфекта представлен бытийно-локативными глаголами НСВ, преимущественно употребляемыми с отрицательной частицей *не*. Например:

Рожденный здесь [на корабле – Е.Д.], *он с тех пор не покидал его* (*e da allora c'è rimasto*)...; *не был там* (*non ci ha messo mai piedi*); *не спускался на землю* (*non è mai sceso sulla terra*).

Употребляясь в отрицательной конструкции *NE* + НСВ, бытийно-локативные глаголы выражают специфический оттенок перфектного значения – отсутствие ожидаемого результата, который можно интерпретировать как частный случай выделенного нами ранее результативно-фактического перфекта. В предложении *Он с тех пор не покидал его* глагол обозначает суммарный результат действий за некоторый промежуток времени. В данном случае для говорящего важно отсутствие действия как факта в любой произвольно выбранной точке отрезка времени. При замене формы НСВ *не покидал* формой СВ *не покинул* потребуется расширение высказывания за счет обстоятельства *ни разу*, конкретизирующего однократность действия (*Он его с тех пор ни разу не покинул*).

По-видимому, отрицательная конструкция *NE* + НСВ, ярко выражающая идею суммарного результата действия за длительный период, выбрана переводчиком с целью сохранения интенции писателя и точной передачи смысловых акцентов. С учетом сказанного можно говорить о прагматической функции этой конструкции в русском языке и ее интерпретационных возможностях. На наш взгляд, аналогичную функцию выполняют итальянские перфектные формы в тех случаях, когда их использование не продиктовано правилами согласования времен. В частности, А. Барикко употребляет перфектную форму, чтобы подчеркнуть значимость результата действия, динамику от следствия к причине или для сопоставления разных временных планов.

2. Глагол *быть* в сочетании с дейктическими словами как способ перевода итальянского перфекта со связкой *essere*.

Особым способом перевода на русский язык итальянского перфекта со связкой *essere* является одновидовой глагол НСВ *быть*. См.:

Наверное, так было и с этим ребенком. (Con quel bambino doveva essere andata così).

В итальянском оригинале здесь употреблена форма перфекта.

Особенность этого высказывания заключается в том, что глагол *было* выражает лишь значение прошедшего времени. Значение же перфектности эксплицируется средствами контекста (в этом заключается принципиальное отличие данного способа передачи перфектного значения от лексического перфекта, который выражен на уровне словоформы). Как видим, смысловая нагрузка по передаче перфектности перекладывается с глагола на контекстное окружение, т.е. на актуализаторы перфектного значения на уровне высказывания, ССЦ и текста.

Подчеркнем, что показателем перфектного (а не общефактического) значения глагола служит местоименное наречие *так* с дейктической семантикой. Указывая на пресуппозицию и отсылая к предшествующей ситуации, оно маркирует связь между разными временными планами. Читатель понимает, что глагол *было* выражает не завершённое действие в каком-либо ряду, а действие, актуальное для более позднего времени. Как видим, здесь репрезентирована типичная перфектная ситуация.

Данный способ перевода на русский язык итальянского перфекта отличается от использования лексического перфекта выраженностью / невыраженностью перфектного значения на уровне словоформы. На наш взгляд, можно даже говорить о противопоставленности этих способов выражения перфектного значения. Однако в семантическом плане у них есть общие признаки. Перфект с глаголом *быть* в прошедшем времени, так же как и результативно-фактический перфект, выраженный формами прошедшего времени «лексически перфектных» глаголов НСВ, обозначает результат, полученный говорящим посредством ментальной операции обобщения. При этом обобщению могут подвергаться действия, происходящие за длительное время. Важно, однако, что эта форма сталкивает два принципиально разных временных плана: время событий и «авторское» время (момент речи автора). Важно и то, что функцию связи

между планами повествования выполняет, наряду с дейктическими средствами, именно глагольная форма в перфектном значении. По существу сам глагол *было* функционирует здесь как дейктическое средство: будучи информативно недостаточным, он отсылает к предшествующей ситуации (своего рода антецеденту), выполняя ретроспективную функцию и как бы «сворачивая» эту ситуацию в одну словоформу.

С нашей точки зрения, в приведенном примере реализуется оттенок перфектного значения, близкий к результативно-фактическому, потому что для говорящего важен сам факт действия. «Привязки» же к конкретному моменту времени здесь нет, о чем свидетельствует ирреальная модальность высказывания, ведь говорящий «достраивает» прошлую ситуацию в своем воображении. Вместе с тем к чистому результативно-фактическому перфекту этот способ отнести трудно из-за той же информативной недостаточности глагола, в лексическом значении которого изначально не заложена семантика результата. Глагол как бы «набирает» эту семантику из контекста, поэтому так важны распространители при глагольной словоформе (*так было; это было* и др.). С учетом сказанного очевидно, что если семантический компонент 'обобщенность' передается самим глаголом, то компонент 'результативность' – контекстными средствами.

Рассмотренную разновидность можно назвать **контекстуально-фактическим** перфектом. Как было показано, это значение выражается глаголом *быть* в прошедшем времени в сочетании с дейктическими средствами (местоименными словами).

Перфект данного типа активно участвует в текстообразовании (см. гл. 4).

3. Лексико-грамматический перфект как способ перевода итальянского перфекта со связкой *быть* (*essere*).

Этот способ перевода на русский язык итальянского перфекта со связкой *быть* представлен в основном бытийно-локативными глаголами (а также глаголами движения) СВ, которые выражают однократное результирующее действие: *остался* (*e`rimasto*), *сошли* (*sono scesi*). Например: *Он нашел его однажды утром, когда все сошли (sono scesi) с корабля.*

К лексико-грамматическому перфекту можно отнести и деепричастие СВ, так как его грамматическое значение приспособлено для передачи перфектности, см.: *И, родившись здесь, он с тех пор его не покидал...(e` nato qui`, e da allora c`e` rimasto).*

Как известно, деепричастие СВ обозначает добавочное действие, предшествующее главному действию, и зачастую выражает тонкие оттенки логической семантики. В приведенном примере деепричастный оборот в качестве полупредикативной единицы выражает и временную, и соединительную пропозиции. Иначе говоря, два действия «работают» на одну и ту же характеристику одного субъекта. Кроме того, эти два действия представлены в высказывании как две фазы одного и того же действия: деепричастие называет начало бытия и местонахождения, а глагол – продолжение и результат за некоторый временной промежуток.

4. Словоформы с неперфектным значением как способ перевода итальянского перфекта со связкой *быть* (*essere*).

Особенность этого способа заключается в том, что при переводе на русский язык теряется перфектная семантика оригинального высказывания. Так, в переводном тексте Н. Орешиной в качестве коррелятов итальянских перфектных форм использованы прилагательные *жив* и *обязан*. В связи с тем, что у этих словоформ утрачена глагольность,

от перфектной ситуации остается лишь «послеперфектный» компонент – констатация последующего состояния. Вот как это выглядит в тексте:

(1) Ты жив (*non sei fregato*) по-настоящему до тех пор, пока у тебя есть в запасе хорошая история и кто-то, кому можно ее рассказать.

(2) Никто не обязан в это верить (*nessuno e` costretto e io non ci crederei mai*).

Итальянское высказывание (2) дословно означает: «никого не заставили (точнее даже: «никто не заставлен» – пассивный перфект), и я никогда бы не поверил». Как видим, в оригинале мотивированность состояния действием эксплицируется. Ранее мы неоднократно подчеркивали, что перфект имеет синкретичное грамматическое значение и акцентироваться в нем может действие или состояние, более ранний или более поздний временной план. В отношении примера (2) можно говорить о качественном (статальном) перфекте, так как в этом высказывании актуализировано новое, «послеперфектное» состояние.

В современном русском языке слово *обязан* является именем прилагательным (по происхождению это причастие), утратившим внутреннюю форму и глагольные признаки, поэтому русский перевод передает только состояние. Итальянская же форма выражает состояние и его причину (действие над пассивным субъектом), т.е. отражает статочно-акциональную перфектную ситуацию. Как видим, при переводе итальянской глагольной словоформы русской неглагольной словоформой сохраняется значение состояния, в то время как причина его возникновения не передается.

3.3. Способы перевода на русский язык плюсквамперфекта

Формы плюсквамперфекта (давнопрошедшего времени), зафиксированные нами в тексте итальянского писателя, переводятся на русский язык следующими способами (приведены в порядке убывания частотности употребления):

- 1) лексическим перфектом (более 50 % всех форм);
- 2) лексико-грамматическим перфектом (40 % всех случаев);
- 3) грамматическим перфектом / грамматическим плюсквамперфектом – кратким причастием со связкой в настоящем / глаголом в прошедшем времени (около 5 % всех форм);
- 4) формами с неперфектным значением (единичные случаи).

Проведенный количественный анализ позволяет высказать два предположения. Во-первых, разнообразие и разнородность способов перевода на русский язык одной и той же итальянской грамматической формы свидетельствуют о многозначности этой формы. В связи с этим можно сделать предположение о наличии в итальянском языке семантических разновидностей перфекта, сопоставимых с оттенками перфектного значения, имеющимися у русских словоформ. Во-вторых, доминирующее употребление неспециализированной формы выражения перфектного значения – лексического перфекта и, наоборот, менее частотное употребление грамматикализованных форм может указывать на различные текстовые функции данных словоформ как в оригинальном, так и в переводном тексте.

Рассмотрим самые частотные способы перевода на русский язык итальянской формы *trapassato prossimo*.

1. Лексический перфект как способ перевода итальянского плюсквамперфекта (*trapassato prossimo*).

Этот способ перевода, представленный глаголами ПНСВ *видел* (*aveva visto*), *знал* (*aveva saputo*), *слышал* (*aveva ascoltato*) и др., репрезентирует особую разновидность перфектного значения – **результативно-фактический перфект**, при котором наблюдается трансформация значения давнопрошедшего времени. Действие, названное глагольной формой, предшествует не одному конкретному действию (точке на временной оси), а более или менее длительному периоду (отрезку на временной оси). То, что в исходном итальянском тексте форма плюсквамперфекта, переводимая таким способом, употребляется нестандартно (ее выбор не продиктован правилами согласования времен), позволяет выдвинуть гипотезу о наличии результативно-фактического оттенка значения у итальянского перфекта, одним из специализированных способов выражения которого является форма плюсквамперфекта.

Проиллюстрируем сказанное текстовым фрагментом:

*И за все это время нога его ни разу **не ступала** на землю (*non aveva messo mai piedi*). Он, конечно, *смотрел* (*l'aveva vista*) на нее в *портках*. Но *спускаться* (*aveva sceso*) – никогда. Дело в том, что Дэнни боялся, что его *заберут из-за документов или чего-нибудь в этом роде...**

По правилам итальянской грамматики все глаголы, употребленные здесь в давнопрошедшем времени, могли бы быть употреблены в перфекте (*passato prossimo*), так как в этом фрагменте не выражена идея предшествования одного действия другому. Все действия происходят в одном временном плане, и нет такого действия, названного глаголом в перфекте или аористе, которое являлось бы точкой отсчета для формы относительного времени (плюсквамперфекта). Состояние, выраженное формой имперфекта *боялся* (*aveva paura*), относится к тому же временному плану, что и действия, названные формами плюсквамперфекта *не ступала*

(*non aveva messo piedi*), *смотрел* (*l'aveva vista*), *спускаться* (*aveva sceso*). Значит, такое не мотивированное согласованием времен употребление давнопрошедшего времени в итальянском тексте обусловлено текстовыми функциями этой формы. Не случайно этот «несогласовательный» плюсквамперфект передается на русский язык «лексически совершенными» формами.

Формы плюсквамперфекта, переведенные таким способом, как правило, выражают не идею предшествования одного действия другому, а идею суммарного результата действий за определенный период (поэтому в тексте используется обстоятельство *за все это время*).

Рассмотрим аналогичный пример:

Конечно, другие кое-что рассказывали (avevano raccontato – плюсквамперфект) мне о нем. Они говорили странную вещь: Новеченто никогда не спускался (non e mai sceso – перфект!) на берег. И родившись здесь, с тех пор не покидал (c e rimasto – перфект) его.

В этом фрагменте употребление *passato prossimo* и *trapassato prossimo* не вполне соотносится с формальными правилами согласования времен в итальянской грамматике. Новеченто *родился* на корабле раньше, чем о нем *рассказывали*, а глагольные формы выбраны по обратному принципу: более позднее действие выражено формой плюсквамперфекта, а более раннее – формой перфекта. На наш взгляд, в контекстах такого рода реализуется ярко выраженное значение результативно-фактического перфекта – суммарный, кумулятивный результат действий за некоторый период, при этом время самого действия точно не эксплицировано.

Сказанное позволяет сделать вывод, что форма *trapassato* в итальянском тексте является морфологическим способом выражения результативно-фактического перфекта. В русском тексте это значение передается глаголами НСВ определенных лексических групп, часто с

актуализаторами обстоятельственного характера типа *все эти 4 дня, с тех пор, за это время, все это время, всегда, никогда, до сих пор*.

Выше частное значение перфекта, передаваемое глаголами НСВ, рассматривалось нами в связи с другой итальянской формой – *passato prossimo*. Однако если при переводе *passato prossimo* глаголы НСВ используются лишь в отдельных случаях, то при переводе плюсквамперфекта гораздо чаще.

Можно предположить, что расширение лексического круга глаголов, участвующих в выражении результативно-фактического перфекта при переводе форм *trapassato*, связано с влиянием самого грамматического значения исходной итальянской формы. Плюсквамперфект – это форма относительного времени, предназначенная для выражения таксисных значений и поэтому не «привязанная» к моменту речи, что снимает лексические ограничения и позволяет большему числу глаголов выражать результативно-фактическое значение. Так, при переводе плюсквамперфектных форм используются следующие лексические группы глаголов НСВ: глаголы восприятия (*видел, смотрел, замечал, слышал*), глаголы речевой деятельности (*рассказывали, говорили*), глаголы перемены местоположения (*ступала, спускаться*), бытийные глаголы (*оставался, появлялся*).

По сравнению с формами перфекта, переводимыми «лексическим» способом, наблюдается как расширение круга глагольных лексем (добавляются глаголы речи и возрастает количество разнообразных локативных глаголов), так и увеличение частотности их употребления. Эта закономерность отражает тенденцию к употреблению плюсквамперфекта именно в тех контекстах оригинального текста, в которых требуется выразить перфектное значение особой разновидности – обобщенное результирование действий за более или менее длительный временной промежуток. Соответственно, переводчик ставит перед собой задачу как

можно точнее выразить эту результативно-фактическую семантику средствами русского языка.

2. Лексико-грамматический перфект как способ перевода итальянского плюсквамперфекта (*trapassato prossimo*).

Формы русских перфектных глаголов СВ чаще всего выражают значение «стандартного» плюсквамперфекта: предшествование одного действия другому действию, произошедшему в более поздний момент в прошлом. Хотя эти формы и обозначают действие, соотнесенное с конкретной точкой отсчета (как и лексико-грамматический перфект, передающий *passato prossimo*), но в данном случае точкой отсчета является не момент речи, а момент совершения другого действия. Поэтому формы *trapassato*, переведенные названным способом, часто встречаются в предикативных единицах, зависящих от глагола в аористе (*passato remoto* – прошедшее повествовательное, означает завершенное действие в прошлом, встраиваемое в линейную последовательность действий на однонаправленной оси времени). Например:

И внутри у него что-то щелкнуло (scatto` – аорист), что-то похожее на ощущение, что он стал (era diventato – плюсквамперфект) отцом...

Во всех случаях употребления в оригинальном тексте формы плюсквамперфекта, подобных приведенному примеру, точкой отсчета является действие в прошлом, произошедшее в конкретный момент времени.

Выводы

1. Основным способом перевода на русский язык итальянского перфекта со связкой *иметь* является глагол СВ в прошедшем времени. Перфектное значение может выражаться как на уровне словоформы, так и на уровне высказывания и/или ССЦ при участии контекстных актуализаторов. Дополнительным средством перевода выступает лексический перфект, представленный переходными глаголами восприятия НСВ.

2. Основным способом перевода на русский язык итальянского перфекта со связкой *быть* является лексический перфект. Обычно при переводе используется конструкция *НЕ* + бытийно-локативный глагол НСВ, которая выражает значимое отсутствие ожидаемого результата или отсутствие действия за определенный период. Дополнительным средством перевода выступают словоформы с неперфектным значением (обычно краткие прилагательные). Последнее свидетельствует о том, что в ряде случаев смысловое тождество между оригинальным и переводным текстами может отсутствовать.

3. На перевод итальянского плюсквамперфекта оказывают влияние грамматическое и лексическое значение глагола, а также его контекстное окружение. Ведущим фактором является наличие в семантике итальянского глагола результативно-фактического оттенка значения, что объясняет стандартный выбор переводчиком русского глагола НСВ с перфектным значением.

4. Семантическая корреляция языковых единиц, выражающих перфектное значение в оригинальном и переводном текстах, обеспечивается главным образом совпадением лексического значения глаголов (наличием семы результативности), а также использованием контекстных актуализаторов перфектной семантики (прежде всего обстоятельств времени).

Глава 4. Текстовые функции итальянских глагольных форм с перфектным значением в сопоставлении с русским переводом

Как было показано в гл. 2 применительно к художественным текстам на русском языке, глагольные словоформы с перфектным значением осуществляют:

1) связь целостных текстовых фрагментов в рамках реализации категории когезии (в частности, обеспечивают проспекцию и ретроспекцию изложения);

2) связь между темпоральными планами произведения, оказывая влияние на его сюжетно-событийную сторону;

3) связь между различными субъективно-модальными планами текста.

В этой главе кратко рассмотрим функции перфектных форм итальянского глагола в оригинальном тексте в сопоставлении с русским переводом.

Сопоставительный анализ показал, что итальянский перфект – аналогично русским словоформам с перфектным значением – выполняет функцию **когезии**. Подчеркнем, что перфектный глагол репрезентирует когезию, если он целостно (одной словоформой) выражает ситуацию, раскрывающуюся в контексте, окружающем данную словоформу, другими средствами. Проиллюстрируем сказанное примером из текста А. Барикко:

*Мне об этом **рассказал** Новеченто, величайший пианист, когда-либо игравший в океане. В глазах людей видно то, что они увидят, а не то, что они видели...*

В итальянском оригинале этого фрагмента и его русском переводе глагол с перфектным значением *рассказал* / *ha insegnato* в **содержательном** плане маркирует **регрессивную направленность изложения**, так как отсылает читателя к событиям, происходившим

задолго до момента речи. Вместе с тем в плане **линейного развертывания текста** этот глагол выполняет **перспективную** функцию, предвосхищая дальнейшее раскрытие содержания ситуации.

Как говорилось в гл. 2, мы разграничиваем перспективный (триггерный) перфект, отсылающий читателя к правому контексту; ретроспективный (обобщающий) перфект, отсылающий к левому контексту; концентрический перфект, выполняющий ретроспективно-перспективную функцию. Поскольку художественная идея произведения выражается в рефлексии рассказчика над событиями прошлого, в монологе «Новеченто» преобладают **ретроспективный** и **концентрический** типы перфекта. В ходе анализа также установлено, что значимые текстовые функции в этом произведении выполняют как единичные формы перфекта, так и группы таких форм, употребленных в одном ССЦ.

Конкретизируем сказанное в дальнейшем изложении.

4.1. Функционирование единичных форм с перфектным значением в итальянском тексте и его русском переводе

Концентрический перфект, обеспечивающий связь предшествующего и последующего фрагментов текста и совмещающий функции перспективы и ретроспекции изложения, является наиболее характерной разновидностью единичной перфектной формы в тексте итальянского писателя. Покажем это на примере:

А ты играл, играл свое счастье на клавишах этих, что не бесконечны. И так я узнал. Земля – корабль, слишком большой для меня. И дорога слишком длинна. Женщина слишком красива. И аромат слишком резкий. Музыку эту играть не под силу. Простите. Я не сойду на берег.

E tu suonavi, suonavi la tua felicità su questa tastiera, che non è infinita. Io ho imparato così. La terra è una nave troppo grande per me. E` una

strada troppo lunga. Una donna troppo bella. E un profumo troppo forte. Questa musica non la posso suonare. Scusatemi, ma io non scenderò`.

Как видим, функцию концентрического перфекта здесь выполняет глагол *узнал*. Соотнесенность высказывания, содержащего данную словоформу, с предыдущим высказыванием (ретроспективная функция) фиксируется местоименным наречием *так (così)*. Проспективная функция перфектного глагола заключается в реализации его синтаксической валентности (несмотря на парцелляцию), поскольку все последующие предикативные единицы раскрывают содержание ментального действия *узнал* через вербализацию объектов этого действия. Глагол *узнал (ho imparato)* – единственный перфект в данном контексте – находится в окружении ярких актуализаторов перфектного значения: глагола повелительного наклонения (*prostate / scusatemi*), глагола будущего времени (*ne scòdu / non scenderò`*), конструкций, выражающих пропозицию характеристики с «именными актуализаторами» [Бондарко 1971]. Последние в русском переводе выражены составными именными сказуемыми с нулевой связкой (*длинна, красива, большой, резкий*), в итальянском тексте – сказуемыми со связкой-глаголом *essere (быть)* в настоящем времени (*e` lunga, e` grande, e` forte*).

Перфектная ситуация, раскрывающаяся в этом контексте, соединяет два повествовательных плана: **событийно-фактический**, фиксирующий определенные действия субъекта, производимые им в прошлом в определенное время (*играл, узнал*), и **актуально-текущий**, раскрывающий «состояние дел», представленное на данный момент как вневременное знание (*Дорога слишком длинна, аромат слишком резкий* и т.п.).

Контекстуально-семантический анализ позволяет говорить о совмещении в ССЦ разных категориальных ситуаций – акциональной и квалитативной. Сам перфектный глагол относится к событийному плану, т.е. акциональной ситуации, в то время как предикативные единицы,

раскрывающие его семантико-синтаксическую валентность, вводят качественную ситуацию. В результате перфект связывает противопоставленные категориальные ситуации, тем самым выражая противопоставление предыдущего опыта говорящего (*ты играл... на клавишах этих, что не бесконечны*) знанию, полученному в результате его осмысления (*и так я узнал...*).

Обратим внимание на то, что сначала рассказчик обращается к себе на «ты», затем употребляет местоимение «я». Таким образом он противопоставляет самого себя как субъекта некоторого действия, привычного ему, строго определенного, самому себе как субъекту активного ментального действия, осмысливающему личный опыт и принимающему решение: *Простите. Я не сойду на берег*. Как видим, форма перфекта в итальянском тексте и аналогичная ей форма глагола ПСВ с перфектным значением в русском переводе выполняют одновременно две функции – функцию **обобщения предшествующего фрагмента** и функцию **ввода последующего фрагмента**.

Мы намеренно привели пример практически дословного перевода, в котором сохранены и грамматические признаки словоформ, и исходный порядок слов, чтобы показать характерную для текста итальянского писателя композиционную особенность, которая полностью сохраняется в русском переводе. В гл. 2 было показано, что в оригинальных текстах на русском языке единичный перфект внутри ССЦ далеко не всегда выполняет функцию когезии. В оригинальном итальянском тексте и его русском переводе «внутренний» перфект в концентрической функции встречается значительно чаще.

Для итальянского оригинала и его русского перевода типична реализация концентрическим перфектом ретроспективной функции посредством **дейктических показателей** (в данном случае дейктиком является местоименное наречие *так*). Контекстные средства в монологе

«Новеченто», мотивируя употребление перфектной формы, обычно эксплицируют движение мысли говорящего от результата к предшествующему действию.

Однако не всегда одна и та же словоформа выполняет тождественные функции в оригинальном и переводном текстах. Как правило, это обусловлено нетождественностью грамматического значения самой словоформы. Как было показано в гл. 3, для перевода итальянского перфекта на русский язык нередко используются формы с неперфектным значением. В таких случаях переводчик решает задачу сохранения линейной и смысловой связности текста использованием других средств.

Конкретизируя вышесказанное, рассмотрим случаи несоответствия итальянских и русских грамматических форм глагола (например, в оригинале – перфект, в переводе – настоящее время; в оригинале – аорист, в переводе – форма ПСВ с перфектным значением). В таких случаях обычно смещаются акценты в пределах ситуации, выраженной одним высказыванием. Так, в итальянском тексте некоторое действие может быть включено в повествовательную цепь, в русском же переводе это действие воспринимается как факт обобщения. Однако при анализе более широкого контекста перфектная ситуация, представленная в русском переводе, всегда соответствует итальянскому контексту с перфектной формой, хотя в ядре каждой перфектной ситуации находятся разные глаголы, что объясняется интерпретационным намерением переводчика. Приведем яркий пример такого контекста:

У него заблестели глаза.

*– Если ты не знаешь, что это, значит это – джаз. Потом с его ртом **произошло** что-то странное, возможно, это была улыбка, у него был золотой зуб, в самом центре, так что казалось, будто он выставил его в витрине на продажу.*

– Они сходят с ума от этой музыки там, наверху!

Наверху, это значило на корабле. И улыбка эта означала, что меня берут.

Gli si illuminarono gli occhi.

– Quando non sai cos'è, allora è jazz. Poi fece una cosa strana con la bocca, forse era un sorriso, aveva un dente d'oro proprio qui, così in centro che sembrava l'avesse messo in vetrina per venderlo.

– Ci vanno matti, per quella musica, lassu'.

Lassu' voleva dire sulla nave. E quella specie di sorriso voleva dire che mi avevano preso.

В итальянском оригинале этого фрагмента глагол *fece* (произошло) употреблен в форме аориста, а *avevano preso* (берут) – в форме плюсквамперфекта, причем различие в употреблении глагольных форм в данном случае не объясняется правилами согласования времен. Форма плюсквамперфекта *avevano preso* выполняет ярко выраженную функцию ретроспективного (обобщающего) перфекта, дополнительно актуализируемого глаголом *voleva dire* (означало). Глагол *avevano preso* выполняет двойную ретроспективную функцию – и в содержательном, и в текстообразовательном плане. Он отсылает к ситуации, произошедшей намного раньше момента речи (это воспоминания героя), и одним словом эксплицирует эту ситуацию после того, как все стадии ее развития получили описание в тексте.

Глагол в аористе *fece* акцентирует расчлененность действия на фрагменты («кадры»), последовательно сменяющие друг друга. В центре каждого микроэпизода находится действие, продвигающее повествование вперед (используется форма аориста), в то же время в каждом фрагменте есть некое зафиксированное состояние. Для репрезентации последнего употребляются формы имперфекта *было* (*era*), *казалось* (*sembrava*), *означало* (*voleva dire*), которые передают состояние как бы внутри каждого «кадра». Говорящий вспоминает о событиях прошлого, осмысляя их и

выделяя самое важное, подводя итог ситуации, имевшей место на тот момент. Таким образом, использование в этом фрагменте перфекта позволяет акцентировать событие, качественно изменившее жизнь героя-рассказчика (его взяли музыкантом на корабль).

В русском переводе в перфектном значении употреблен глагол *произошло*, выполняющий функцию ввода текстового фрагмента и предопределяющий ситуацию, которая впоследствии будет развернута в подробностях. Возможность такой интерпретации грамматического значения заложена в самой видо-временной системе русского языка, в которую входят глаголы с оттенком перфектности в лексической семантике, способные при поддержке контекста ярко проявлять перфектное значение (в данном случае это глагол *произошло*).

При переводе на русский язык итальянской формы аориста, образованной от глагола с семой изменения положения дел, глагол теряет аористичность и приобретает перфектное значение (вследствие встраивания словоформы в принципиально другую грамматическую систему), что сказывается и на его текстовых функциях.

Приведенный пример иллюстрирует **разные типы взаимодействия словоформы и контекста**: в итальянском языке, где имеется грамматический перфект, перфектное значение всегда выражено словоформой, а контекстные средства, находящиеся в семантическом согласовании с перфектным значением, поддерживают и усиливают его на уровне ССЦ, выражая дополнительные оттенки и акцентируя разные компоненты перфектной ситуации. В русском языке при отсутствии грамматического перфекта «нагрузка» по репрезентации перфектного значения нередко ложится на контекст, что обуславливает повышение значимости лексической семантики глагола и контекстных актуализаторов.

4.2. Функционирование неединичных форм с перфектным значением в итальянском тексте и его русском переводе

Помимо единичных форм перфекта, маркирующих ретроспекцию / проспекцию изложения, в итальянском тексте нами зафиксированы перфектные «рамки» и «сетки», представленные несколькими глаголами, которые употребляются в одной контексте, как бы поддерживая друг друга.

В гл. 2 на материале русских художественных текстов было показано, что группы глаголов с перфектным значением выполняют текстообразующие функции не менее активно, чем единичные формы. Перфектные группы могут вводить субтекст (целостный микротекст) и создавать новый повествовательный план, даже если триггерная функция каждой отдельной словоформы не выражена в полной мере. Как показал проведенный анализ, при переводе на русский язык итальянского текста данная закономерность трансформируется.

Приведем развернутый пример:

*Душу мою разрывали желания. Я мог ими жить, но я **не смог**. Тогда я **придумал** их. Одно за другим позади оставил. Геометрия. Труд совершенный. Все женщины мира, я их **придумал**, целую ночь для одной играя, единственной женщины, с кожей прозрачной, руки ее без украшений... а когда я поднялся, из жизни моей не она ушла – все женщины мира. Отец, которым я уже не стану, его я **придумал**, следя за ребенком, что умирал; дни напролет я сидел с ним рядом, не упустив ни одной детали этой картины прекрасной и страшной, пусть это будет последней вещью, что я увижу, мир покидая, в глаза мне глядя, не он уходил – умирали все дети, которых уже у меня не будет. Земля, моя земля где-то в мире, ее я **придумал**, когда услышал, как пел человек, чья родина – север, ты тоже слушал его и видел, ты видел долины вокруг и*

горы, река осторожно стекала в низину... когда он песню свою закончил, моя земля навсегда исчезла, где бы она ни была тогда. Друзья, о которых мечтал, их **придумал**, играя тебе и с тобой в тот вечер, в твоём лице и глазах я увидел их всех, мной любимых, играя тебе и с тобой в тот вечер, в твоём лице и глазах я увидел их всех, мной любимых, когда ты ушел, увел их с собою. **Сказал «прощай»** своему удивлению, увидев как ледяные глыбы, эти творения северных вод, рушатся вокруг, теплу уступая, и с чудесами я **попрощался**, когда наблюдал, как смеются люди, которых война разорвала на части, и с яростью я успел распрощаться, когда наполняли корабль динамитом, и с музыкой тоже решил проститься, с моею музыкой, в тот самый день, когда **удалось** мне в одной лишь ноте ее сыграть за одно мгновение, **прощай и радость**, ее я **придумал**, когда **увидел** – тыходишь сюда.

*I desideri stavano strappandomi l'anima. Potevo viverli, ma **non ci son riuscito**. Allora **li ho incantati**. E a uno a uno **li ho incantati**. Un lavoro perfetto. Tutte le donne del mondo le ho incantate suonando una notte intera per una donna, una, la pelle trasparente, le mani senza un gioiello, le gambe sottili, ondeggiava la testa al suono della mia musica, senza un sorriso, senza piegare lo sguardo, mai una notte intera, quando si alzò non fu lei che uscì dalla mia vita, furono tutte le donne del mondo. Il padre che non sarò mai **l'ho incantato** guardando un bambino morire, per giorni, seduto accanto a lui, senza perdere niente di quello spettacolo tremendo bellissimo, volevo essere l'ultima cosa che guardava al mondo, quando se ne andò, guardandomi negli occhi, non fu lui ad andarsene ma tutti i figli che mai ho avuto. La terra che era la mia terra da qualche parte nel mondo, **l'ho incantata** sentendo cantare un'uomo che veniva dal nord, e tu lo ascoltavi e vedevi, vedevi la valle, I monti intorno, I lupi la notte, quando quell'uomo finì di cantare, finì la mia terra, per sempre, ovunque essa sia. Gli amici che **ho desiderato li ho incantati** suonando per te e con te quella sera, nella faccia che avevi, negli occhi, io **li ho visti**, tutti, miei*

amici amati, quando te ne sei andato, sono venuti via con te. Ho detto addio alla meraviglia quando ho visto gli immani iceberg del mare del Nord crollare vinte dal caldo, ho ditto addio alla musica, alla mia musica, il giorno che sono riuscito a suonarla tutta in una sola nota di un istante, e ho detto addio alla gioia, incantandola, quando ti ho visto entrare qui...

Комментируя этот пример, отметим, что в итальянском тексте одни глаголы в прошедшем времени являются формами перфекта, другие – аориста. В перфекте употреблены глаголы с семантическим компонентом обобщенности действия: *продумал, сказал (прощай), попрощался, удалось*. В итальянском оригинале композиционное развертывание текста выглядит следующим образом: рассказчик подводит итог определенному периоду своей жизни, разбивая этот период на фрагменты, в каждом из которых названы действия «событийного» плана и ментальное действие – обобщение.

В силу того что в русском языке отсутствует форма перфекта, грамматические значения глаголов ПСВ воспринимаются в русском переводе более однородно. Действительно, ряд глаголов ПСВ в переведенном фрагменте выглядит как лексико-грамматический перфект. В результате все действия рассказчика воспринимаются лишь на одном (фабульном) уровне, в связи с чем смысловая структура фрагмента заметно упрощается.

Автор оригинального итальянского текста посредством грамматической формы перфекта выражает те смысловые признаки действия, которые в русском переводе могут быть выражены только как компоненты лексического значения. На наш взгляд, читатель ощущает смысловые оттенки, но лишь благодаря лексической организации текста, в то время как собственно грамматические характеристики глагольных словоформ не дают оснований для разграничения перфектного и аористического значений.

В итальянском тексте одной из самых ярких особенностей неединичных словоформ с перфектным значением является их **полифункциональность**, которая проявляется в одновременном выполнении функций **когезии** и выражения **модальности**.

По И.Р. Гальперину, текстовая категория модальности включает в себя все содержательные аспекты, связанные с проявлением языковой личности говорящего и его субъективным отношением к описываемой ситуации [Гальперин 1981: 74–75]. Средствами выражения этой категории являются не только показатели модальности как таковой, но и показатели дейксиса, субъективной оценки, эмоциональности – т.е. все языковые единицы, способные выразить рефлексию говорящего над содержанием и формой своей речи.

Поскольку для итальянского перфекта характерна ориентированность на сферу говорящего, актуализаторами перфектной формы часто выступают такие дейктические единицы, как личные и указательные местоимения и местоименные наречия. Важно подчеркнуть, что перфектные формы нередко используются с целью введения **дополнительного модального** (а не только временного!) **плана**. Как показывает наш анализ, временная двуплановость перфекта, отмечаемая рядом исследователей, в итальянском художественном тексте сопрягается с модальной функцией. Так, в романе А. Барикко форма перфекта всегда используется при сопоставлении разных типов восприятия или интерпретации одного и того же события. Проиллюстрируем сказанное двумя примерами:

(1) *Мсье Парден, шеф-повар, прибывший прямо из Парижа, куда он, впрочем, сразу же и **вернулся**, после того, как лично **обнаружил** забавное обстоятельство, что не видит на этом корабле кухни, как пронизательно **подметил**, среди остальных, Мсье Камамбер, каюта 12, он сегодня жаловался, что **обнаружил** умывальник, наполненный майонезом, вещь*

*странная, так как обычно в рукомойниках мы держим нарезки, это из-за отсутствия кухни, обстоятельство, которому приписывается среди прочего отсутствие на этом корабле настоящего повара, которым бесспорно являлся мсье Парден, быстро вернувшийся в Париж, из коего непосредственно и **прибыл** в напрасной надежде найти здесь кухню...*

*Monsieur Pardin, lo chef, direttamente proveniva da Parigi, dove peraltro e` subito **tornado** dopo **aver verificato** di persona la curiosa circostanza che vede questa nave priva di cucine, come **ha** argutamente **notato**, tra gli altri, monsieur Camembert, cabina 12 che oggi si e` **lamentato** per **aver trovato** il lavabo pieno di maionese, cosa strana, perche` di solito nei lavabi teniamo gli affettati, questo per via dell'inesistenza delle cucine, cosa, a cui va attribuita tra l'altro l'assenza su questa nave di un veru cuoco, quale certamente era monsieur Pardin, subito tornato a Parigi da cui proveniva direttamente, nell'illusione di trovare qui, sopra, delle cucine...*

(2) Но если ты / Но если я встану на этом трапе, и передо мною вдруг развернутся миллионы клавиш, миллионы клавиш и миллиарды, которые будут всегда бесконечны и это – самая горькая правда, они не кончатся никогда, все эти клавиши бесконечны И если клавиши бесконечны, то для них нет музыки в мире.

Ты сел играть не на ту скамейку: на этом пиано играет Бог / Мой бог, ты видел эти дороги? Одних дорог там несколько тысяч, как вы умудряетесь выбрать одну?

Ma se tu / Se io salgo su questa scaletta, e davanti a me si srotola una tastiera di milioni di tasti, milioni e miliardi / Milioni e miliardi di tasti, che non finiscono mai e quella tastiera e` infinita / se quella tastiera e` infinita, allora / Su quella tastiera non c'e` musica che puoi suonare.

Ti sei seduto su un seggiolino sbagliato: quello e` il pianoforte su cui suona Dio / Cristo, ma le vedevi le strade? Anche solo le strade, ce n'era a migliaia, come fate voi laggiu` a scieglterne una?

Приведенные иллюстрации ярко показывают разнообразие форм, которые может принимать реализованная перфектом функция связи текстовых фрагментов, различающихся временными и модальными характеристиками.

Так, пример (1) построен на лексических и семантических повторах нескольких глаголов в перфектном значении (*вернулся, прибыл, обнаружил, подметил / e` tornato, aver verificato, ha notato, aver trovato*). Композиция этого микротекста как бы закольцована перфектными глаголами, благодаря чему повествование движется по замкнутому кругу: речь идет об одном событии, но поданном с разных точек зрения.

Как видим, в данном фрагменте наблюдается довольно сложное взаимодействие ретроспективно-перспективных и модальных функций перфекта. Первый перфектный глагол в микротексте (*вернулся*) эксплицирует текстовую ретроспекцию и в то же время в сюжетно-событийном аспекте выполняет функции продвижения повествования с его остановкой (выражает новую стадию развития ситуации). Глагол *обнаружил*, напротив, регрессивен с содержательной точки зрения, но в аспекте текстообразования выполняет ретроспективно-перспективную функцию, будучи связанным с левым контекстом причинно-следственными отношениями, а с правым – делиберативными. Повторы этих глаголов выражают идею круговорота, что позволяет говорить о выполнении ими, помимо текстообразовательной, также метатекстовой функции.

Продолжая анализ первого примера, отметим, что если перфектные глаголы выполняют в нем ретроспективно-перспективные функции, то актуализаторы нацелены на экспликацию модальных значений. Показатели авторизации, метатекста и субъективной оценки, выраженные придаточными предложениями, вводной конструкцией и наречием (*как он пронизательно заметил; вещь странная, так как обычно...; бесспорно*),

сопрягаются в одном контексте с перфектными формами, что создает смысловую двуплановость фрагмента. В собственно содержательном, «референтно-денотативном», плане событие мыслится как произошедшее в действительности в определенный момент времени. В интерпретационном, «сигнификативном», плане это же событие, отражаясь в сознании повествователя и других героев, подвергается рефлексии, сопоставлению с положением дел в другое время (*обычно...*), оценке (*вещь странная*).

Фрагмент (2) демонстрирует еще одну важную функцию перфекта в художественном тексте – функцию **художественного обобщения**, выполняя которую, перфект связывает обобщенное восприятие ситуации с ее конкретным воплощением. В рамках предложенной нами классификации такой перфект является концентрическим, т.е. ретроспективным по отношению к предыдущему фрагменту и проспективным по отношению к последующему. Иначе говоря, один из микрофрагментов (до или после перфектной словоформы) представляет ситуацию в обобщенном виде, а другой – в конкретизированном. Подчеркнем, что в высказывании *Я сел не на ту скамейку* глагол в перфектном значении *сел* является семантическим ядром развернутой метафоры, выражающей художественную идею всего произведения.

Таким образом, перфектный глагол способен репрезентировать ту или иную ситуацию не только в свернутом или обобщенном виде, но и образно. Это свидетельствует о выполнении перфектом еще одной функции, значимой для художественного текста, – **связи прямого и переносного выражения смысла**.

Выводы

1. В оригинальном тексте романа-монолога А. Барикко «Новеченто» перфектные глаголы выполняют функции, аналогичные функциям русских словоформ с перфектным значением, что подтверждает универсальность семантической структуры перфектной ситуации и способов ее выражения в художественной речи.

2. Обладая комплексным темпорально-аспектуально-таксисным значением, перфект выполняет функции на разных уровнях организации текста, репрезентируя:

– на собственно содержательном (референтном) уровне время описываемых событий;

– на интерпретационно-содержательном (сигнификативном) уровне отражение событий в сознании повествователя / персонажа;

– на текстовом уровне линейное развертывание фабулы и сюжета произведения;

– на метатекстовом уровне рефлексивные смыслы произведения.

3. Реализации текстовых функций перфекта в романе-монологе А. Барикко способствует использование контекстных актуализаторов перфектного значения, прежде всего препозитивных местоимений, связывающих перфектную ситуацию со сферой говорящего и эксплицирующих результат действия (например: *это* рассказал, *ее* мне подарил, *так* узнал).

4. Типичной функциональной разновидностью перфекта в оригинальном тексте на итальянском языке и его русском переводе является концентрический перфект, обеспечивающий сквозную когезию изложения как в плане выражения, так и в плане содержания.

5. В переводном тексте в целом сохраняется композиционно-смысловая структура оригинала и ретроспективная направленность

изложения. Отдельные расхождения в развертывании оригинального и переводного текстов обусловлены различиями в грамматической семантике итальянских и русских словоформ. Нами установлена следующая закономерность: если итальянский перфект переводится на русский язык формой, не специализирующейся на выражении перфектного значения, то текстовые функции, присущие перфекту в оригинальном тексте, выражаются средствами контекста, среди которых обязательно имеется другая словоформа с перфектным значением.

6. В силу своей интерпретационности и семантической многоплановости, словоформы с перфектным значением могут одновременно осуществлять ретроспективные и проспективные связи между текстовыми фрагментами, акцентировать субъективно важные для говорящего смыслы, связывать репродуктивный и генеритивный речевые регистры, репрезентировать метафорическое переосмысление событий и их субъективную оценку. Функциональная многогранность и способность обеспечивать в художественном тексте взаимодействие категорий когезии и модальности свойственны прежде всего концентрическому перфекту.

Заключение

В проведенном исследовании реализован «челночный» метод функциональной грамматики, в соответствии с которым лингвистический анализ направлен и на языковые, и на речевые явления, т.е. проводится в двух направлениях – от языка к речи и от речи к языку. Сначала представим результаты, относящиеся к **функциональному** аспекту проведенного исследования, затем – к **системно-структурному** аспекту.

Функционально-грамматический и контекстуально-семантический анализ эмпирического материала показал, что перфектные словоформы активно участвуют в механизмах текстообразования, выполняют важные текстовые функции и обеспечивают связность текста – как содержательно-смысловую, так и композиционную.

Способы участия перфекта в текстообразовании весьма разнообразны. В работе обосновано, что связующие функции словоформ с перфектным значением распространяются не только на темпорально-таксисные признаки контекстов. Эти функции должны пониматься более широко, с учетом связи любых разнородных планов художественного произведения. Согласно подтвержденной в ходе анализа гипотезе, словоформы с перфектным значением, участвуя в текстообразовании, способны оказывать влияние на кодирование и декодирование смысла текста. Перфектный глагол проявляет себя в художественном тексте как синкретичная единица речевой системы, совмещающая функции текстообразования и упорядочивания линейного развертывания и восприятия текста; изменения темпорального и сюжетно-событийного плана текста; выражения связи между субъективно-модальными смыслами произведения.

Большие текстообразовательные ресурсы перфекта объясняются содержанием перфектной ситуации как функционально-семантического

поля, ядром которого является словоформа с перфектным значением, периферией – разноуровневые контекстные актуализаторы перфектности. На выполнение перфектом текстовых функций оказывают влияние следующие факторы: расположение словоформы в ССЦ, ее взаимодействие с другими предикатами, количество репрезентаций, способ объединения нескольких словоформ («рамка», «сетка», «пучок»), лексическое значение перфектного глагола, а также тип речи, в котором он использован.

В силу многогранности перфектного значения, одна и та же словоформа может осуществлять несколько текстовых функций, выполняя функциональную «нагрузку» и в аспекте когезии, и в сюжетно-событийном плане, и в рамках репрезентации субъективно-модальных смыслов произведения. Функциональный синкретизм перфекта обусловлен не только особенностями его грамматической семантики, но и прагматикой перфектного значения – его субъективированностью и «антропоцентричностью».

В диссертационной работе выявлены не отмеченные ранее семантические разновидности перфектных глаголов, детерминированные, во-первых, грамматической и лексической спецификой самой глагольной словоформы (видом, временем, залогом, лексическим значением, словообразовательной производностью); во-вторых, наличием особых показателей контекста – актуализаторов общего перфектного значения или его частных компонентов на уровне высказывания, ССЦ и текста.

К новым семантическим разновидностям перфекта можно отнести:

– **результативно-объектный перфект** как частный случай акционального перфекта (форма ПСВ лексически перфектного переходного глагола с ярко выраженной семой результата – объекта, который сохраняется после его достижения);

– **контекстуально-фактический перфект** как частный случай результативно-фактического перфекта (форма прошедшего времени глагола *быть*, поддерживаемая местоименными актуализаторами).

Полученные данные позволяют дополнить и уточнить имеющуюся классификацию видов перфектного значения. По нашему убеждению, спектр значений перфекта может быть расширен, однако обоснование его новых семантических разновидностей требует дополнительного анализа.

В ходе исследования установлено, что текстовые функции **результативно-фактического** и **результативно-объектного** перфекта обусловлены их особыми свойствами, связанными, во-первых, с наличием в лексическом значении глагола семы сохраняющегося результата; во-вторых, его синтаксической валентностью, позволяющей «втягивать» последующий или (реже) предшествующий контекст в перфектную ситуацию.

Проведенный анализ показал, что языковые средства выражения перфектного значения функционируют в разных типах контекстов: качественном, информативном и генеритивном (в двух последних особенно часто). Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения и может стать перспективной темой самостоятельного исследования.

В результате анализа переводного художественного текста выявлены не отмеченные ранее закономерности перевода итальянских перфектных форм на русский язык. В целом, в результате сопоставления художественных текстов разных типов (оригинальных русских, оригинального итальянского и переводного русского) были решены две задачи. Во-первых, определено сходство и различие текстовых функций перфекта в типологически разных языках и описаны национально-специфические оттенки перфектного значения (семантические приращения), которые формируются в контексте под воздействием языковых и речевых факторов. Во-вторых, установлены универсальные

лингвистические и содержательно-смысловые параметры перфектных ситуаций, получающих репрезентацию в художественном тексте. В частности, в рамках решения этой проблемы описаны случаи совпадения и несовпадения функций перфекта в русском и итальянском текстах. Общие функции обусловлены инвариантностью перфектной семантики и универсальной структурой перфектной ситуации. В то же время выявлены различия: 1) между оригинальными русскими текстами и текстом перевода на русский язык итальянского произведения; 2) между оригинальным итальянским текстом и текстом его перевода.

Основные закономерности употребления форм с перфектным значением в сопоставительном аспекте сводятся к следующему:

– в итальянском тексте перфектные словоформы (*passato prossimo*) выполняют функции, в целом аналогичные функциям русских словоформ с перфектным значением. Однако вследствие различий в способах грамматической репрезентации перфектной семантики, во-первых, для адекватного перевода итальянских текстов на русский язык необходимо использование дополнительных средств актуализации перфектности, во-вторых, имеются различия в регулярности реализации перфектными словоформами разных видов текстовых функций;

– в русском тексте проспективную функцию чаще выполняют перфектные группы, а не единичные формы. Единичные перфектные глаголы, в отличие от итальянских, чаще выполняют данную функцию на границе ССЦ (триггерный перфект), а не внутри ССЦ (концентрический перфект);

– в итальянском тексте в механизмах текстообразования наибольшую активность проявляет единичный концентрический перфект, который по контрасту с окружающим контекстом воспринимается как форма с высокой смысловой емкостью;

– для акцентирования ретроспективной / проспективной направленности изложения используются разные речевые приемы: в русском тексте – приемы аналогии и аккумуляции однородных грамматических значений, в итальянском тексте – прием контраста значений;

– в итальянском тексте единичные формы перфектных глаголов выполняют функцию текстовой когезии чаще, чем формы с перфектным значением в оригинальных русских текстах;

– спецификой итальянских текстов является использование в качестве актуализаторов перфектного значения дейктических слов, которые зафиксированы почти во всех случаях употребления перфектной формы. В препозиции к перфектному глаголу дейктики выражают направление мысли говорящего от события / факта / предмета, находящегося здесь и сейчас (на момент речи в личной сфере говорящего), к рефлексии над действием, так или иначе связанным с этим событием / фактом / предметом. Находясь при словоформе, выражающей перфектное значение на морфологическом уровне, контекстные актуализаторы выполняют функцию акцентирования послеперфектного состояния.

В результате сопоставительного анализа художественных текстов на русском и итальянском языке подтвердилась гипотеза, что текстовые функции перфектных словоформ являются фреквенталией в индоевропейской семье языков. В перспективе мы считаем необходимым расширить круг языков для продолжения сравнительно-типологического изучения текстовых функций перфекта. Кроме того, целесообразно, на наш взгляд, исследовать роль перфектных глаголов в нехудожественных текстах для проверки предположения об инвариантном, универсальном для всех функциональных стилей речи, характере текстовых функций перфекта, описанных в настоящей диссертации.

Список сокращений

БСП – бессоюзное сложное предложение

ЛСГ – лексико-семантическая группа

НСВ – несовершенный вид

ПЕ – предикативная единица

ПНСВ – глагол несовершенного вида в прошедшем времени

ПСВ – глагол совершенного вида в прошедшем времени

СВ – совершенный вид

СПП – сложноподчиненное предложение

ССП – сложносочиненное предложение

ССЦ – сложное синтаксическое целое

ФСК – функционально-семантическая категория

Библиографический список

1. **ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA.** Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типологии перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семенова. СПб.: Наука, 2016. 840 с.
2. **Баженова Е. А.** В поисках единицы смысловой структуры научного текста / Е. А. Баженова // «TEXTUS»: Избранное, 1994 – 2004: Сб. статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 11. Ч. 1 / Под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 463–468.
3. **Баженова Е. А.** Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.
4. **Белякова Л. Ф.** Передача перфектного и аористического значений русского прошедшего времени совершенного вида в английском языке (на материале переводов произведений художественной, научной и публицистической литературы): дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. Ф. Белякова. Л., 1982. 208 с.
5. **Бидэм К. Р.** Видовое значение конструкции «быть + страдательное причастие» / К. Р. Бидэм // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 63–68.
6. **Болотнова Н. С.** Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в художественном тексте // Филологические науки. 1992. № 4. С. 75–87.
7. **Болотнова Н. С.** Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
8. **Бондарко А. В.** Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 255 с.
9. **Бондарко А. В.** Вид и время русского глагола / А. В. Бондарко. М.: Просвещение, 1971. 239 с.

10. **Бондарко А. В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 208 с.
11. **Бондарко А. В.** Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 218 с.
12. **Бондарко А. В.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале рус. яз. / А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
13. **Буланин Л. Л.** К соотношению пассива и статива в русском языке / Л. Л. Буланин // Проблемы теории грамматического залога: сб. статей / АН СССР. Л., 1978. С. 197–202.
14. **Вайнрих Х.** Текстовая функция французского артикля / Х. Вайнрих // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 370–387.
15. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описания языков. Грамматическая семантика, ключевые концепты культур. Сценарии поведения / А. Вежбицкая. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
16. **Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. М.–Л.: Высшая школа, 1972. 614 с.
17. **Воейкова М. Д.** Вариативность морфологических характеристик предиката в вопросо-ответных единствах (на материале русского языка) / М. Д. Воейкова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 281–299.
18. **Всеволодова М. В.** Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 502 с.
19. **Гаврилова В. И.** Краткое причастие на -н-/-т- как форма статального вида страдательного залога / В. И. Гаврилова // М. Ю. Черткова (ред.).

- Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 99–14.
20. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М.: Наука, 1981. 140 с.
 21. **Гловинская М. Я.** Семантические типы видовых противопоставлений русских глаголов / М. Я. Гловинская. М.: Наука, 1982. 155 с.
 22. **Горшкова И. М.** Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике / И. М. Горшкова // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 341–358.
 23. **Долинин К. А.** Интерпретация текста: Французский язык / К. А. Долинин. М.: КомКнига, 2010. 304 с.
 24. **Дресслер В.** Синтаксис текста / В. Дресслер // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 111–137.
 25. **Дунев А. И.** Функционирование форм несовершенного вида русского глагола в обобщенно-фактическом значении: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. И. Дунев. СПб., 1999. 200 с.
 26. **Дымарский М. Я.** Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 282 с.
 27. **Зализняк А. А., Шмелев А. Д.** Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. М. Языки русской культуры, 2000. 221 с.
 28. **Зарубина Н. Д.** Текст: лингвистический и методический аспекты / Н. Д. Зарубина. М.: Рус. яз., 1981. 113 с.
 29. **Золотова Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 6-е изд. / Г. А. Золотова. М.: УРСС, 2010. 368 с.
 30. **Золотова Г. А.** Говорящее лицо и структура текста / Г. А. Золотова // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Изд-во Ин-та рус. языка РАН, 1995. С. 120–132.

31. **Золотова Г. А.** Категории времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 8–29.
32. **Золотова Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. М.: Наука, 1971. 351 с.
33. **Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.** Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 524 с.
34. **Иванов В. В.** Историческая грамматика русского языка / В. В. Иванов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990. 398 с.
35. **Ильенко С. Г.** Функционирование предложения в тексте. (Текстообразующие потенции и контекстуальные реализации) / С. Г. Ильенко // Функционирование синтаксических категорий в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Л.: ЛГПИ, 1981. С. 3–10.
36. **Ильенко С. Г.** Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц / С. Г. Ильенко // С. Г. Ильенко. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 359–375.
37. **Карпухин С. А.** Семантика русского глагольного вида: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / С. А. Карпухин. Самара, 2008. 329 с.
38. **Кашкин В. Б.** Перфект как субъективное время / В. Б. Кашкин // Вестник ЛГУ. История языка и литературы. Вып. 4. 1983. № 20. С. 67–70.
39. **Кашкин В. Б.** Перфектная ситуация и методы исследования единиц языка / В. Б. Кашкин // Принципы и методы исследования единиц языка. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. С. 103–109.
40. **Кашкин В. Б.** Функциональная типология перфекта / В. Б. Кашкин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 128 с.

41. **Кашпур В. В., Филь Ю. В., Шаповал А. А.** Аспектуальные характеристики русского и английского глагола в языке и тексте (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов) / В. В. Кашпур, Ю. В. Филь, А. А. Шаповал // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 22–29.
42. **Князев Ю. П.** Пассивный перфект в русском языке / Ю. П. Князев // Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 1991. С. 80–98.
43. **Князев Ю. П.** Типология результативных конструкций / Ю. П. Князев. Л.: Наука, 1983. 263 с.
44. **Князев Ю. П.** Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. М.: Языки славянских культур, 2007. 702 с.
45. **Кожина М. Н.** О функциональных семантико-стилистических категориях текста / М. Н. Кожина // Филологические науки. 1987. № 2. С. 35–41.
46. **Кожина М. Н.** Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка / М. Н. Кожина // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь: Перм. ун-т, 1987. С. 3–23.
47. **Козинцева Н. А.** Результатив, пассив и перфект в армянском языке / Н. А. Козинцева // Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 204–216.
48. **Козинцева Н. А.** Перфект в болгарском языке в сопоставлении с армянским / Н. А. Козинцева // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 185–200.
49. **Красухин К. Г.** Введение в индоевропейское языкознание / К. Г. Красухин. М.: Академия, 2004. 320 с.
50. **Кузнецова Л. В.** Происхождение и становление перфекта в системе временных форм глагола: на материале английского, немецкого,

датского, нидерландского и шведского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Кузнецова. Нальчик, 2006. 37 с.

51. **Кушни́на Л. В.** Перевод как синергетическая система / Л. В. Кушни́на // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 81–86.
52. **Ландер Ю. А.** Перфект и обстоятельства конкретного времени / Ю. А. Ландер // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой / Сост. В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Индрик, 2002. С. 300–312.
53. **Ласорса-Сьедина К.** Видо-временные контексты в обучении русскому языку (сопоставительный подход) / К. Ласорса-Сьедина // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 255–265.
54. **Ласорса-Сьедина К.** Конвергенции и расхождения в эволюции современного русского и итальянского языка / К. Ласорса-Сьедина // Русский язык: исторические судьбы и современность. Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007. С. 442–443.
URL: <https://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/14.pdf> (дата обращения 04.11.2020).
55. **Лебедева Г. Ф.** Употребление глагольных форм прошедшего времени совершенного вида в перфектном значении в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук / Г. Ф. Лебедева. М., 1959. 215 с.
56. **Луценко Н. А.** О перфектной функции глагольных форм настоящего времени (на материале причастий современного русского языка) / Н. А. Луценко // Филологические науки. 1988. № 5. С. 77–77.
57. **Маслов Ю. С.** Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

58. **Маслов Ю. С.** Перфектность / Ю. С. Маслов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность, Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 195–209.
59. **Маслов Ю. С.** Результатив, перфект и глагольный вид / Ю. С. Маслов // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
60. **Матханова И. П.** Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / И. П. Матханова. СПб., 2001. 337 с.
61. **Мельничук А. С.** Развитие структуры славянского предложения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. С. Мельничук. Киев, 1964. 46 с.
62. **Мисайлова Т. И.** Дейксис как актуализация компонентов речевой ситуации и денотативного содержания в повествовательном и описательном художественных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. И. Мисайлова. Улан-Удэ, 2005. 23 с.
63. **Москальская О. И.** Грамматика текста / О. И. Москальская. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
64. **Москальская О. И.** Текст – два понимания и два подхода / О. И. Москальская // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М.: Наука, 1984. С. 154–162.
65. **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 29.12.2019).
66. **Недялков В. П., Яхонтов С. Е.** Типология результативных конструкций / В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.

67. **Ноздрина Л. А.** Поэтика грамматических категорий: курс лекций по интерпретации художественного текста / Л. А. Ноздрина. М.: Тезаурус, 2004. 210 с.
68. **Одинцов В. В.** Стилистика текста / В. В. Одинцов. М.: Наука, 1980. 263 с.
69. **Падучева Е. В.** Видовая парность и количественный предел действия / Е. В. Падучева // Русистика сегодня. 1995. № 3. С. 38–50.
70. **Падучева Е. В.** Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
71. **Падучева Е. В.** Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на -н- / -т- / Е. В. Падучева // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 142–156.
72. **Петрухин П. В.** Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема / П. В. Петрухин // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 313–329.
73. **Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику / В. А. Плунгян. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 669 с.
74. **Плунгян В. А.** Антирезультатив: до и после результата / В. А. Плунгян // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
75. **Плунгян В. А.** К типологии перфекта в языках мира: предисловие / В. А. Плунгян. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tipologii-perfekta-v-yazykah-mira-predislovie/viewer> (дата обращения 09.11.2020).
76. **Поспелов Н. С.** О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке / Н. С. Поспелов // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 17–29.

77. **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. Т. 1–2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
78. **Прокопович Е. А.** Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм / Е. А. Прокопович. М.: Наука, 1982. 286 с.
79. **Пупынин Ю. А.** Семантика перфектности и дейксис (на материале русского языка) / Ю. А. Пупынин // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.) / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2001. С. 55–58.
80. **Пупынин Ю. А.** Функциональные аспекты грамматики русского языка: Взаимосвязи грамматических категорий / Ю. А. Пупынин. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1990. 79 с.
81. **Рассудова О. П.** Употребление видов глагола в русском языке / О. П. Рассудова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 140 с.
82. **АГ–80 – Русская грамматика: В 2-х т.** / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М., Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с. Т. 2: Синтаксис. 709 с.
83. **Русский язык. Энциклопедия** / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
84. **Сидорова М. Ю.** Функциональная амбивалентность видо-временных форм в поэтическом тексте / М. Ю. Сидорова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2000. № 1. С. 95–110.
85. **Сичинава Д. В.** Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность / Д. В. Сичинава // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 711–749.

86. **Сичинава Д. В.** Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей / Д. В. Сичинава // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 30–57.
87. **Сичинава Д. В.** Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект / Д. В. Сичинава. М.: АСТ-Пресс, 2013. 385 с.
88. **Слюсарева Н. А.** Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. М.: Наука, 1981. 206 с.
89. **Солганик Г. Я.** Стилистика текста / Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 1997. 256 с.
90. **Солганик Г. Я.** Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. М.: Высшая школа, 1991. 181 с.
91. **Солнцев В. М.** Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. М.: Наука, 1977. 341 с.
92. **СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка** / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
93. **Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис** / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
94. **Терентьева Е. В.** Лексико-грамматическая семантика перфектности претеритальной парадигмы русского глагола / Е. В. Терентьева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2006. № 3 (40). С. 61–73.
95. **Терентьева Е. В.** Эволюция функционально-семантической категории перфектности в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Терентьева. Волгоград, 2008. 352 с.
96. **Тимофеев К. А.** К истории форм прошедшего времени русского глагола / К. А. Тимофеев // Ученые записки Благовещ. пед. и учит. ин-та. Т. 2. 1941. С. 63–118.

97. **Трубинский В. И.** Пассив или перфект? / В. И. Трубинский // Тенденции развития русского языка: сб. статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 204–212.
98. **Тураева З. Я.** Лингвистика текста (Текст. Структура и семантика) / З. Я. Тураева. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
99. **Храковский В. С.** Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений / лингвистической типологии и структуры языка / В. С. Храковский. Ученые записка Гартуского гос. ун-та. 1980. № 537. С. 3–24.
100. **Хэллидей М. А.** Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания / М. А. Хэллидей // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. С. 138–148.
101. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. 3-е изд. / А. А. Шахматов. М.: УРСС, 2001. 620 с.
102. **Широкова А. В.** Сопоставительная типология разноструктурных языков / А. В. Широкова. М.: Добросвет: КДУ, 2006. 200 с.
103. **Эвиденциальность в языках Европы и Азии.** Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой / Отв. ред В. С. Храковский.. СПб.: Наука. 2007. 634 с.
104. **Abraham W.** Preterite decay as a European areal phenomenon / W. Abraham // *Folia linguistica*, 33.1, 1999. P. 11–18.
105. **Anderson Lloyd B.** The «perfect» as a universal and as a language-particular category / Lloyd B. Anderson // P. J. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 1982. P. 227–264.
106. **Breu W., Piccoli G.** Südslavisch unter romanischem Dach. Die Moliseslaven in Geschichte und Gegenwart im Spiegel ihrer Sprache /

- W. Breu, G. Piccoli. Teil I: Texte gesprochener Sprache aus Aquaviva Collecroce. 2011. Leinen, XXIV, 384 p.
107. **Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.** The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. Chicago: The U. of Chicago Press, 1994. 420 p.
108. **Comrie B.** Aspect and voice: some reflections on perfect and passive / B. Comrie // Ph. J. Tedeschi, A. Zaenen (eds.). *Syntax and Semantics 14: Tense and Aspect*. New York : Academic Press, 1981. P. 65–78.
109. **Comrie B.** *Tense* / B. Comrie. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 139 p.
110. **Coseriu E.** *Das romanische Verbalsystem* / E. Coseriu / Hrsg. und bearb. von H. Bertsch. Tübingen: Narr, 1976. 200 p.
111. **Dahl Ö.** The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective / Ö. Dahl // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. P. 3–25.
112. **Daneš F.** Functional sentence perspective and the organization of the text / F. Daneš // *Papers on Functional Sentence Perspective*. 1974. C. 107–127.
113. **Drinka B.** Areal factors in the development of the European periphrastic perfect. *Word* 54.1, 2003. P. 1–38.
114. **Drinka B.** Sources of auxiliation in the perfects of Europe / B. Drinka // *Studies in Language* 37.3 2013. (Special issue on multiple source constructions in language change). P. 599–644.
115. **Fici Giusti F.** The perfect in Slavic / F. Fici Giusti // P. M. Bertinetto et al. (eds.). *Temporal reference, aspect and actionality*. Vol. 2: Typo-logical perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 221–237.
116. **Fontaine J.** *Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain* / J. Fontaine, Paris, Institut d'études slaves, 1983. 335 p.

117. **Giorgi A., Pianesi F.** Tense and aspect: From semantics to morphosyntax / A. Giorgi, F. Pianesi. Oxford: Oxford University Press, 1997. 41 p.
118. **Harris M.** The “past simple” and the “present perfect” in Romance / M. Harris // N. Vincent, M. Harris (eds.). Studies in the Romance verb: Essays offered to Joe Cremona on the occasion of his 60th birthday. London: Croom Helm, 1983. P. 42–70.
119. **Lasorsa-Siedina C., Benigni V.** Il russo in movimento / C. Lasorsa-Siedina, V. Benigni. Roma, 2002. 232 p.
120. **McCawley J. D.** Notes on the English perfect / J. D. McCawley // Australian journal of linguistics, 1, 1981. P. 81–90.
121. **McCoard R. W.** The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences / R. W. McCoard. Amsterdam: North Holland, 1978. 279 p.
122. **Michaelis L. A.** Aspectual grammar and past-time reference / L. A. Michaelis. London: Routledge, 1998. 296 p.
123. **Nishiyama A., Koenig J.-P.** What is a perfect state? / A. Nishiyama, J.-P. Koenig // Language, 86.3, 2010. P. 611–646.
124. **Plungian V. A.** The place of evidentiality within the universal grammatical space / V. A. Plungian // Journal of Pragmatics, 2001, 33.3. P. 349–357.
125. **Ritz M.-E.** Perfect tense and aspect / M.-E. Ritz // R. Binnick (ed.). The Oxford handbook of tense and aspect. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 882–907.
126. **Squartini M.** On the semantics of the Pluperfect: evidence from Germanic and Romance / M. Squartini // Linguistic typology, 3.1, 1999. P. 51–89.
127. **Squartini M.** Verbal periphrases in Romance: Aspect, actionality, and grammaticalization / M. Squartini. Berlin : Mouton de Gruyter, 1998. 372 p.

128. **Squartini M., Bertinetto P. M.** The Simple and Compound Past in Romance languages / M. Squartini, P. M. Bertinetto // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 403–439.
129. **Tommola H.** Неужели перфект? Не перфект ли уже? / H. Tommola // A. Barentsen, Y. Poupynin (eds). Functional Grammar: Aspect and aspectuality, tense and temporality. Essays in honour of Alexander Bondarko. München: LINCOM Europa, 2001. P. 113–120.
130. **Typology of resultative constructions** / V. P. Nedjalkov (ed.). Amsterdam: Benjamins, 1988. 573 p.

Список цитируемых источников

1. Априлов Б. Приключения Лисенка / Борис Априлов. Ростов н/Д: Товарищество «НИРиК»: Профит, 1993. 190 с.
2. Барикко А. Новеченто (1900-й. Легенда о пианисте) / Алессандро Барикко. М.: Азбука, 2001. 70 с.
3. Быков В. Повести / Василь Быков. М.: АСТ, 2010. 528 с.
4. Быков В. Главный кригсман / Василь Быков. Бедные люди. М.: Вагриус, 2002. 464 с.
5. Варламов А. Купавна / Алексей Варламов // Новый мир. 2000. № 10–11.
6. Волос А. Недвижимость / Андрей Волос. М.: Вагриус, 2001. 261 с.
7. Геласимов А. Нежный возраст / Андрей Геласимов. Жажда. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
8. Гранин Д. Зубр / Даниил Гранин. СПб.: Лениздат-классика, 2012. 384 с.
9. Гришковец Е. ОдноврЕмЕнно / Евгений Гришковец. М.: Махаон, 2009. 104 с.

10. Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей / Юрий Домбровский. М.: Изд-во Е. Шубиной, 2011. 736 с.
11. Екимов Б. Пиночет / Борис Екимов. М.: Вагриус, 2000. 83 с.
12. Искандер Ф. Начало / Фазиль Искандер. Сухуми: Алашара, 1978. 174 с.
13. Кологрив В. Медовый луг / Виктор Кологрив // Отчего и почему. 2008. № 8.
14. Лимонов Э. У нас была великая эпоха / Эдуард Лимонов. М.: Амфора, 2002. 191 с.
15. Нестайко В. В стране солнечных зайчиков / Всеволод Нестайко. М.: Детская литература, 1964. 153 с.
16. Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней / Олег Павлов. М.: Время, 2013. 160 с.
17. Пелевин В. Generation P / Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2015. 352 с.
18. Пелевин В. Жизнь насекомых / Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2010. 256 с.
19. Пелевин В. Затворник и Шестипалый / Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
20. Рубина Д. Белая голубка Кордовы / Дина Рубина. М.: Эксмо, 2020. 544 с.
21. Рубина Д. На Верхней Масловке / Дина Рубина. М.: Эксмо, 2017. 400 с.
22. Славникова О. Басилевс / Ольга Славникова. М.: АСТ, 2011. 644 с.
23. Токарева В. Своя правда / Виктория Токарева. М.: АСТ, 2004. 317 с.
24. Толстая Т. Круг / Татьяна Толстая. М.: Эксмо, 2003. 348 с.
25. Толстая Т. Любишь – не любишь / Татьяна Толстая. М.: Олма-пресс, 1997. 381 с.
26. Толстая Т. Ночь Феникса / Татьяна Толстая. Река Оккервиль: сборник рассказов. М.: Эксмо, Подкова, 2002. 464 с.
27. Толстая Т. Самая любимая. Там же.
28. Толстая Т. Свидание с птицей. Там же.

29. Толстая Т. Соня. Там же.
30. Толстая Т. Чистый лист. Там же.
31. Улицкая Л. Бронька / Людмила Улицкая. Бедные, злые, любимые. М.: Эксмо, 2007. 358 с.
32. Улицкая Л. Ветряная оспа. Там же.
33. Улицкая Л. Чужие дети. Там же.
34. Улицкая Л. Казус Кукоцкого / Людмила Улицкая. М.: Эксмо, 2003. 447 с.
35. Baricco A. Novecento (1900) / Alessandro Baricco. Giangiacomo Feltrinelli Editore Milano, 1994. 84 p.

Приложение

Глоссарий

1. **Актуализаторы перфектного значения** – разноуровневые языковые средства, употребленные в одном контексте с перфектной словоформой и усиливающие ее семантику.

2. **Аорист** – грамматическая форма глагола прошедшего времени, обозначающая действие до момента речи как единый непрерывный завершившийся акт.

3. **Аспектология** – раздел грамматики, изучающий глагольный вид (аспект) и всю сферу аспектуальности, т.е. видовых и смежных с ними значений, получающих в языке то или иное выражение.

4. **Аспектуальность** – характер протекания и распределения глагольного действия во времени, т.е. внутренняя темпоральная структура глагольного действия.

5. **Бытийные и локативные глаголы** – глаголы с семантикой существования (*быть, жить, существовать* и др.) и местоположения (*находиться, присутствовать* и др.).

6. **Дейксис** – функция слов и грамматических категорий, которая позволяет указать лицо, предмет или отрезок времени / пространства через их отношение к данному высказыванию: к его участникам (говорящему и слушающему) и контексту (месту и времени).

7. **Дейктический центр** – место осуществления речевого акта – там, где находится говорящий (**Я, ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС**).

8. **Делиберативные отношения** – отношения между частями сложного предложения, когда одна из частей раскрывает содержание лексемы со значением речи, мысли, восприятия или эмоций (*Я знаю, что он придет*).

9. **Значение общеграмматическое** – грамматическое значение, выраженное специализированными формами.

10. **Значение частнограмматическое** – одно из ряда значений, выражаемых грамматической формой.

11. **Имперфект** – грамматическая форма прошедшего времени, обозначающая незавершенное, повторяющееся или длительное действие в прошлом.

12. **Когезия** – связность текста или ССЦ; одна из определяющих категорий текста.

13. **Контекст качественный** – контекст, в котором представлены признаки ситуации.

14. **Контекст результативный** – контекст, в котором представлены результаты совершенного действия.

15. **Модальность** – семантическая и текстовая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку текста, отношение содержания высказывания к действительности.

16. **Обобщенно-фактическое (общефактическое) значение** – значение глаголов НСВ, указывающих на сам факт наличия или отсутствия действия (*Я читал эту книгу*).

17. **Персональность** – семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи (прежде всего говорящему).

18. **Перфект** – видо-временная форма глагола, выражающая действие в прошлом, результат которого релевантен для более позднего временного плана.

19. **Перфект акциональный (результативный)** – разновидность перфекта, обозначающая конкретное единичное действие, последствия которого сохраняют актуальность (*Он решил задачу и доволен собой*).

20. **Перфект внутренний** – словоформа с перфектным значением, находящаяся внутри ССЦ.

21. **Перфект иммедиатный** – разновидность перфекта, обозначающая ситуацию, имевшую место незадолго до момента речи (*Вы сами это только что сказали!*).

22. **Перфект концентрический** – словоформа с перфектным значением, выполняющая одновременно ретроспективную и проспективную функции.

23. **Перфект лексико-грамматический** – глагольные словоформы прошедшего времени, в которых лексический признак перфектности совмещается с морфологическим (*узнал, осознал, понял, сообразил, остался* и др.)

24. **Перфект лексико-словообразовательный** – глагольные словоформы прошедшего времени, образованные по словообразовательным моделям, специализированным на выражении перфектного значения (*пообносился, побелел, растолстел, обмяк*).

25. **Перфект лексический** – глагольной лексемы, которые в прошедшем времени сохраняют перфектность в НСВ (*видел, слышал, читал*).

26. **Перфект пограничный** – словоформа с перфектным значением, находящаяся на границе двух ССЦ.

27. **Перфект посессивный** (в итальянском языке) – аналитическая перфектная форма, состоящая из вспомогательного глагола *иметь* и причастия прошедшего времени.

28. **Перфект рамочный** – две словоформы с перфектным значением, находящиеся в начале и в конце одного и того же ССЦ.

29. **Перфект сильно грамматикализованный** – словоформа с перфектным значением, специализированная на его выражении (например, в древнерусском и итальянском языках).

30. **Перфект слабо грамматикализованный** – словоформа с перфектным значением, не специализированная на его выражении (например, в современном русском языке).

31. **Перфект статальный (качественный)** – разновидность перфекта, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия, изменения (*Да ты помолодела!*).

32. **Перфект триггерный** – словоформа с перфектным значением, находящаяся в начале ССЦ и стимулирующая дальнейшее развертывание текста.

33. **Перфект экзистенциальный** (в итальянском языке) – аналитическая перфектная форма, состоящая из вспомогательного глагола *быть* и причастия прошедшего времени.

34. **Перфект экспериенциальный** – разновидность перфекта, которая обозначает наличие или отсутствие факта в прошлом, характеризующее состояние субъекта в данный момент (*Я три ночи не спал*).

35. **Перфектная ситуация** – категориальная ситуация, которая репрезентирует функционально-семантическое поле перфектности и включает в себя аспектуальный, темпоральный, таксисный и модальный компоненты.

36. **Плюсквамперфект, плюсквамперфектное значение** – грамматическая форма прошедшего времени (относительное время), обозначающая действие, предшествующее некоторой ситуации в прошлом.

37. **Презенсный временной план** – план настоящего времени.

38. **Претерит** – нерезультативное (повествовательное) прошедшее время, аналогичное аористу.

39. **Проспекция** – отсылка читателя к последующему изложению (правому контексту).

40. **Результатив** – аспектуальная категория глагола, показывающая, что в период наблюдения имеет место результирующая стадия ситуации; выражает состояние, предполагающее некоторую предшествующую ситуацию.

41. **Результативно-фактическое значение** – см. перфект экспериенциальный.

42. **Ретроспекция** – отсылка читателя к предыдущему изложению (левому контексту).

43. **Речевой регистр генеритивный** (по Г.А. Золотовой) – разновидность речи, выражающая информацию общего характера и не привязанную к определенному моменту времени (пословицы, поговорки, сентенции, афоризмы и т.п.).

44. **Речевой регистр информативный** (по Г.А. Золотовой) – разновидность речи, в которой излагаются факты и события, полученные путем мыслительных операций, в отличие от сферы непосредственного наблюдения (*Я знаю, что..., Известно, что...*).

45. **Речевой регистр репродуктивный** (по Г.А. Золотовой) – разновидность речи, которая воспроизводит непосредственно наблюдаемое (*Я слышу, как..., Я вижу, как... и др.*).

46. **Сложное синтаксическое целое (ССЦ)** – структурно-семантический компонент текста, состоящий из нескольких предложений, раскрывающих одну из его микротем (подтем).

47. **Способы действия** – лексико-грамматические разряды глаголов.

48. **Таксис** – временное отношение между действиями; относительное употребление времен и временных форм.

49. **Таксисное значение** – значение относительного времени.

50. **Темпоральность** – функционально-семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых

ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета.

51. **Фреквенталия лингвистическая** – явление, встречающееся в языках мира достаточно часто (с вероятностью, превышающей случайную).

52. **Passato prossimo** (в итальянском языке) – аналитическая перфектная форма прошедшего времени глагола, состоящая из связки *быть* или *иметь* и причастия прошедшего времени.

53. **Passato remoto** (в итальянском языке) – синтетическая форма прошедшего повествовательного времени.

54. **Trapassato prossimo** (в итальянском языке) – аналитическая форма предпрошедшего времени (плюсквамперфекта).